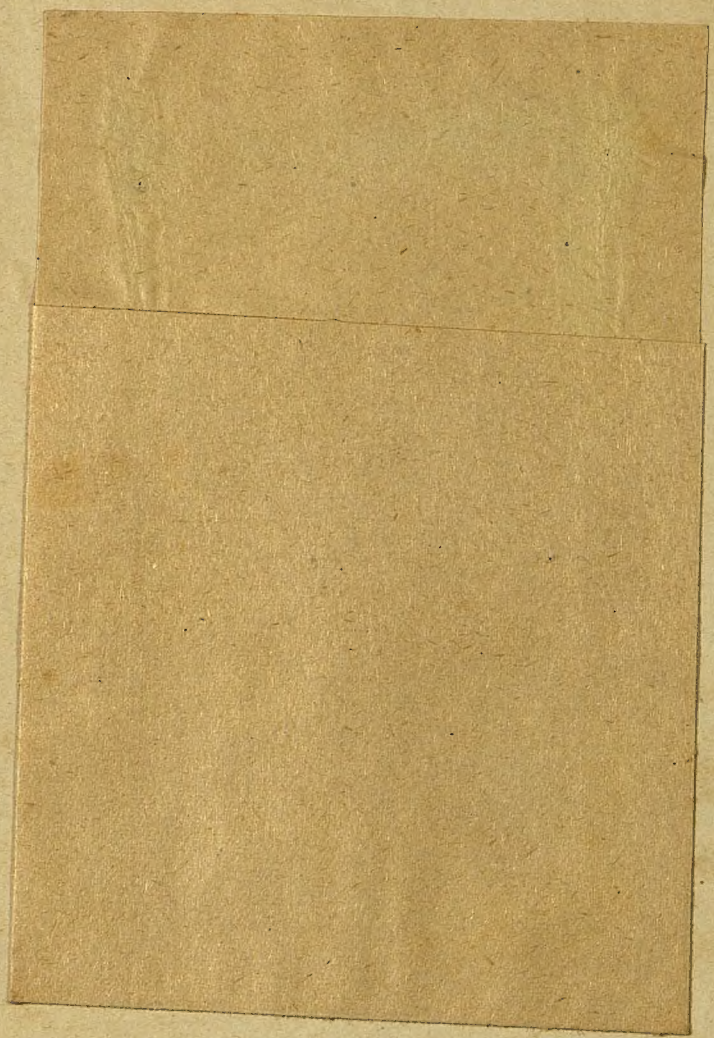
Фно. Старина
№ 4

1912

Старина
2г.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. АПРѢЛЬ. 1912 годъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСКАГО КЛУБА.
25372

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 3—12
II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 13—20
III. **Воспоминанія стараго педагога.** А. Ѳ. Андріяшевой. 21—29
IV. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 31—45
V. **Встрѣчи и столкновенія.** (М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ). Р. И. Сементковскаго. 47—58
VI. **Памятники 1812 года въ Печерскомъ монастырѣ.** Сообщилъ Н. Козыревъ. . . . . 59—62
VII. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски по неиздан. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 63—71
VIII. **Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ Апухтинъ.** (Изъ воспоминаній педагога). В. Г. Смородинова. . . . 73—83
IX. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 85—98
X. **О Пушкинѣ.** Н. Лернера. . . . . 99—113
XI. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 114—120
XII. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . 121—161
XIII. **Наполеонъ на островѣ св. Елены.** Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 162—179
XIV. **Яковъ Іоганъ Урсинусъ.** Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. А. Г. Воронова. . . . . 180—187
XV. **Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?** Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами). В. Ф. . . . . 188—208
XVI. **Въ апрѣлѣ 1812 года.** Т. 209—221
XVII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 30
б) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 46
в) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 72
г) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 84
XVIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).
XIX. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г.** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Военноуполномоченные Россіи на Берлинскомъ Конгрессѣ: Георгій Ивановичъ Бобриковъ, Андрей Андреевичъ Боголюбовъ и Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ. 2) Къ статьѣ „Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.?“, планъ и 1, 2 и 3 №№ схемъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Новгородъ. 1911 г. Составилъ С. Р. Минуловъ.

Авторъ книги въ своемъ предисловіи намѣчаетъ такимъ образомъ:

„Идея моя—дать читателю полный сводъ указаній на всякія сказанія о Россіи и о русскихъ людяхъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ такъ, чтобы всякій желающій ознакомиться съ той или другой эпохой, могъ сразу опредѣлить, кто именно писалъ о ней, и гдѣ можно найти его сказанья: мнѣ хотѣлось извлечь изъ забвенія весь циклъ именъ, затерянныхъ теперь въ первыхъ рядахъ книгъ, отмѣтить всѣ отзывы современниковъ объ авторахъ этихъ документовъ, что важно для выясненія степени достовѣрности показаній ихъ, и наконецъ, кратко изложить содержаніе каждаго документа".

Изданіе будетъ выходить выпусками, первый выпускъ охватываетъ эпоху отъ скиескихъ временъ до конца царствованія Императора Павла I. Отдѣлы выпуска: до XII вѣка, XII вѣкъ, XIII, XIV, XV, XVI, а затѣмъ по царствованіямъ до конца, при чемъ смутное время выдѣлено въ особый отдѣлъ.

Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ этотъ почтенный и прекрасный трудъ, въ которомъ чувствовалась такая настоятельная потребность для лицъ, занимающихся исторіей, и желаемъ успѣшнаго и скорѣйшаго окончанія этого выдающагося труда.

Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Составилъ И. Н. Божеряновъ.—Москва 1912 г.

Прекраснымъ языкомъ и интересно разсказаны событія 1812 года. Въ текстѣ книги напечатаны портреты выдающихся русскихъ и французскихъ военачальниковъ, а также воспроизведено много интересныхъ рисунковъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г.

Грушевскій, Мих., проф. Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Кіевъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвят., 5). 8° (16 × 24). 468+II нен. стр. Складъ: Кн. Литер. маг. Научн. Вѣстник. (Б.-Владимірская, 28). Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.200 экз.

Доможировъ, ген.-лейт. Бесѣды по русской исторіи, какъ пособіе для познанія исторіи своего отечества. Спб. 1911. Изд. газеты „Русское Чтеніе", 2-е (Надеждинская, 19). Тип. Бр. Лукшевицъ. 8° (15×22). 58 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Евдокимовъ, Л. В. „Бѣлый генералъ" М. Д. Скобелевъ, въ народныхъ сказаніяхъ. Съ 4-мя снимками народныхъ лубочныхъ картинъ. Спб. 1911. Изд. автора. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8°. (16×25). 31 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли П. Шибанова. Новыя пріобрѣтенія. № 162. М. 1911. Изд. П. Шибанова (Никольская). Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 33 стр. Вѣсъ 2 л. 1.225 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ V. Трилогія. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Книга 6—10. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 линія, собст. д.). 8° (16 × 23). 275 стр. Ц. 18 р. за 15 тт. Вѣсъ 30 л. 5.100 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ VI. Повѣсти и легенды. Спб. 1911. Изд. и тип. М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 лин., собств. д.) 8° (16×23). 248 стр. Ц. 18 р. за 15 тт. Вѣсъ 27 л. 5.100 экз.

Овсяникo-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Спб. 1911. Изд. т-ва „Общест. Польза" кн-ство „Прометей". Тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 23). 214 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Острогорскій, М. Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ съ картами и рисунками. Пособіе при изученіи элементарнаго курса исторіи (въ низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, прогимназіяхъ и др. учебныхъ заведеніяхъ низшаго разряда). Спб. 1911. Изд. 16-е. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліановск. пр., 13). 8° (15×23). 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Станкевичъ, А. А. Первые шаги крестьянской реформы въ Сѣверо-Западномъ краѣ. (Историческая справка, доложенная въ торжественномъ засѣданіи Виленскаго Губернскаго Присутствія, 19-го февраля 1911 года). Вильна. 1911. Тип. Губериская. 8° (17×25). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

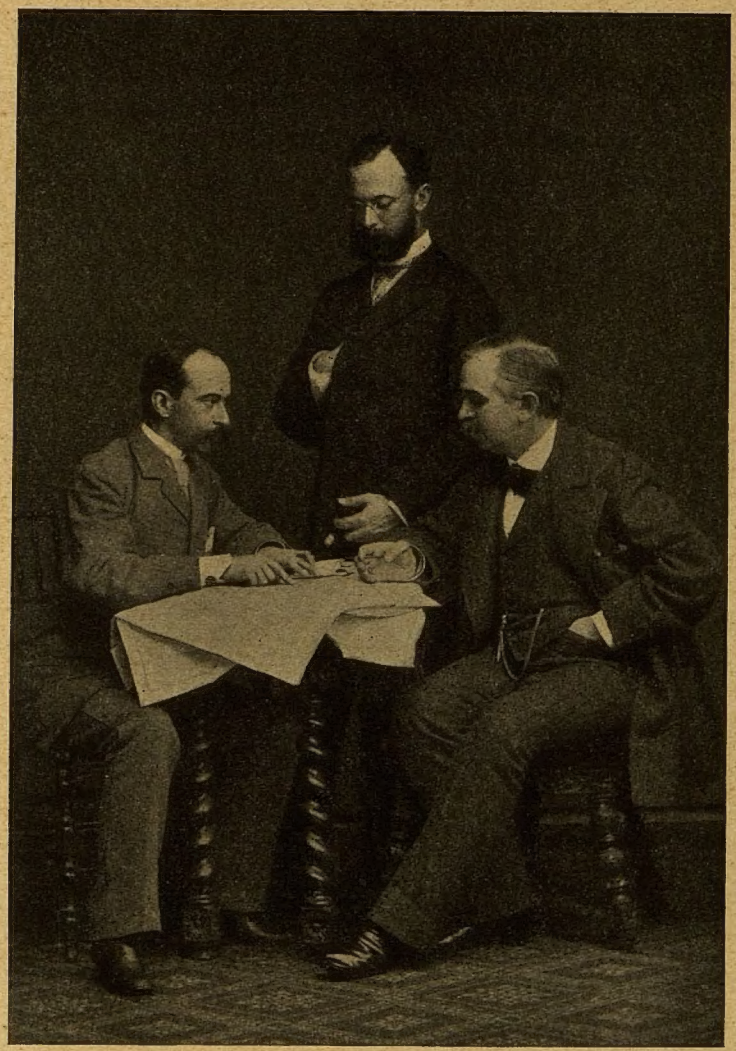
Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. 1911. Изд. 5-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (17 × 24). VIII+477 стр. Съ рис. Складъ: Кн. маг. Сотрудникъ школъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 8.000 экз.

Божеряновъ, И. Н. Памятка двухсотлѣтія Прутскаго похода Петра Великаго 1711 — 12 Іюля — 1911 — 12 Іюля. Спб. 1911. Тип. Хром.-литогр. Т. Киббель. Тип. Бенке. 4° (25×35). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Аскольдова Могила. Повѣсть временъ Владиміра Перваго. Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина № 3. М. 1911. Изд. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9), 2-е. Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч., св. д.). 16° (13 × 18). 296 + 8 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 20 л. 4.000 экз.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Георгій Ивановичъ Бобриковъ. Андрей Андреевичъ Боголюбовъ. Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ.

(Къ дневнику Анучина).

Военноуполномоченные Россіи, отстоявшіе на Берлинскомъ Конгрессѣ границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, какъ того требовало достоинство Россіи.

Ред.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, „Русская Старина", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Левановскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На вѣленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1912.

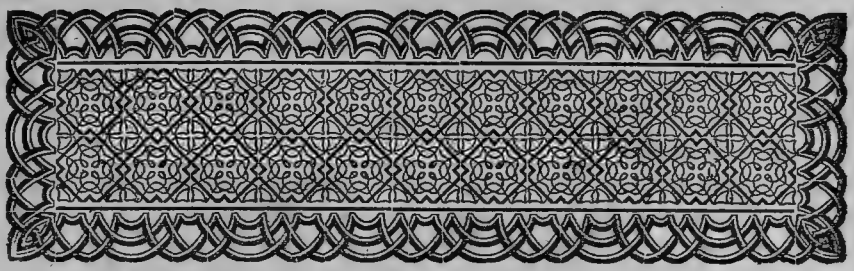
АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

253172

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.



[illegible]

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Четвергъ 8/20 іюня. Въ ½ 11-го у Шувалова собрались: я, Бобриковъ и Убри. Я и Бобриковъ объяснили во всѣхъ подробностяхъ наше вчерашнее совѣщаніе съ англичанами и австрійцами и выставили на видъ все безобразіе англійскихъ домогательствъ. Всѣ согласились, что проведеніе границы Болгаріи сѣвернѣе Балканъ, съ оставленіемъ въ рукахъ Турціи всѣхъ проходовъ—немыслимо и не стоитъ оспариваній. Что засимъ, если несмотря на всю нелѣпость такой затѣи, англичане будутъ ее поддерживать, то придется прекратить частныя совѣщанія между Англіей, Австріей и Россіей и защищать свое дѣло прямо передъ конгрессомъ.

Отвѣтъ на депешу изъ Петербурга полученъ. Государь крайне недоволенъ требованіемъ англичанъ о допущеніи турецкихъ войскъ въ южную Болгарію. Оставляетъ Варну безусловно въ сѣверной Болгаріи, а на счетъ Софійскаго санджака еще не знаетъ, что сказать и выскажется, выслушавъ то, что привезетъ Боголюбовъ.

Вслѣдствіе выраженнаго нами удивленія по поводу непостижимой для насъ уступчивости Россіи, видимо заохочивающей Англію и Австрію къ возбужденію самыхъ оскорбительныхъ для нашего самолюбія и народной чести требованій, Шуваловъ сказалъ мнѣ и Бобрикову: „на послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ у Государя въ

---

[1]) См. „Русск. Старину“ мартъ 1911 г.

Царскомъ Селѣ, подробно обсуждали наше положеніе и пришли къ заключенію, что оно таково, что слѣдуетъ многое уступить". А послѣ послѣдняго, дорогою въ Петербургъ, Милютинъ сказалъ мнѣ: „вы, графъ, съ потерею даже личныхъ выгодъ и самолюбія должны скорѣе все уступить, чѣмъ привести къ новой войнѣ, къ которой мы неготовы".—„Отчего же этого вы не сказали при Государѣ?—„Онъ это знаетъ".—„Однако онъ защищалъ то, что не слѣдовало бы защищать, зная сущность положенія".

Барятинскій, предполагавшійся передъ Наслѣдникомъ главнокомандующимъ противъ Австріи, говорилъ Шувалову, что при войнѣ съ Австріей полагалось отозвать Тотлебена изъ Болгаріи на лѣвый нашъ флангъ; въ центрѣ поставить войска Кіевскаго округа и Царства Польскаго, а на правый флангъ стянуть все, что есть до Балтійскаго моря. Всего могло бы быть 350 т. Очевидно Барятинскій перепуталъ.

Сегодня передъ пятью часами по полудни, стали собираться на Потсдамскомъ бангофѣ (около Тиргартена), приглашенные къ обѣду. Съѣзжались одновременно и вскорѣ собрались всѣ. Оказалось, что на этотъ обѣдъ приглашены только русскіе и австрійцы. Всего было человѣкъ сорокъ, считая прибывшихъ вновь и чиновъ посольствъ. Австрійскій посолъ графъ Кароли пріѣхалъ съ женой, прелестной женщиной лѣтъ 30, рожденной Ердеди (?) Говорятъ, лѣтъ десять тому назадъ, она и ея сестра сводили всѣхъ съ ума въ Эмсѣ.

Весьма смиренно взяли билеты взадъ и впередъ; особыхъ вагоновъ для насъ приготовлено не было. Шуваловъ, Андраши, я, Бобриковъ и еще Тёммель, австрійскій подполковникъ генеральнаго штаба, членъ нашей комиссіи, были въ военной формѣ, всѣ остальные въ вицъ-мундирахъ и лентахъ. Графиня Кароли была въ длинномъ бѣло-желтомъ пальто, подъ которымъ потомъ оказалось черное шелковое платье съ небольшими вырѣзами лифа спереди и сзади. Эти вырѣзы и рукава были изъ дырчатой матеріи и обшиты толстыми кружевами. На головѣ ничего, ни одного цвѣтка. При дворѣ трауръ по случаю смерти ганноверскаго короля. Горчаковъ все сидитъ дома.

Ѣзды до Потсдама—40 минутъ. Дорога идетъ нерѣдко между прекрасными дачами. На послѣдней станціи насъ ожидали придворные экипажи; я сѣлъ въ ландо съ гр. Адлербергомъ, Сороки-

нымъ и Араповымъ, и насъ скоро, черезъ паркъ, привезли ко дворцу, въ которомъ, въ лѣтнее время, проживаетъ кронъ-принцъ.

Дворецъ хотя и называется Neues Palais, но онъ построенъ Фридрихомъ Великимъ съ 1763 по 1769 г. послѣ семилѣтней войны въ доказательство, что у него есть еще довольно денегъ. Отъ Санъ-Суси дворецъ отдѣляется превосходнымъ паркомъ.

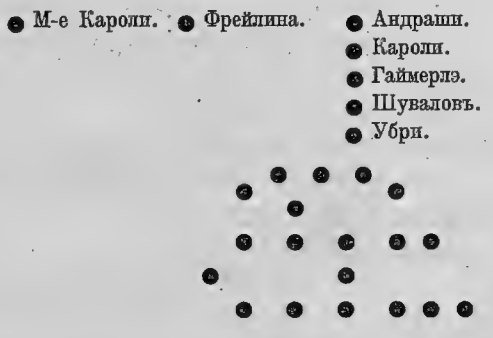
Надъ фронтономъ дворца три женскія фигуры поддерживаютъ колоссальную корону. „Это три бабы, съ которыми я воевалъ,— говорилъ Фридрихъ Великій—Елизавета, Марія-Терезія и Помпадуръ; онѣ поддерживали мою власть и корону".

Во дворцѣ у него были роскошно отдѣланные покои, которые и до настоящаго времени сохраняются въ неприкосновенности. Жаль, что намъ ихъ не показали. Говорятъ, что Фридрихъ Великій всѣ счеты по постройкѣ сжегъ, такъ что о дѣйствительной стоимости дворца не знаютъ, но издержано на него очень много.

Черезъ обширный вестибюль, насъ ввели прямо въ огромную залу, которая занимаетъ среднюю часть нижняго этажа дворца; въ ней бьютъ фонтаны, а стѣны украшены на подобіе подземнаго грота, раковинами, сталактитами, пористыми камнями и проч. Это знаменитая salle des grottes (Muschelsaale). Она очень красива, въ старомъ затѣйливомъ вкусѣ.

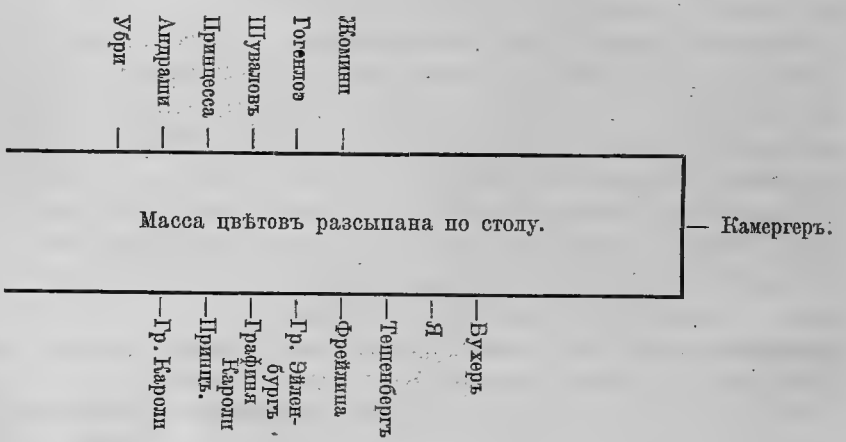
Встрѣчали насъ придворные чины, камергеры или камеръюнкеры во фракахъ съ красными суконными воротниками и обшлагами. Некрасивая ихъ форма не мѣшала имъ быть изысканно любезными.

Принцъ вышелъ съ принцессой. Поклонъ въ обѣ стороны и глубокій реверансъ. Въ одну линію стояли уполномоченные, а потомъ группой всѣ остальные.



Принцесса подошла къ графинѣ Каролн, поцѣловалась съ нею и, сказавъ нѣсколько словъ, перешла къ Андраши и съ каждымъ

изъ пяти уполномоченныхъ говорила по-немногу. Принцъ послѣ нея подошелъ къ Каролі и говорилъ съ нею и фрейлиной или статсъ-дамой, скверной нѣмкой. Переговоривъ съ уполномоченными, принцесса подошла къ принцу. Гофъ-маршалъ Эйленбургъ доложилъ, что обѣдъ готовъ, и принцъ, давъ руку принцессѣ, пошелъ въ сосѣднюю Мраморную Галлерею (Marmor Gallerie), гдѣ накрытъ былъ столъ на 48 кувертовъ. Принцъ сѣлъ противъ принцессы и въ обѣ отъ нихъ стороны по 11 человѣкъ, а по концамъ по камергеру.



Diner le 21 Juin 1878.

Potages: à la rouennaise
à la Princesse.
Hors d'oeuvres: Boudin de volaille à la Villeroy
Petits pâtés de poulet
Poissons: Turbot bouilli, sauce d'anchoix
Fruites au bleu.
Rélevés: Jambon au vin de Bourgogne
Filet de boeuf à la flamande.
Entrées: Poulets à la régence
Canetons aux ôlives
Foie gras de Strasbourg.
Pain de homards à l'anglaise.
Rôts: Poularde / Chevreuil } rôti { bread-sauce / sauce de groseilles.
Salade.

Légumes: Asperges, sauce au beurre.
Entremets: Baba au chocolat
Pudding diplomat
Dessert.
Glaces.

Обѣдъ былъ прекрасный, но полуанглійскій. Столъ былъ уставленъ превосходными цвѣтами, преимущественно бѣлыми, желтыми и разныхъ оттѣнковъ розами. Принцесса—любительница цвѣтовъ и птицъ.

Сосѣди мои были очень интересны. Слѣва: „чрезвычайный посолъ и полномочный министръ е. и. апостолическаго величества Тешенбергъ“. Это простой титулъ, онъ не былъ еще нигдѣ посланникомъ и состоитъ при австрійскомъ мин. ин. дѣлъ. Справа—Лотарь Бухеръ, теперь правая рука Бисмарка въ мин. ин. дѣлъ, а въ 1848 г. революціонеръ и строитель берлинскихъ баррикадъ. Не зная этихъ качествъ моего сосѣда, я преспокойно говорилъ съ нимъ о быломъ Потсдама, и онъ усердно и охотно поддерживалъ разговоръ, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о дворцѣ, Фридрихѣ Великомъ и проч. Съ видимымъ неодобреніемъ замѣчалъ, что въ семьѣ кронъ-принца все на англійскій манеръ, за что берлинцы мало симпатизируютъ кронъ-принцессѣ. Подъ конецъ обѣда онъ взялъ нѣсколько конфектъ и, завернувъ ихъ въ бумажку, сказалъ: „это я отвезу женѣ; я всегда привожу домой что-нибудь съ каждаго обѣда, на которомъ бываю одинъ, безъ семьи“. Послѣ обѣда, баронъ Фредериксъ, сидѣвшій vis-à-vis со мной, объяснилъ мнѣ кто такой Бухеръ и сказалъ: „а мы (онъ сидѣлъ рядомъ съ мѣстнымъ губернаторомъ) удивлялись, глядя на васъ, о чемъ это вы такъ дружелюбно разговаривали съ такой букой, какъ Бухеръ“. Очень можетъ быть, что, знай я біографическія подробности о Бухерѣ, я не обратился бы къ нему съ пустымъ вопросомъ и не далъ бы ему возможности оказаться занимательнымъ собесѣдникомъ.

Кромѣ знакомыхъ австрійцевъ былъ на обѣдѣ и Гербертъ Бисмаркъ въ военной формѣ, и всѣ мы дружно и весело разговаривали. Главнымъ предметомъ разговора была наша комиссія, слухи о дебатахъ которой уже разошлись и всѣ издѣвались надъ невозможными предложеніями англичанъ.

Послѣ обѣда вышли изъ дворца въ садъ на террасу. Принцъ подходилъ къ каждому изъ насъ. Мнѣ высказалъ сожалѣніе, что работы въ комиссіи помѣшали намъ быть вчера на смотру ихъ учебнаго батальона, который занимаетъ въ Потсдамѣ павильонъ

дворца. Подходила и принцесса. Разспрашивала, когда я видѣлъ Императрицу, что она всѣхъ ихъ перепугала своею болѣзнью и проч. [1]). Была очень любезна. За обѣдомъ мнѣ со всѣхъ сторонъ поднимали бокали новые знакомцы; пили другъ за друга.

Въ 8 ч. безъ 10 минутъ ушла принцесса, простившись съ графиней Каролі и поклонившись намъ. Принцъ оставался до 8. Потомъ подали экипажи, прокатили насъ по парку и Санъ-Суси и подвезли ко второй станціи какъ разъ, когда къ ней подходилъ поѣздъ. Въ 9 ч. ровно мы были въ Берлинѣ, и гр. Шуваловъ довезъ меня въ своей колескѣ.

Дорогою гр. Шуваловъ разсказалъ мнѣ, что вчера у него была стычка съ Биконсфильдомъ. Шуваловъ сказалъ, что Государь Императоръ желаетъ вопросъ о занятіи турками южной Болгаріи обсудить еще и просилъ отложить засѣданіе до субботы. *Биконсфильдъ*: „Мы пріѣхали сюда изъ Англіи, устроить здѣсь дѣла турецкаго султана и предоставить ему полную возможность проявлять свою власть въ Турціи; мы не можемъ терять времени. Этотъ вопросъ надо давно кончить; онъ самый главный, и если на него не согласятся, то и разсуждать нечего“.

Шуваловъ. „Напрасно вы говорите, что не любите терять время; я самъ тоже не люблю этого, но что же дѣлать, когда получаешь такія предложенія, какъ напр. сдѣланное вчера вашими офицерами о разграниченіи. Я принимаю его за шутку, и если вы его не измѣните, то нечего и толковать“.

Англичанинъ смягчился и сказалъ, что нѣтъ еще ничего рѣшеннаго.

На отложеніе 3-го засѣданія съ 21-го на 22-ое Конгрессъ согласился.

Бисмаркъ пришелъ въ ярость (по словамъ Шувалова), узнавъ о границѣ по Балканамъ съ англійской точки зрѣнія. Англичане хотятъ разорвать съ нами, вслѣдствіе обнародованія лондонскаго меморандума, несогласнаго съ мнѣніемъ ихъ партіи, громко протестующей по поводу уступокъ, сдѣланныхъ до Конгресса. „Слѣдовательно, сказалъ гр. Шуваловъ, я заставилъ англичанъ подписать такое обязательство, отъ котораго они теперь открещиваются“. Это его собственныя слова. Итакъ онъ думаетъ, что лондонскимъ меморан-

---

[1]) Я представлялся Государынѣ, передъ отъѣздомъ въ Радомъ, 20 мая, а заболѣла она 22-го мая.

думомъ услужилъ Россіи! Стало быть онъ имѣлъ достаточную свободу дѣйствій и заключилъ условія 18 (30) мая не въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ и точнаго приказанія изъ Петербурга, а по своей иниціативѣ, думая, что вынуждаетъ англичанъ къ невыгодной для нихъ сдѣлкѣ. Какое заблужденіе!

Австрія соглашается отказаться отъ Enclave, если мы дадимъ ей военный постъ въ Митровицѣ и затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, не будемъ препятствовать занять и всю Enclave. За это обѣщаютъ помогать намъ по вопросамъ о границахъ. Вотъ они торгуются на чистоту; знаютъ чего требуютъ и прямо высказываютъ, что прежде всего думаютъ о своихъ собственныхъ интересахъ, а не донкихотствуютъ объ участи христіанъ.

Посмотрѣвъ на часы и видя, что, судя по времени, поѣздъ Варшавской желѣзной дороги пришелъ уже въ Царское Село и довезъ Боголюбова, я говорю Шувалову: „вѣроятно, Государь теперь принимаетъ Боголюбова и чрезъ нѣсколько часовъ вы получите окончательный отвѣтъ о Софійскомъ санджакѣ“.

Отвѣта на запросы, посланные съ Боголюбовымъ, ожидаютъ только завтра и то среди дня, полагая, что только утромъ соберется въ Царскомъ Селѣ комитетъ по восточнымъ дѣламъ и выслушаютъ Боголюбова. Поэтому и совѣщаніе съ Англіей и Австріей по вопросу о границахъ назначено на завтра въ 5 ч. по полудни.

Разсказъ Шувалова поразилъ меня; о времена, о нравы! Интересно, какъ онъ понимаетъ бремя лежащей на немъ отвѣтственности.

На послѣднемъ засѣданіи, князь Горчаковъ по своей старческой разсѣянности снова произвелъ безобразіе. У него есть изъ военнаго министерства карта мало-азіатскаго театра войны съ показаніемъ на ней границъ прежнихъ и Санъ-Стефанскаго договора, а также съ проведенными чертами, означающими предѣлы возможныхъ уступокъ. Эту карту, составляющую, разумѣется, большой секретъ, князь Горчаковъ, неизвѣстно для чего взялъ на засѣданіе (о Малой Азіи на немъ разсуждать не предполагалось), развернулъ и положилъ передъ собою, какъ разъ подъ глазами своего сосѣда Одо-Росселя. Любопытные взгляды англичанина обратили на себя вниманіе Шувалова, и онъ взялъ карту къ себѣ. Секретныя карты теперь отобраны отъ Горчакова, ему дали обыкновенныя.

Пятница 9/21 іюня. Собрались въ ¾ 5-го у Шувалова—Убри, я и Бобриковъ. Полученная изъ Петербурга депеша (отвѣтъ на посылку Боголюбова) извѣщаетъ, что окончательно согласны на присоединеніе Софійскаго санджака.

Итакъ, Македонія уступлена окончательно, и Болгарія съ Румеліей будутъ граничить съ Салоникскимъ вилайэтомъ. При такомъ порядкѣ вещей, намъ не только не придется ничего занимать вновь, но мы должны очистить Джуму, которая, какъ входившая въ демаркаціонную черту, была занята нашими войсками. Говоря о Софійскомъ санджакѣ, Шуваловъ передалъ о новой каверзѣ англичанъ. Видя, что мы придаемъ этому санджаку большое значеніе, они начали говорить, что никогда не соглашались на уступку намъ Софійскаго санджака, т. е. мѣстности, имѣвшей свои опредѣленныя административныя границы, а подразумѣвали только Софію съ нѣкоторымъ около нея пространствомъ и что потому необходимо особо опредѣлить, что именно должно быть отрѣзано отъ санджака какъ единицы административной. Главнымъ образомъ они настаиваютъ на томъ чтобы за Турціей остались верхній бассейнъ Искера и Ихтиманскій проходъ. Они полагаютъ, что въ будущемъ это путь сербовъ въ Турцію. Въ видахъ трудности точно формулировать ихъ требованія, они заявляютъ, что согласны будутъ на то, чтобы точную границу въ этомъ мѣстѣ опредѣлила, со временемъ, Европейская комиссія.

Въ 5 ч. было новое совѣщаніе Россіи съ Англіей и Австріей; точнаго ничего не опредѣлилось. Англія и Австрія рѣшили имѣть завтра въ 12 час. особое между собою совѣщаніе для установленія одинаковыхъ взглядовъ на границу. Сойдясь во взглядахъ, они обѣщали пригласить на то же засѣданіе и Россію съ тѣмъ, чтобы къ тому же времени въ англійское посольство, гдѣ будетъ происходить совѣщаніе, явились и военные представители, для окончательнаго, на случай надобности, разъясненія спора по картѣ. Шуваловъ поэтому пригласилъ меня и Бобрикова къ себѣ завтра въ субботу къ ¾ 12-го. На завтра же 10 (22) іюня назначено и четвертое засѣданіе. Конгрессъ, по обыкновенію, открывается въ два часа.

Всѣ недоразумѣнія о границахъ происходятъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что лица, первоначально объ этомъ переговаривавшіяся въ Лондонѣ, т. е. Биконсфильдъ, Салисбюри и Шуваловъ, не имѣли достаточныхъ географическихъ знаній и совершенно не были знакомы

съ особыми свойствами нѣкоторыхъ пунктовъ, которые между тѣмъ вслѣдствіе своихъ стратегическихъ, этнографическихъ, или просто топографическихъ условій имѣли для той или другой стороны особую важность. Этимъ только и можно объяснить недоразумѣнія столь крупныя, какъ значеніе Балканъ, вопросъ о Софійскомъ санджакѣ безъ точнаго опредѣленія значенія этого понятія и проч. Что англичане отличались подобнымъ незнаніемъ, это показываетъ возбужденіе ими въ Берлинѣ вопросовъ, которые легко были бы разрѣшены и пожалуй въ ихъ смыслѣ, при первыхъ переговорахъ въ Лондонѣ, гдѣ мы такъ легко шли на уступки. Шуваловъ самъ говорилъ, что учился на мѣдныя деньги. Говорятъ, что передъ войною 1877—1878 г. къ нему въ Лондонъ посылали офицера генеральнаго штаба (А. А. Боголюбова?), чтобы на мѣстѣ, въ устной бесѣдѣ, разъяснить разницу между Босфоромъ и Дарданеллами. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ присутствіи лица, ѣздившаго будто бы для этого въ Лондонъ. Онъ можетъ подтвердить или отвергнуть эту ссылку на него.

Суббота 10/22 іюня. Въ назначенное время собрались у Шувалова и все толковали о тѣхъ же злополучныхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Вскорѣ, англичане и австрійцы, совѣщавшіеся въ англійскомъ посольствѣ, прислали за Шуваловымъ. Было ½ 2-го и всѣ мы—Шуваловъ, Убри, я и Бобриковъ—пошли къ англичанамъ. Шуваловъ и Убри прошли въ кабинетъ посла, а я съ Бобриковымъ остались въ залѣ, гдѣ уже находились офицеры англійскіе и австрійскіе. Переговоры уполномоченныхъ продолжались нѣсколько болѣе получаса. Затѣмъ двери кабинета отворились, и въ залѣ появился Биконсфильдъ. Вглядѣвшись въ него хорошенько, я замѣтилъ, что онъ шамкаетъ губами—совсѣмъ уже дряхлъ. Несмотря на это мозги у него цѣлы. И у нашего стараго канцлера живости много, за то мысли не въ порядкѣ—все забываетъ и перепутываетъ. Вскорѣ послѣ ухода Биконсфильда,—полюбопытствовавшаго посмотрѣть въ залѣ посла на голубятникъ, устроенный въ нижнемъ окнѣ, выходившимъ во дворъ—появились и прочіе уполномоченные. Нашихъ указаній не понадобилось, но результатовъ положительныхъ опять не достигнуто. Биконсфильдъ впрочемъ неодобрительно отозвался о дѣятельности своихъ офицеровъ: „мы государственные люди, а между тѣмъ цѣлый часъ толковали по поводу безразсудства какого-то англійскаго офицера“.

Едва-ли скоро придется возвратиться отсюда. Около мѣсяца дѣло протянется навѣрно. Спорятъ ужасно, но хотятъ добиться конца, а потому нѣтъ конца частнымъ совѣщаніямъ, на которыхъ-

то и улаживается суть, а то бы дошло до свалки на самомъ Конгрессѣ.

Вечеромъ мы, т. е. пріѣхавшіе на Конгрессъ, приглашены въ зоологическій садъ, на большой военный концертъ. Присланы красивые билеты съ золотымъ обрѣзомъ. Приглашены, разумѣется, для увеличенія дохода сада, потому что, безъ сомнѣнія, явится масса охотниковъ посмотрѣть на M-rs les congréssistes. А любопытныхъ вездѣ много, и особенно въ жару, какая теперь здѣсь, прогуляться пріятно. Я не поѣду, уже былъ тамъ два раза въ этотъ пріѣздъ и новаго ничего нѣтъ, а теперь ѣхать—значитъ только выставлять себя—пожалуй для приглашенныхъ, которые явятся съ особыми билетами, будетъ отведено мѣсто, и всѣ станутъ на нихъ смотрѣть какъ на звѣрей.

Сегодня Горчаковъ ночью разболѣлся и не былъ на засѣданіи Конгресса. Вся тяжесть дѣла и безъ того лежитъ на Шуваловѣ, который, надо сказать правду, работаетъ усердно, отлично выслушиваетъ постороннія мнѣнія и, разъ понявъ дѣло, ведетъ его хорошо. Онъ совѣщается съ иностранными уполномоченными и Бисмаркомъ, подаетъ заявленія въ Конгрессѣ и самостоятельно телеграфируетъ въ Петербургъ. Переговоры его съ Горчаковымъ происходятъ кажется, только для виду; по крайней мѣрѣ, возбудивъ какой-либо вопросъ и потребовавъ нашего мнѣнія (офицеровъ генеральнаго штаба), онъ тутъ же, немедленно, принимаетъ то или другое рѣшеніе, дѣйствуя вполнѣ независимо. Это—очень способный и крайне любезный человѣкъ.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г. [1]).

Ноябрь 1. Четвергъ. Императрица сказала мнѣ вчера, что Государь сообщилъ Ей содержаніе полученныхъ имъ бумагъ, изъ которыхъ видна вся гнусность прусскаго министерства, такъ что неудивительно, если король окончательно впалъ въ уныніе и отчаяніе, и даже готовъ подписать раздѣлъ всего своего королевства, что онъ долженъ былъ возстановить Ломбара въ его должностяхъ, отставить: графа Шулемберга за намѣреніе защищать Штетинъ, и многихъ другихъ достойныхъ лицъ, которыя желали оказывать сопротивленіе; наконецъ, что вѣроятно французы находятся въ настоящую минуту въ Варшавѣ.

Послѣ пораженія пруссаковъ 14-го октября и любезностей, оказанныхъ Бонапартомъ курфирсту Саксонскому, я полагаю, что Бонапартъ имѣетъ слѣдующее намѣреніе: такъ какъ онъ возитъ въ свитѣ своего брата Іеронима, несмотря на то, что назначилъ его контръ-адмираломъ, т.-е., мѣсто далъ во флотѣ, а не въ войскахъ, дѣйствующихъ въ Пруссіи, то конечно намѣренія его касаются брата; возможно, что онъ заставитъ Іеронима жениться на единственной дочери курфирста и думаетъ: возложивъ польскую

---

[1]) Ввиду юбилейныхъ событій 1812 г. редакція не имѣетъ возможности печатать дневникъ Вилламова въ хронологическомъ порядкѣ.

Ред.

корону на голову престарѣлаго курфирста, назначить Іеронима его наслѣдникомъ, предоставивъ Іерониму власть, а тестю только титулъ; отторгнуть отъ Пруссіи всѣ ея владѣнія въ Польшѣ, а можетъ быть и Силезіи, чтобы составить вмѣстѣ съ курфиршествомъ новое королевство, имѣя впослѣдствіи намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ соединить другія отторгнутыя польскія провинціи. Собственность курфирста, его драгоцѣнные камни и часть его галлереи съ избыткомъ заплатятъ Бонапарту за его труды и заботы.

Сегодня я былъ у графа Кочубея, чтобы переговорить съ нимъ, по повелѣнію Императрицы о незаконныхъ дѣтяхъ, которыхъ хочетъ прислать могилевскій губернаторъ въ воспитательный домъ. Было рѣшено помѣшать этой присылкѣ, такъ какъ число ихъ невелико въ Могилевѣ, и лучше воспитывать ихъ тамъ вмѣсто перевозки. Онъ мнѣ сказалъ по этому случаю, что губернаторъ спрашивалъ его согласія на покупку каменнаго дома за 25.000 руб. для устройства воспитательнаго дома, но что онъ помѣшалъ устройству этого заведенія, такъ же какъ онъ отклонилъ подобный проектъ для Харькова. Я вернулся на службу во дворецъ. Императрица, которая должна была обѣдать у Государя, приказала мнѣ придти послѣ обѣда вмѣстѣ съ Россыхинымъ и утвердила новый штатъ для гатчинскаго госпиталя въ 14.800 руб. Вернувшись домой послѣ 8 часовъ, я въ половинѣ одиннадцатаго *началъ этотъ дневникъ.*

Согласно сегодняшней выпискѣ изъ отчета значится, что Императрица воспитываетъ въ разныхъ институтахъ на свой счетъ болѣе 200 дѣтей, а именно.

Въ Маріинскомъ 40 комплектныхъ и 24 пансіонер.	64
Въ Екатерининскомъ (Петербургскомъ)	31
тоже въ Московскомъ	7
Въ Смольномъ на благородной половинѣ	19
„ „ мѣщанской „	25
Въ Мѣщанскомъ Московскомъ Институтѣ	2
У М-мъ Ришаръ	12
Въ гимназіяхъ	8
Въ Московской Богадѣльнѣ	20
Въ Коммерческомъ Петерб. училищѣ	5
„ въ Московскомъ	3
Въ Воспитательномъ домѣ Петербург.	42
„ Московскомъ	5
Въ Петро-Павловской школѣ	1
Итого . .	244

Кромѣ того: слѣпыхъ дѣтей въ Гатчинѣ		50
глухо-нѣмыхъ	„	12
Итого . .		306

2-го. Пятница. Я собирался уже идти на службу вмѣсто Полетики, котораго считалъ еще больнымъ, какъ я получилъ черезъ Кабанова извѣстіе о его выздоровленіи.

Написавъ письмо сестрѣ, я чувствовалъ безпокойство, какъ бы ожидая, что меня потребуютъ, я старался успокоить себя, что на этотъ разъ ожиданіе напрасно, но безпокойство продолжалось. Дѣйствительно камердинеръ Ея Величества Кириллъ Тимофеевъ былъ присланъ съ приказаніемъ явиться немедленно къ Императрицѣ. Я отправился. Прибылъ курьеръ отъ графа Карла Ливена, имѣвшаго порученія сопутствовать Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ въ Россію. Онъ писалъ изъ Кенигсберга, что такъ какъ французы двигаются на Данцигъ, то они не могутъ продолжать путешествіе на сушѣ, а воспользуются датскимъ кораблемъ, чтобы переѣхать въ Копенгагенъ, тамъ потребуютъ хорошій фрегатъ для переѣзда Великой Княгини въ Либаву, если погода позволитъ ѣхать черезъ Швецію. Мнѣ поручено было отвѣтить письменно, обративъ его вниманіе на особую осторожность въ выборѣ путей. Повелѣно отправить экипажи въ Либаву въ ожиданіи пріѣзда Великой Княгини. Господарь Валахіи князь Ипсиланти пріѣхалъ сюда вчера и сегодня обѣдалъ у Государя.

Сегодня Степанъ Сергѣевичъ Ланской сообщилъ новость, что Булонскій портъ и вся флотилія сожжены англичанами; что Прусскій король находился въ Варшавѣ. Я узналъ еще, что наши войска вошли въ Молдавію, и нашъ кабинетъ потребовалъ сдачу всѣхъ турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ, что великій визирь отставленъ, а Себастіани французскій посолъ выѣхалъ изъ Константинополя.

3. Суббота. Я былъ разбуженъ около 5-ти часовъ утра пушечными выстрѣлами, возвѣщавшими благополучное разрѣшеніе Ея Величества Императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Вскорѣ пріѣхалъ ѣздовой съ приказаніемъ повѣстить членовъ опекунскаго совѣта, что пріема у Императрицы сегодня не будетъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что родилась Великая Княжна Елисавета Александровна.

Отправивъ ѣздового въ $5^1/_2$ часовъ, я написалъ своему тестю о счастливомъ событіи. Былъ по обыкновенію во дворцѣ и принесъ поздравленіе Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. О текущихъ дѣлахъ не было рѣчи. Она меня послала къ Будбергу съ просьбой отправить письмо къ маргграфинѣ Баденской, къ Палатину, къ Великой

Княгинѣ Луизѣ Виртембергской и Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Она еще послала эстафету въ Москву къ оберъ-камергеру князю Голицыну.

Я обѣдалъ въ кабинетѣ Ея Величества въ самомъ маленькомъ обществѣ. Послѣ обѣда о дѣлахъ не было рѣчи, и я отпущенъ домой послѣ 7 часовъ. Городъ былъ иллюминованъ.

4-го. Воскресенье. Собраніе во дворцѣ было блестящее и многочисленное, Дипломатическій корпусъ былъ на лицо.—О дѣлахъ не говорили, и я получилъ приказаніе прибыть послѣ обѣда. Такъ какъ я не имѣлъ еще случая принести поздравленіе Государю, то ожидалъ Его послѣ обѣда въ уборной Его Величества, и поздравилъ его тамъ. Государь меня поцѣловалъ. Императрица пошла посѣтить Августѣйшую роженицу и послѣ 7 часовъ занялась бумагами. Я вернулся въ канцеларію въ 9 часовъ, въ 10 ч. ушелъ домой.

Послѣ прочтенія бумагъ Государыня спросила мое мнѣніе о занимавшемъ ее намѣреніи. Вслѣдствіе разстройства финансовъ сказала она и тяготѣющей надъ нами войны, она хотѣла показать примѣръ жертвы, сокративъ свои расходы и отказавшись отъ третьей части своихъ доходовъ, и намѣревалась просить графа Васильева удерживать эту треть на нужды государства. Я позволилъ себѣ смѣлость выразиться, что подобное приношеніе могло заставить думать, что казна совершенно лишена всякихъ источниковъ. *„Да оно такъ и есть“* [1]), возразила Императрица.—Я напомнилъ, что мы имѣемъ въ ломбардѣ 3 милліона въ серебрѣ, которые принадлежатъ казнѣ, и она можетъ потребовать ихъ ежедневно, что въ банкѣ есть то же количество, что эти капиталы не составляютъ еще всю сумму капиталовъ *остаточнаго казначейства,* а кромѣ того почтовые капиталы весьма значительны. Что же касается до долга передъ государствомъ, и что она считаетъ себя обязанною при настоящихъ обстоятельствахъ отдать все, что у ней есть лишняго, то вѣроятно потому, что она не помнитъ употребленія ея доходовъ и того, что ей остается, хотя она видѣла распредѣленіе своихъ денегъ, но вѣроятно позабыла, что употреблено 700.000 руб. на разныя учрежденія, милостыни, пенсіи и проч. Что изъ остающихся 300.000—*сто* составляютъ экстраординарную сумму, имѣющую то же назначеніе, что когда такимъ образомъ отдаютъ государству $^3/_4$ своихъ доходовъ, то больше сдѣлать невозможно, развѣ прибавить еще и четвертую четверть. Она согласилась, что всѣ учрежденія дѣлаются для государства, и все, что она выдаетъ на нихъ, обращается на пользу государства, но что она настаи-

[1]) Mais il l'est aussi.

ваетъ, чтобы было составлено соображеніе на счетъ того, что можно сократить въ расходахъ. Я отвѣтилъ, что ничего не найдетъ для сокращенія, тѣмъ не менѣе, она приказала мнѣ совмѣстно съ Віолье составить вѣдомость ея расходамъ. Кажется, однако, что она отказалась отъ мысли сокращать то, что уже несократимо.

Императрица разсказала мнѣ о греческомъ пророчествѣ, приведенномъ сегодня княземъ Ипсиланти, относящемся къ XV и XVI вѣку, которое гласитъ, что франки распространятся по всей Европѣ и побѣдятъ (не знаю кого) и прусаковъ, но конецъ побѣдъ ихъ они увидятъ на поляхъ Сарматскихъ. Вчера г-нъ Новосильцевъ (камеръ-юнкеръ) привезъ Государю письмо отъ молодого Бенкендорфа (второе), гдѣ значится, что Бонапартъ поселился въ Санъ-Сусси; что французы позволяютъ себѣ всевозможныя выдумки на королеву и позорятъ всѣхъ тѣхъ, кто не расположенъ къ Гаугвицу, и выслали жандармскихъ офицеровъ въ Шпандау по той же причинѣ. Наконецъ, что колонна двигается на Варшаву, и что Данцигъ вѣроятно уже занятъ ими.

6-го. Вторникъ. Я получилъ приказаніе явиться къ Императрицѣ къ 3-мъ часамъ. Дюваль былъ тоже тамъ, рѣчь велась о подаркахъ, которые предполагалось сдѣлать по случаю рожденія В. К. Елисаветы Александровны. Обѣдалъ у Дюваля. Возвратясь домой, я получилъ около 10 часовъ вечера приказаніе идти къ Императрицѣ. — Мнѣ поручено было узнать у Раля, не привезено ли съ прибывшей сегодня эстафетой писемъ отъ Вел. Кн. Маріи Павловны. Я уже легъ спать, когда получилъ отъ Императрицы два письма на имя Вел. Кн. Маріи Павл., которыя я долженъ былъ препроводить къ Ралю для отправки, одно черезъ Швецію, а другое черезъ Либаву, а также еще одно письмо изъ Любека, переданное Ралемъ. Въ этомъ письмѣ сообщалось о кровавомъ сраженіи, происходившемъ между корпусомъ Блюхера и французами. Прусскіе бѣглецы прошли черезъ городъ, между которыми видны были и солдаты шведской кавалеріи; въ городѣ ожидали прибытія французовъ.

8-го. Четвергъ. Сегодня у меня былъ Баратынскій, пріѣхавшій изъ Тамбова. Онъ мнѣ разсказалъ о дѣлѣ, заставившемъ его пріѣхать сюда. Будучи предводителемъ дворянства, онъ довелъ до свѣдѣнія о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ губернатора, а противъ Баратынскаго возбудили дѣло и препроводили въ уголовную палату. Его обвинили за выраженіе, употребленное въ письменномъ отношеніи Дворянскаго Собранія, въ которомъ оно проситъ Губернское Правленіе *не утруждать его излишней перепискою;* вѣроятно, это только одинъ предлогъ, прикрывающій мщеніе губернатора.

Научный фонд Московской обл. библиотеки

Между прочимъ Баратынскій разсказалъ про злоупотребленія, уже признанныя таковыми Сенатомъ. Дѣло касалось закупки хлѣба для казны въ количествѣ 50.000 четвертей. Губернаторъ приказалъ, чтобы продаваемые ему кули должны имѣть по 9 четвериковъ ржи, такимъ образомъ при сдачѣ въ казну онъ выигрывалъ четверикъ съ куля и даже болѣе, такъ какъ мѣра, имъ установленная въ 9 четвериковъ, въ дѣйствительности доходила до 10-ти и выше.

Дворянство жаловалось предводителю, а онъ довелъ до свѣдѣнія Сената, гдѣ не только жалоба признана справедливою, и установленная 9 четвериковая мѣра отмѣнена, но жалоба эта была поводомъ къ изданію общаго закона противъ подобныхъ злоупотребленій.

Онъ мнѣ разсказалъ тоже исторію о лошадяхъ. — Было приказано закупить лошадей для артиллеріи. Мѣрка для этихъ лошадей назначена была малая.—Дворянство предложило доставить лошадей даромъ, но гораздо лучшаго качества.—Пріемщикъ сталъ браковать такъ, что изъ 20—30 лошадей онъ выбиралъ одну, и на дѣлѣ патріотическое пожертвованіе обратилось въ оскорбленіе, что отвратило дворянство отъ подобныхъ пожертвованій.

Сегодня говорили, что французы не только заняли Любекъ, но что даже этотъ несчастный городъ былъ отданъ на грабежъ. Увѣряютъ, что французы заняли Гамбургъ.

Я получилъ приказаніе прійдти къ Императрицѣ послѣ обѣда.— У ней былъ большой обѣдъ по случаю тезоименитства В. К. Михаила. Государь обѣдалъ у Августѣйшей матери.

Передъ обѣдомъ Императрица говорила мнѣ о нелѣпости Будберга, который въ своихъ приглашеніяхъ на обѣдъ, данный имъ въ честь князя Ипсиланти, употребилъ слѣдующія выраженія: „Осмѣливаюсь надѣяться, что князь Ипсиланти мнѣ сдѣлаетъ честь... и т. д., я прошу такого-то... и т. д. [1])"; что Будбергъ одинъ изъ цѣлаго совѣта подалъ мнѣніе отказаться отъ субсидіи Англіи, и что онъ надѣлалъ много другихъ глупостей.

Я отвѣтилъ Императрицѣ шуткой, яко бы сказанной при назначеніи Будберга министромъ (хотя это было мое собственное сочиненіе), а именно его называли министромъ чуждыхъ ему дѣлъ. (Ministre des affaires étrangères à lui). Вечеромъ мнѣ Императрица сказала, что она не могла заняться послѣ обѣда, какъ хотѣла, и отпустила меня.

Еще утромъ она показала мнѣ письмо, полученное отъ графини

---

[1]) Osant espérer, que le P-ce Ipsilanti me fera l'honneur... etc., je prie un tel etc.

Биландъ, въ которомъ она сообщаетъ примѣты французскаго шпіона. Я снялъ копію. Говоритъ, что Бонапартъ отдалъ Веймаръ—Вюртенбергу.

Крейтонъ сообщилъ, что вещи Великой Княгини, посланныя изъ Берлина, благополучно прибыли въ Кенигсбергъ.

9-го. Пятница. Императрица прочла мнѣ черновую записку о современномъ положеніи дѣлъ, которую она предназначаетъ послать Государю. И поручила мнѣ переписать ее. Она окончила вечеромъ черновое, а я переписывалъ набѣло, и потому вернулся домой только въ 10 ч. вечера. Въ этой запискѣ Императрица говоритъ между прочимъ, что Государя упрекаютъ въ лѣни, а его Кабинетъ или министровъ въ медленности и недостаткѣ дѣятельности и энергіи; что не видно, чтобы были приняты какія-либо мѣры и приготовленія на случай первыхъ неудачъ; что Будбергъ совершенно не способенъ быть во главѣ иностранныхъ дѣлъ; что Марковъ по своимъ свѣдѣніямъ и опытности былъ бы вполнѣ полезенъ на этомъ мѣстѣ; наконецъ, что она приглашаетъ Государя къ большей дѣятельности и энергіи.—Эта записка заняла цѣлый день, и текущія дѣла были отложены до завтра.

10-го. Суббота. Часть утра прошла опять въ перепискѣ вчерашняго письма, которое Императрица писала подъ мою диктовку послѣ нѣкоторой передѣлки относительно слога и ясности изложенія.

Фельдмаршалъ Каменскій, уѣзжающій къ арміи, обѣдалъ сегодня у Императрицы.—Караулъ, стоящій въ прихожей Императрицы, отдавалъ ему честь; это сдѣлано по особому повелѣнію для Каменскаго. Прусскій генералъ Пфуль былъ тоже приглашенъ къ обѣду. Послѣ стола Императрица долго разговаривала съ нимъ. Онъ говорилъ очень откровенно о настоящихъ событіяхъ и несчастіяхъ Пруссіи; между прочимъ онъ сказалъ: мы увидѣли, что какъ бы ни были пруссаки хороши на ученьяхъ, но они забыли сражаться, что хорошо производить ученья и сражаться суть двѣ вещи разныя; что слишкомъ большая привычка къ ученью портитъ солдата и приводитъ его природный здравый смыслъ къ привычкѣ формъ ученья, такъ что въ случаѣ если какая-либо форма отсутствуетъ, то солдатъ не знаетъ, что предпринять, и теряется, что одна изъ причинъ успѣховъ Бонапарта заключается въ томъ, что у нихъ (пруссаковъ) нѣсколько поваровъ портятъ супъ, а онъ одинъ; если послѣ сдѣланныхъ распоряженій является обстоятельство, требующее измѣненія ихъ, онъ приводитъ въ исполненіе немедленно, а ихъ генералы собираютъ военный совѣтъ, спрашиваютъ приказанія короля и проч. и теряютъ время...

Большая часть послѣобѣденнаго времени была занята г.г. чле-

нами совѣта Воспитательнаго Дома, потомъ Императрица пошла навѣстить новорожденную, такъ что продолженіе того письма возобновилось нѣсколько поздно, и даже осталась часть его послѣ ужина, такъ что все было кончено послѣ полуночи, и я возвратился домой около часу.

Сегодня прибылъ изъ Этюна отъ Вел. Кн. Маріи Павловны курьеръ, выѣхавшій оттуда 21-го октября и привезшій отъ нея письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что Веймаръ былъ разграбленъ французами, что безпорядки остановлены только послѣ того, какъ Мюратъ приказалъ разстрѣлять двухъ солдатъ; что Бонапартъ сначала обращался съ ней съ неуваженіемъ, но, поговоривъ съ ней, сдѣлался болѣе почтительнымъ; просилъ посмотрѣть бюстъ Императора и нашелъ его красавцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы наслѣдный принцъ возвратился, что тотъ исполнилъ, пробывъ 24 часа у Великой Княгини.

11-го. Воскресенье. Я отправился во дворецъ позже обыкновеннаго. Послѣ обѣдни Императрица занялась текущими бумагами двухъ прошедшихъ дней, но занятія ея были прерваны фельдмаршаломъ Салтыковымъ, Крейтономъ, Кочубеемъ. Я долженъ былъ возвратиться послѣ обѣда, и работа началась только въ 8 часовъ, такъ что я вернулся домой въ 10. Говоритъ, князь Ипсиланти возвращается скоро въ Молдавію.

12-го Понедѣльникъ. Я пошелъ къ сенатору Теплову для осмотра прядильныхъ машинъ, якобы его изобрѣтенія; оттуда отправился осмотрѣть больницу; тамъ я узналъ, что собирались дѣлать ампутацію руки у одного больного. Интересно было видѣть операцію, и я остался.

Возвратившись домой, я нашелъ записку Императрицы съ приказаніемъ явиться къ ней въ 12½ дня для чтенія очень важныхъ бумагъ (какъ сказано въ запискѣ), между тѣмъ былъ уже часъ, а у меня борода въ теченіе двухъ дней не брита. Выбрившись наскоро, я поѣхалъ во дворецъ. Государь былъ у Императрицы. Наконецъ въ два часа доложили обо мнѣ, но мнѣ объявлено было, что теперь уже поздно; возвращаюсь домой, тутъ привезъ ѣздовой извѣстіе, что Императрица требуетъ меня. Отправляясь во дворецъ, я встрѣтилъ въ воротахъ другого ѣздового, который объявилъ мнѣ, что приказаніе отмѣнено. Вечеромъ я былъ у графа Васильева, чтобы спросить его, въ состояніи ли Банкъ возвратить 100.000 руб. и даже болѣе изъ капиталовъ Великихъ Князей, которые хотятъ помѣстить въ сохранную казну, и гдѣ не хватаетъ наличныхъ денегъ. Не заставъ графа, вернулся домой.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога [1]).

Обращусь лучше къ тогдашнему положенію Кіевской первой гимназіи. Эта старѣйшая въ Кіевѣ гимназія, открытая въ 1812 г., находилась въ то время въ такомъ же броженіи, какъ и Черниговская; но въ Кіевѣ дѣльцы учители—поляки успѣли русское броженіе эксплоатировать для своихъ враждебныхъ Россіи цѣлей.—Прежде всего они успѣли провести даже въ средѣ высшей учебной администраціи убѣжденіе, что русская педагогія держится на плечахъ пановъ—добродѣевъ великихъ педагоговъ. Къ распространенію такого, въ сущности неосновательнаго мнѣнія, послужило то обстоятельство, что въ единственныхъ двухъ въ то время въ Кіевѣ гимназіяхъ было дѣйствительно нѣсколько выдающихся преподавателей польскаго происхожденія. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались весьма ловкими и вкрадчивыми, умѣющими пускать пыль въ глаза начальству и втираться въ его довѣріе. Все это дѣлалось не безъ цѣли. Въ то время имъ нужно было усыпить бдительность начальства, чтобы легче было подготовить изъ молодежи послушное орудіе польской справы. Я однако, будучи хорошо знакомъ со всѣми польскими тенденціями еще въ университетѣ, скоро разобралъ въ чемъ дѣло и сталъ на сторожѣ русскихъ интересовъ. Видя это, мои антагонисты постарались сформировать сильную оппозицію противъ меня въ совѣтѣ гимназіи, привлекши и русскихъ, попавшихъ въ ихъ сѣти. Началось для меня тяжелое время. Я ясно видѣлъ, что учители поляки своимъ популярничаньемъ съ учениками съ одной стороны и ловкимъ обращеніемъ съ товарищами съ другой, стараются только усилить

[1]) См. „Русскую Старину“ Декабрь 1911 г.

свое вліяніе въ гимназіи съ тою цѣлью, чтобы разрушить всякую дисциплину и порядокъ въ заведеніи и тѣмъ подготовить почву для всякихъ безпорядковъ и, наконецъ, для самаго возстанія. Почти два года я боролся съ этими господами, умѣвшими дѣйствовать не прямо, а разными подпольными путями. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ за это время сошли со сцены два попечителя: успѣвшій не понравиться высшей мѣстной администраціи Николай Ивановичъ Пироговъ и затѣмъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, вызванный на высшій постъ товарища министра народнаго просвѣщенія. Явился изъ Петербурга новый попечитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте.

Быстрая перемѣна попечителя округа не осталась безъ вліянія на жизнь учебныхъ заведеній. Въ особенности рѣзко это вліяніе обнаружилось на Кіевской 2 гимназіи. Благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, тамъ поднялся въ полномъ значеніи бунтъ противъ директора, только что назначеннаго по представленію барона Николаи. Этотъ бунтъ, можно сказать, былъ пробнымъ шаромъ массоваго движенія молодежи противъ распоряженія правительства. Дѣло было такъ:

Въ 1860 г. Пироговъ представилъ къ увольненію директора 2 гимназіи Н. М. Гренкова, извѣстнаго дѣятеля прежней школьной системы, опиравшейся на розгу. Министерство уволило Гренкова. Но пріѣхалъ на мѣсто Пирогова главный попечитель баронъ А. П. Николаи; добрые люди увѣрили его, что Пироговъ уволилъ Гренкова несправедливо, и что этотъ старый служака, уже окончившій 25 лѣтъ службы, можетъ съ честью подвизаться снова на томъ же поприщѣ. Баронъ внялъ такимъ голосамъ, велѣлъ представить Гренкова, и министерство снова утвердило его директоромъ Кіевской 2-й гимназіи. Можно себѣ представить, какое непріятное впечатлѣніе это распоряженіе должно было произвести на учителей той гимназіи и на М. К. Чалаго, исправлявшаго должность директора почти въ теченіе года и сильно поджидавшаго получить вакантное, насиженное мѣсто. Драпируясь оскорбленною невинностью и либерализмомъ, они вопіяли и въ обществѣ, и въ гимназіи противъ появленія Гренкова въ должности директора. Вопли эти не были гласомъ въ пустынѣ и проникли и въ общество учащихся, предъ которыми педагоги не стѣснялись ругать Гренкова. Результаты оказались весьма печальные. Едва Гренковъ появился въ гимназіи, какъ со всѣхъ сторонъ раздался свистъ. Огорченный такой встрѣчей, начальникъ старался успокоить молодежь, но все напрасно. Инспекторъ Чалый и весь педагогическій персоналъ гимназіи, не сочувствуя директору, были нѣмыми зрителями буйства

молодежи, предоставивъ Гренкову самому лично справляться съ волненіемъ. Мало того, Чалый поспѣшилъ исходатайствовать себѣ отпускъ и выѣхалъ изъ Кіева. Тогда безобразія молодежи дошли до высшей степени. Гренкова чуть не побили при появленіи въ гимназію, такъ что онъ едва убѣжалъ въ инспекторскую. Дѣло дошло до попечителя. Баронъ поручилъ М. А. Тулову произвести разслѣдованіе скандала, а въ помощь ему нарядилъ комиссію изъ учителей бунтующей гимназіи. Комиссія поставила оригинальный вопросъ: кого оскорбляли ученики своимъ поведеніемъ: директора своего начальника, или Гренкова, какъ частное лицо. Ученики, разумѣется, отвѣтили, что они ничего не имѣютъ противъ директора и признаютъ его власть, а недовольны Гренковымъ. Произведенъ милостивый, но несправедливый судъ. Гренковъ чуть не побитый признанъ виновнымъ и уволенъ, наказано и нѣсколько учениковъ. Чалый превознесенъ комиссіею до небесъ въ представленіи попечителю, но тѣмъ не менѣе все-таки не получилъ должности директора 2 гимназіи, которой тщетно ожидалъ въ теченіе года.

Вспоминая эти печальныя событія, невольно задаешь себѣ вопросъ, кто виноватъ во всей этой исторіи? Виноватъ прежде всего Гренковъ, который, не испытавши броду, покунулся въ воду. Виновато начальство, поспѣшившее назначить его на мѣсто, на которомъ онъ не былъ желателенъ и въ то время, когда тамъ уже угнѣздился Чалый. Виноваты педагоги, сторонники Чалаго, возбудившіе агитацію противъ Гренкова. Но болѣе всего виноватъ, по нашему мнѣнію, Чалый, временно управлявшій бурной ладьей—Кіевской 2 гимназіей, который, предвидя неизбѣжные безпорядки въ заведеніи, не двинулъ пальцемъ, чтобы остановить бурю и поспѣшилъ удалиться изъ Кіева. Какъ инспекторъ гимназіи, онъ обязанъ былъ употребить все свое вліяніе и на учителей, и на учениковъ, чтобы предупредить скандалъ, деморализующій заведеніе. Тѣмъ не менѣе Чалый, несмотря на двусмысленную роль, разыгранную имъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ, по ходатайству Тулова получилъ повышеніе: назначенъ директоромъ Бѣлоцерковской гимназіи. Чалый и его партія смотрѣли на это какъ на ссылку невиннаго человѣка. Но мы полагаемъ, что эта ссылка была слишкомъ почетною для такого дѣятеля, который подобно своему однофамильцу Саввѣ Чалому превосходно сыгралъ свою роль въ руку поляковъ, готовившихся въ то время къ рухавкѣ. Они были очень обрадованы рухавкой Кіевской 2 гимназіи и долго указывали на нее, какъ на доказательство несостоятельности русскихъ порядковъ.

X.

Польская смута,—Университетъ дѣлается главнымъ очагомъ смуты—Демонстраціи.—Обвиненія, направленныя противъ меня.—Назначеніе меня директоромъ Кіевской 1-й гимназіи.

Интересно прослѣдить совершенно объективно полную интригу теперь, сорокъ лѣтъ спустя, когда страсти нѣсколько уже улеглись, когда я совершенно спокойно могу припоминать всѣ перипетіи этой смутной эпохи.

Главный источникъ смуты и всѣхъ тогдашнихъ движеній было ненормальное положеніе дѣлъ или лучше броженіе въ самомъ русскомъ обществѣ и его полнѣйшій непотизмъ и неспособность дать отпоръ нелѣпымъ польскимъ претензіямъ того времени. Въ какіе-нибудь два, три года университетъ былъ неузнаваемъ. Всѣ дисциплинарныя требованія порядка признаны несовременными и отвергнуты: уничтожена форма, уничтожено всякое вліяніе какого бы то ни было начальства.—Студенты очутились свободными гражданами. Они раздѣлились на кружки и партіи, которые начинаютъ заправлять всѣми дѣлами—сначала своими студентскими, а потомъ берутъ въ руки и политическія движенія. Они дѣйствуютъ помимо всякихъ законовъ и начальства. Самый главный кружокъ польскихъ студентовъ состоялъ изъ ярыхъ польскихъ патріотовъ-революціонеровъ изъ породы красныхъ. Мало-по-малу эти красные успѣли занять господствующее положеніе въ средѣ польской молодежи. Второй кружокъ бѣлыхъ, т. е. кружокъ сторонниковъ отбудаванья Польши въ будущемъ; держался онъ въ сторонѣ, хотя при случаѣ непрочь былъ помогать краснымъ, если не самымъ дѣломъ, то полнѣйшимъ сочувствіемъ. Нѣсколько особнякомъ стоялъ польскій кружокъ, подъ названіемъ „Сичь“. Это поляки украинофилы, мечтавшіе о возстановленіи польской Украйны въ духѣ польской цивилизаціи и польскихъ вожделѣній. Кружокъ этотъ любезно протягивалъ руку украинофильскому кружку изъ малороссовъ, имѣвшему большое вліяніе на студентскія дѣла. Состоялись даже предварительныя совѣщанія о сліяніи кружка русскаго украинофильскаго съ партіею „Сичь“, но на первыхъ же порахъ делегаты поссорились изъ-за будущихъ границъ Польши и Маллороссіи, вслѣдствіе чего попытка соединенія на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско [1]).

[1]) Отношенія между польскими и русскими украинофилами обострились еще болѣе по случаю погребенія Т. Г. Шевченка, вслѣдствіе доноса поляковъ, возбудившаго подозрительность администраціи.

Дѣло окончилось оффиціальнымъ протестомъ противъ польскихъ притязаній со стороны русскихъ студентовъ, протестомъ, поданнымъ Пирогову. Удаленіе Пирогова, сопровождавшееся большими овиціями, дало впрочемъ другой оборотъ общественному настроенію молодежи. Самые ярые оппоненты поляковъ, которые, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы составить надежный противовѣсъ всѣмъ послѣдовавшимъ затѣмъ польскимъ интригамъ въ средѣ молодежи университетской, замкнулись сами въ себѣ или примкнули къ партіи „Молодой Россіи“, начавшей уже формировать свои кадры для борьбы съ правительствомъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ можно объяснить сильную оппозицію въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи противъ замѣстителя Пирогова—барона Николай и тотъ рядъ подметныхъ писемъ угрожающаго свойства, которыя обыкновенно подбиралъ утромъ швейцаръ Кіевской гимназіи и доставлялъ мнѣ. Этимъ вполнѣ разъясняется также то буйное настроеніе польской партіи, партіи ничтожнаго меньшинства, среди тысячи русскихъ студентовъ, какъ бы наложившихъ на себя печать молчанія. Нѣчто подобное представляло и русское общество, которое спокойно и безучастно смотрѣло на все окружающее. Въ средѣ педагогической всѣ такъ называемые либералы были непрочь поддерживать партію недовольныхъ, лишь бы составлять оппозицію начальству.

Въ такомъ положеніи были кіевскія дѣла, когда въ Варшавѣ начались демонстраціи, закончившіяся кровопролитіемъ и бунтомъ. Въ это время образовался въ Варшавѣ тайный жондъ польскій чуть-ли не изъ студентовъ, едва вышедшихъ изъ-за скамьи. Тѣмъ не менѣе этотъ, въ сущности ничтожный, жондъ быстро пріобрѣтаетъ громадное вліяніе во всѣхъ бывшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой: въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Орудіемъ силы тайнаго скопища является терроръ, который заставляетъ замолчать всякій голосъ благоразумія. Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, среди тысячъ русскаго православнаго населенія, нѣсколько сотъ уроженцевъ юго-западнаго края, ополяченнаго путемъ насилія, самозванно выступаютъ представителемъ польскаго общества и производятъ цѣлый рядъ демонстрацій на манеръ варшавскихъ, объявляютъ Кіевъ польскимъ городомъ, формируютъ банды и, наконецъ, выступаютъ бить русскихъ. Явленіе это въ высшей степени курьезно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и можетъ быть объяснено слабостью и ненаходчивостью высшей администраціи края. Бывшій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но по самой натурѣ своей неспособный на энергическій способъ дѣйствія. Не болѣе доблести

могъ оказать и назначенный по смерти Васильчикова старикъ уже дряхлый, Анненковъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько фактовъ, вполнѣ иллюстрировавшихъ направленіе и дѣятельность тогдашней высшей администраціи края.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію польскихъ демонстрацій и отношенія къ нимъ высшей администраціи края, скажу нѣсколько словъ о моемъ личномъ положеніи. Въ самомъ разгарѣ произведенной мною реформы пансіонскаго хозяйства экономъ-полякъ и состоящіе съ ними въ близкомъ отношеніяхъ воспитатели-поляки стали распространять превратные слухи о моей строгости, о притѣсненіи подчиненныхъ и т. п. [1]). Они не остановились даже предъ самыми грязными обвиненіями и инсинуаціями и старались распространять самые нелѣпые слухи въ такомъ направленіи. Но нелѣпость такихъ слуховъ была слишкомъ очевидна и доказывалась слишкомъ ясными фактами. Тогда мои оппоненты начали распространять слухи о моей жестокости. Выдумывали самыя безсмысленныя обвиненія, которыя могла только изобрѣсть богатая польская фантазія. Такъ разсказывали, что я запираю дѣтей въ темные подвалы, въ карцеры, въ которые не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ; велю сѣчь дѣтей, посоливши розги, затѣмъ, чтобы не видно было слѣдовъ наказанія, велю обворачивать ихъ простынями. Напрасно люди болѣе знакомые съ заведеніемъ опровергали такія нелѣпости. Паны добродзѣи внимательно и важно выслушивали возраженія и доводы; но все-таки оставались при своемъ мнѣніи.

Но скоро польская смута такъ быстро разрастается и такъ охватываетъ всю жизнь интеллигентнаго общества, что всякія личныя обвиненія теряютъ значеніе. По удаленіи Пирогова, польская агитація постаралась это увольненіе по прошенію представить въ смыслѣ враждебной обществу реакціи и всячески эксплоатировала его въ пользу польской справы. Началась подпольная агитація по всѣмъ правиламъ искусства, которымъ, нужно признаться, владѣютъ

---

[1]) Замѣчательно, что въ то время, когда въ польскихъ кружкахъ распространялись слухи о моей жестокости, въ либеральныхъ русскихъ кружкахъ толковали о моей слабости. Эти толки дошли и до М. К. Чалаго, который въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что я и директоръ А. К. Долленъ распустили гимназію, хотя и приводитъ въ доказательство факты, случившіеся въ Кіевской 1 гимназіи за годъ до моего назначенія при инспекторѣ князѣ Дабижѣ. Что обвиненіе Чалаго лишено всякаго основанія, можно убѣдиться изъ того, что со времени моего назначенія инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи во второй половинѣ 1860 г. и во все время моего инспекторства, до 1862 г. въ то время, когда во 2 гимназіи и въ университетѣ были безпорядки, въ первой гимназіи не было ни одного случая рѣзкаго нарушенія дисциплины.

поляки въ совершенствѣ. Начались сначала подметныя письма, угрозы и предостереженія и затѣмъ демонстраціи. Замѣчательное явленіе представлялъ Кіевъ въ это время. Городъ, въ которомъ болѣе 200 т. православнаго населенія, благодаря нѣсколькимъ сотнямъ польскихъ недорослей, торжественно объявляется польскимъ городомъ и дѣйствительно дѣлается позорищемъ польскаго фанатизма. Нѣсколько сотенъ университетской молодежи, руководимые воспитателями-поляками, дерзко буйствуютъ среди бѣла дня и буйствуютъ почти безнаказано. Первая и самая, можно сказать, дерзкая демонстрація состоялась въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1862 г. Польскіе студенты, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ополяченныхъ русскихъ и евреевъ, сдѣлали сходку возлѣ университета, построились въ ряды и торжественно прошли чрезъ весь городъ въ городской костелъ. Тамъ избили до полусмерти полицейскаго пристава, распоряжавшагося возлѣ костела, и, пропѣвъ въ костелѣ свои гимны, въ такомъ же порядкѣ, какъ пришли въ костелъ, возвратились въ университетскій залъ, разбили шкафъ, въ которомъ вывѣшивались объявленія отъ начальства, изорвали правила университетскія и спокойно разошлись по домамъ. Странное дѣло! При всѣхъ этихъ безобразіяхъ власти какъ бы стушевались. Трудно рѣшить вопросъ, былъ ли то страхъ предъ разъяренной толпой, или просто умышленное попущеніе, съ цѣлью выяснить себѣ все безобразіе демонстраціи. Но какъ бы то ни было, бездѣйствіе власти при первой явной дерзости польской молодежи имѣло весьма дурныя послѣдствія. Благодаря слабости русской власти начали распространяться въ городѣ слухи, что русское правительство боится поляковъ и готово на всѣ уступки. Многіе повѣрили такой нелѣпости и начали либеральничать на тему снисхожденія. Такой взглядъ преобладалъ и между членами педагогическаго совѣта Кіевской 1 гимназіи. Я однако смотрѣлъ весьма серьезно на демонстрацію, какъ на прелюдію къ возстанію, и потому рѣшился твердо вооружиться всѣми силами власти и не допустить учениковъ къ участію въ демонстраціяхъ. Въ такомъ направленіи я велъ дѣло, внушая ученикамъ, что участіе ихъ въ демонстраціяхъ будетъ имѣть для нихъ самыя серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ въ городѣ пошли слухи, что готовится вторая демонстрація, въ видѣ поминокъ по инсургентамъ, убитымъ въ Варшавѣ.

Ко мнѣ обратились ученики еще за два дня до этой демонстраціи и просили дозволить имъ отправиться въ городской костелъ. Я категорически отказалъ и строго приказалъ ученикамъ-полякамъ быть въ этотъ день въ гимназической каплицѣ. Нѣкоторые изъ учителей начали возражать противъ моего распоряженія, но я рѣ-

шительно заявилъ, что двери гимназіи будутъ заперты, что я буду у дверей, и что ученики только по мнѣ могутъ выйти изъ зданія. Не такъ разсудило высшее начальство. Посовѣтовавшись съ главными властями, оно секретно и словесно приказало отвести учениковъ въ университетскій костелъ. Эта полумѣра повела къ тому, что я долженъ былъ отмѣнить мое распоряженіе. Ученики съ надзирателями и неделями отправлены въ университетъ; но старшіе ученики, замѣшавшись въ ряды студентовъ, вопреки распоряженію, отправились въ городской костелъ, гдѣ именно готовилась демонстрація. Пришлось наказывать за ослушаніе; но либералы или лучше моя оппозиція постаралась до того обѣлить поступокъ учениковъ, что рѣшили ограничиться однимъ выговоромъ ученикамъ, мои же заявленія о серьезномъ значеніи ослушанія въ данномъ случаѣ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ послабленіе учащейся молодежи, допущенное самими властями, подало поводъ къ цѣлому ряду самыхъ строгихъ приказаній со стороны тѣхъ же властей о недопущеніи участія учащихся въ демонстраціяхъ. Но дѣло уже зашло такъ далеко, что остановить движеніе нельзя было никакими приказами; требовались мѣры рѣшительныя—это исключеніе и удаленіе молодежи изъ города, но никто не считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Между тѣмъ броженіе умовъ быстро усиливалось. Университетская молодежь, которая имѣла большое вліяніе и на младшее поколѣніе или на гимназистовъ, начала готовиться къ возстанію. Одни лили пули, другіе обучались верховой ѣздѣ, третьи занялись вербовкой повстанцевъ. Но все это дѣлалось тайно, подъ прикрытіемъ законной фирмы. Обнаружить или придраться къ подпольной дѣятельности было невозможно. Ходили только темные слухи, а по наружности все притихло.

Энергическій образъ моихъ дѣйствій во время польскихъ демонстрацій не мало способствовалъ къ тому, что я нажилъ враговъ. Они старались вредить моей репутаціи и въ особенности успѣли вооружить противъ меня человѣка мнѣ незнакомаго, но весьма вліятельнаго въ кіевскомъ образованномъ обществѣ. Это былъ инспекторъ института и профессоръ университета Виталій Яковлевичъ Шульгинъ, впослѣдствіи даже породнившійся со мною и хорошій знакомый, но во время польскаго возстанія еще мнѣ незнакомый. Послѣдствія предубѣжденія противъ меня Шульгина въ то время въ особенности обнаружились при моемъ назначеніи директоромъ Кіевской 1-й гимназіи, почти совпадающемъ съ эпохой польскаго возстанія. Дѣло въ томъ, что когда попечитель Витте обратился къ Шульгину съ предложеніемъ занять мѣсто директора 1-й гимназіи,

то онъ, не будучи еще знакомымъ мнѣ, поставилъ условіемъ принятія предложенія мое удаленіе изъ гимназіи. Витте пригласилъ меня и предложилъ мѣсто директора въ Ровенской гимназіи. Но такъ какъ въ г. Ровно не было женскаго учебнаго заведенія, и я не имѣлъ возможности тамъ воспитывать своихъ дѣвочекъ, то на третій день, явившись къ Витте, отказался принять его предложеніе. Тогда попечитель пустился въ откровенность и объяснилъ поводъ къ его предложенію; я же съ своей стороны объяснилъ, что я не имѣю чести знать г. Шульгина, и что его предубѣжденіе противъ меня могло быть только внушено моими врагами. Витте призадумался и вслѣдъ затѣмъ просилъ меня занять мѣсто директора первой гимназіи, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что ему крайне не нравится условіе, поставленное г. Шульгинымъ. Такъ я сдѣлался директоромъ Кіевской первой гимназіи въ 1862 г. въ самую смутную эпоху, за полгода до начала польскаго возстанія въ Кіевѣ, или лучше до выхода изъ Кіева банды инсургентовъ въ 1863 г.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

А. Г. Тройницкій, въ то время товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ совѣта Павловскаго Института, узнавъ въ шестомъ часу дня, отъ своего сына (служившаго въ Государственной Канцеляріи) о счастливомъ избавленіи Государя Императора Александра II отъ произведеннаго на него Каракозовымъ покушенія, немедленно поѣхалъ въ Павловскій Институтъ, гдѣ въ присутствіи воспитанницъ и наличныхъ служащихъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ составлено было привѣтственное на имя Государя письмо съ поздравленіемъ и выраженіемъ чувствъ преданности и радости. Письмо это было представлено Императору Александру II на слѣдующее утро и оказалось первымъ письменнымъ поздравленіемъ, Имъ полученнымъ. Въ тотъ же день, 5 апрѣля 1866 г., Императоръ пріѣхалъ въ Институтъ, чтобы лично благодарить составъ его за поздравленіе. Затѣмъ, еще нѣсколько лѣтъ сряду Императоръ Александръ II посѣщалъ Павловскій Институтъ 5 апрѣля, при чемъ всякій разъ говорилъ, что Онъ не забываетъ, что отъ Павловскаго Института онъ получилъ первое письменное поздравленіе съ избавленіемъ отъ угрожавшей Ему опасности.

Р. Р. Р.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, впослѣдствіи извѣстный московскій почтъ-директоръ, въ 1811—1814 годахъ состоялъ при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ въ качествѣ домашняго секретаря, которому было поручено вести секретную переписку. Однимъ изъ корреспондентовъ Булгакова, сообщавшимъ петербургскія новости, былъ чиновникъ петербургскаго почтамта—Иванъ Петровичъ Оденталь, „газетеръ", какъ онъ себя называлъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь писемъ мало что извѣстно объ Оденталѣ. Родился онъ 16 февраля 1776 года. Служилъ въ петербургскомъ почтамтѣ еще при Ростопчинѣ и Трощинскомъ, о которыхъ вспоминаетъ съ благодарностью. „Мы, чиновники, до сихъ поръ не можемъ забыть ихъ. Это благодѣтели рода человѣческаго", пишетъ онъ отъ 13-го февраля 1812 г. Булгакову. Отношенія его къ министру Козодавлеву не таковы, и тотъ, въ свою очередь, его не долюбливалъ. Оденталь былъ женатъ и у него были малолѣтнія дѣти. Жалованье получалъ небольшое—750 р., и часто нуждался въ деньгахъ. Здоровье было плохое. Въ началѣ 1814 года какое-то несчастіе стряслось надъ Оденталемъ, и послѣднія письма его полны отчаянія. Съ 1815 года онъ уже не значится въ спискѣ чиновниковъ петербургскаго почтамта,

Въ то время, когда велась переписка, Оденталь былъ цензоромъ иностранныхъ газетъ при почтамтѣ и могъ потому сообщать политическія извѣстія Булгакову изъ самаго источника, кромѣ того

имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, и петербургскія новости и слухи доходили до него исправно. До 1812 года переписка Оденталя съ Булгаковымъ не регулярна, но съ начала 1812 года онъ пишетъ Булгакову почти каждый почтовый день. Извѣщаетъ рѣшительно обо всемъ и съ полной откровенностью; въ одномъ письмѣ къ Булгакову онъ говоритъ, что такъ откровенно онъ пишетъ только ему да Трощинскому. Первыя письма Оденталя довольно многословны и малосодержательны, но съ іюня мѣсяца, когда открылись военныя дѣйствія, письма пріобрѣтаютъ большой интересъ и содержатъ много свѣдѣній, заимствуемыхъ Оденталемъ изъ иностранныхъ газетъ, изъ частныхъ писемъ и со словъ курьеровъ изъ арміи. Почти изо дня въ день можно слѣдить по нимъ за перипетіями Отечественной войны и за настроеніемъ петербургскаго общества.

С. Долговъ.

1.

С.-Петербургъ. Марта 3-го 1811.

Простите, безцѣнный мой Александръ Яковлевичъ, что давно къ Вамъ не пишу. Истинно, одни токмо занятія и домашнія мои хлопоты тому причиною. Ежели Вамъ еще неизвѣстно, то сообщаю Вамъ, что герцогъ Висенскій оставляетъ навсегда Петербургъ и возвращается съ важными увертюрами къ могущему государю своему чрезъ Швецію. На его мѣсто присланъ сюда будетъ графъ Лористонъ [1])?

Въ городѣ, какъ можете себѣ представить, идутъ по случаю его отъѣзда неисчислимые толки.

Мы между страхомъ и надеждою ожидаемъ курьера изъ Молдавской арміи отъ врачей графа Каменскаго втораго [2]), который одержимъ жестокою нервною горячкою съ пятнами. Избави, Боже, отъ таковой потери Отечество наше!

Пріѣхавшій изъ Парижа Бутягинъ сказывалъ, что кн. Куракинъ [3]) опять опасно боленъ.

Изъ Финляндіи большая часть войскъ тянется къ границамъ Прусскимъ и Польскимъ.

Эртеля за расторопность въ продовольствіи Молдавской арміи провіантомъ пожаловали въ генералъ-лейтенанты.

---

[1]) Лористонъ, графъ Александръ-Жакъ-Бернардъ-Лау. Въ 1811 и 1812 г.г. французскій посолъ въ Петербургѣ.

[2]) Каменскій—второй, графъ Сергѣй Михайловичъ, генералъ-отъ инфантеріи. Род. 3 іюня 1772 † 8 декабря 1834.

[3]) Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ, русскій посолъ въ Парижѣ.

Гр. Кочубей въ маѣ ѣдетъ на цѣлое лѣто въ малороссійскія свои деревни.

Заговорили было объ отправленіи курьеровъ къ гр. Маркову и Трощинскому, но я отъ достовѣрныхъ людей не слышу о семъ подтвержденія.

Наши флоты въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ велѣно поспѣшно приготовить и усилить къ выходу изъ портовъ при открытіи навигаціи.

Вотъ все, что узналъ, и что недосуги мои дозволили Вамъ кое-какъ кинуть на сей клочекъ бумаги.

Графъ Сологубъ, отецъ, умеръ въ Дрезденѣ. Пусть и это причислится къ сообщаемымъ мною новостямъ.

Вообразите, что по сей часъ нѣтъ еще иностранной почты, которая долженствовала еще придти во вторникъ рано по утру. Обстоятельство сіе заставляетъ неошибочное дѣлать заключеніе, что въ болѣе южныхъ странахъ прошли уже рѣки.

2.

С.-Петербургъ. Марта 17-го 1811.

Милостивый Государь мой
Александръ Яковлевичъ!

Вазлюбленный нашъ Государь за 160 верстъ отъ Васъ въ сію минуту. Не притянете ли Вы Его Вашими желаніями въ престольный градъ? При отъѣздѣ Его отсюда не хотѣлъ онъ однако же далѣе Твери простереть своего пути. И въ Сѣв. Поч. начитаете, что онъ изволилъ отъѣхать на короткое время.

Друзья Ваши гр. Воронцовъ и де Бальменъ получили новаго главнаго начальника. О прежнемъ говорятъ, что онъ употребленъ будетъ по совершенномъ обнеможеніи въ другой сторонѣ. Полагаютъ, что дѣла счастливца нашихъ временъ пришли въ запутанность. Хотятъ симъ воспользоваться. Дай Богъ! чтобы сей разъ нанесли ему метчѣе удары, и такъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ могли избавиться отъ его вліянія. Иначе худая перспектива.—Ноты, помѣщенныя въ Монитерѣ, на рѣчь, говоренную въ парламентѣ отъ имени регента, дѣйствительно принадлежатъ въ произведеніямъ М. Серванта.—Въ скандинавской столицѣ Беарнскому уроженцу жить небезопасно.—Отъѣзжающій ради суровости здѣшняго климата дождется прибытія своего послѣдователя. Надобно вѣдь будетъ ознакомить его съ орудіями, чрезъ кои можно продолжать начатыя козни.

Засимъ позвольте кончить. Болѣе ничего Вамъ ни дѣла, ни пустяковъ наврать не знаю. Долженъ еще успѣть отвѣчать съ нынѣшнею почтою на три письма. По случаю Вашего радостнаго событія получите настоящее во всей формѣ. И сей этикетъ долженъ Вамъ показать, что не токмо Васъ люблю, но и храню къ Вамъ уваженіе, яко преданный и покорнѣйшій Вашъ слуга.

И. Оденталь.

3.

С.-Петербургъ. Марта 28. 1811 г.

Въ пятницу ввечеру навѣщавшіе меня пріятели принесли мнѣ извѣстіе о разрѣшеніи французской императрицы принцемъ. Радость сію, которую здѣсь различно толкуютъ, праздновали уже въ четвертокъ иллюминаціею фран. посолъ и прочіе иностранные министры, коихъ дворы состоятъ почти въ зависимости Наполеоновой. Не перестаютъ здѣсь говорить, будто бы король шведскій Карлъ 13-й предоставилъ управленіе государствомъ своимъ посаженному ему на шею наслѣдникомъ, а самъ въ преклонныхъ лѣтахъ съ титуломъ королевскимъ рѣшился остаться во всегдашнемъ покоѣ.

О бывшемъ въ Гамбургѣ мятежѣ говорятъ различно, но, кажется, въ томъ согласуются, что онъ уже прекращенъ вооруженною рукою и стоилъ жизни тремъ тысячамъ человѣкамъ.

Не знаю, съ чего взяли, но слышу, что тверской вояжъ почитается важнымъ совѣщаніемъ съ двумя патріотами, пріѣзжавшими будто-бы отъ Васъ изъ Москвы. Вы, вѣрно, лучше о справедливости или лжи сего слуха можете судить.

На ноту, поданную въ весьма сильныхъ выраженіяхъ о забраніи всего владѣнія у князя Ольденбургскаго, ожидаютъ нетерпѣливо отвѣта.

Пріѣзжающіе изъ фран. столицы курьеры наши весьма немирныя дѣлаютъ предвѣщанія; да и движенія войскъ нашихъ къ западнымъ границамъ не могутъ внушать другихъ заключеній. О турецкихъ переговорахъ Вы должны имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія чрезъ братца Вашего; насъ же здѣсь утѣшаютъ, что миръ въ той сторонѣ весьма близокъ.

Сейчасъ узнаю, что сюда изволила пріѣхать Екатерина Павловна съ супругомъ своимъ, и что скоро ожидаютъ также и прибытія Маріи Павловны изъ Веймара.

4.

С.-Петербургъ. Декабря 19. 1811.

Оденталь еще живъ, хотя безпрерывно почти возится съ тяжкими болѣзненными припадками. Не имѣетъ давно, слишкомъ давно никакого извѣстія о достойномъ сынѣ почтеннѣйшаго Якова Ивановича, умномъ, любезнѣйшемъ своемъ Александрѣ Яковлевичѣ. Такъ ли то помнитъ Булгаковъ Оденталя, какъ Оденталь Булгакова? Dieser ehrliche Sonderling Odenthal wünscht dem Herrn v. Bulgakow anegenehmett Weihnachten samt sainer werthesten Familie.

5.

С.-Петербургъ. Генваря 12. 1812 г.

Знаю, знаю, что братецъ Вашъ больше другихъ возится съ Машамушами. Я тутъ ничего ясно не вижу. Mais pourquoi ne charge t-on pas le comte de Koutousoff pour conduire les négociations? Про него и Великая Екатерина изволила говорить: Его не проведетъ и Рибасъ.—Je crains, que quelque Sébastiani n'arrive pas dans les entre'actes.—Пишите братцу, чтобъ онъ употребилъ всю тонкость ума своего, чтобы доставить намъ миръ. Удивляюсь, впрочемъ медленности и возвожу очи къ небу.—Je me serois jetté de tous les cotés pour soupirer avec Vous; mais à quoi conduiraient mes soupirs là, où il faudroit agir. Il faut se taire et être sage. Остынешь наконецъ. Я ко всему, что не входитъ въ кругъ моей дѣятельности, сдѣлался уже льдомъ. Иначе бы истинно угодилъ въ домъ сумашедшихъ. У насъ есть и такіе, которые готовы упечь меня и далѣе. Да вразумитъ ихъ Богъ! Да отженетъ отъ нихъ нечистыхъ духовъ!—Погребаютъ, умный мой Александръ Яковлевичъ, любовь къ отечеству. Увы!—тому никто не препятствуетъ.—Предадимъ же себя въ руку Божію! Ахъ! потужите! Прекрасный Аничковскій дворецъ горѣлъ! Одна половина спасена, которая на Невской проспектъ, но другая, кромѣ нижняго этажа, вся учинилась жертвою огня. Сказываютъ, что камердинеръ Екатерины Павловны, который пріѣхалъ сюда передовымъ, въ самомъ верхнемъ этажѣ развелъ въ каминѣ огонь, заперъ комнату, ушелъ со двора: горящее полѣно упало на полъ:—какъ тутъ не быть пожару? Сіе несчастное происшествіе началось въ 9-мъ часу 7-го числа ввечеру, а продолжалось до 3-хъ часовъ по полудни 8-го генваря. 9-го числа загорѣлся Екатерининскій институтъ. Тутъ пожарная команда сдѣлала чудеса. Кромѣ

кухни и лазарета не дала ничему горѣть.—Оберъ-полицеймейстеръ Горголи какое-то получилъ поврежденіе въ одну руку при тушеніи Аничкова дворца.—Долженъ взять другой листъ. Старинный газетеръ Якова Ивановича расписался. Берегитесь, чтобъ я Вамъ не надоѣлъ! Привяжусь, такъ не отцѣпитесь.

Слышу отъ знати, что дочь Дм. Александровича Гурьева помолвлена съ новымъ статсъ-секретаремъ Нессельродтомъ. Осипа Петровича Козодавлева племянница, княжна Хилкова, также объявлена уже невѣстою, токмо забылъ фамилію жениха. Есть, кромѣ этихъ фамилій, о чемъ думать со всѣхъ сторонъ озабоченному Оденталю! Я бы не зналъ, можетъ быть, никогда и Козодавлева, но теперь угодно было Государю сдѣлать его нашимъ министромъ: такъ всякая бездѣлица о немъ безпрестанно напоминаетъ не токмо мнѣ, но и женѣ моей. Стерпится, слюбится. Я увѣренъ, что Александръ Яковлевичъ не возгнушается для того мною, что я не имѣлъ счастья понравиться такому человѣку, отъ котораго прячусь. И за удаленіе жмутъ, давятъ. Однакожъ, слава Богу! Благодареніе добрымъ людямъ!—мы еще съ голоду не померли, и—въ Россіи отъ этой причины не умремъ.

Сенаторъ Саблуковъ, который тронутъ былъ предъ рождественскими праздниками параличемъ, оправляется.

Генералъ-лейтенантъ Бауверъ, толико прославившійся во всей Европѣ курьерскою своею ѣздою, умеръ на сихъ дняхъ въ Мраморномъ дворцѣ. Его уже и похоронили. Помните ли эпитафію, которую въ „Journal de l'Empire“ сдѣлали ему?

Я бы кстати сдѣлалъ Вамъ, тѣша себя, описаніе Крещенскаго парада; но онъ былъ отмѣненъ.—Въ самое Крещеніе пріѣхалъ рано поутру курьеръ изъ Молдавской арміи. О содержаніи депешъ я ничего не слыхалъ. Не знаю, былъ ли послѣ того и новый курьеръ?

Говорятъ, будто бы къ намъ пріѣхала отъ Васъ богатѣйшая россійская невѣста — графиня Орлова. Здѣсь нѣкоторые хотятъ знать, что она будетъ супругою принца Ольденбургскаго, который въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ. Много слышалъ я о новой живописи въ домѣ Вашего благороднаго собранія. Что за курьезность! Какъ же это допустили?

Ланскій не вышелъ на сумазбродный поединокъ съ Лачиновымъ и—благополучно женится на княжнѣ Одоевской. Принцесса Биронъ выходитъ также за кого-то замужъ. — Вотъ сколько свадебъ возвѣстилъ я Вамъ, и, можетъ быть, такихъ, о которыхъ Вы, вѣроятно, знали прежде меня! — Это значитъ, что мнѣ хотѣлось къ Вамъ писать, но не зналъ, какъ начать и какъ кончить.

Это часто со мною бываетъ. Посмотрите на мой столъ. Кучами

навалена моя работа. Весь истощенъ, а писать къ Александру Яковлевичу сердцемъ хочется! Мнѣ бы слѣдовало впрочемъ молчать, когда не могу подлаживать подъ строй Вашихъ писемъ. Да! такъ тогда бы въ вѣкъ не дождались отъ меня ни строчки. — Пишите! пишите чаще. Я буду Вами восхищаться. Ежели опять мною наскучите, бросьте меня. И тогда буду еще чрезъ другихъ о Васъ навѣдываться. Чего же Вы хотите? — Я, право, по-Оденталевски говорю Вамъ, что я люблю Васъ. Здѣсь есть одна дама, которая никакъ не можетъ забыть Васъ съ Неаполя. Elle sait vous apprécier, comme moi. Весьма часто говоримъ съ нею о Васъ. Желалъ бы, чтобъ она передала Вамъ мое мнѣніе о Васъ, мое расположеніе къ Вамъ! Je passe des moments délicieux avec cette personne. — Дай Богъ Вамъ всякаго благополучія съ любезною Вашею супругою. Будьте токмо здоровы. Право! съ здоровьемъ Булгаковъ и Оденталь не пропадутъ. Эдакая увѣренность основывается на истинныхъ нашихъ достоинствахъ. Je ne cesse de repéter avec une certaine élevation dans mon âme l'adage populaire: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Я боюсь быть съ Вами слишкомъ откровеннымъ; но не утерплю, любя Васъ, какъ брата моего, не сказать Вамъ, хоть въ полгубы: Вы не туда кидались, и не туда еще бьете по Вашему дѣлу. Mais pour vous parler plus franchement encore, je ne vois pas clair, comment on a embrouillé la chose jusqu'à un tel point!—Je vous respecte trop, pour vouloir violer votre secret. — Увижу, буду ли удостоенъ Вашей откровенности?—Простите, ежели я коснулся сей деликатной струны, изъ единаго человѣколюбія. Ахъ! какъ бы я желалъ Васъ видѣть счастливымъ! Какъ бы самъ былъ счастливъ, ежели бы могъ быть въ чемъ-нибудь Вамъ полезнымъ! — Nous envisageons les choses différemment. Тутъ и остановлюсь.—Обнимаю Васъ, какъ любовницу. Пишите ко мнѣ. Я Вамъ ни въ чемъ не измѣню.—Еще умоляю Васъ, ne me méconnaissez pas! Mes respects à madame Votre épouse.

Я весь Вашъ.

P.S. Графъ Завадовскій [1]) при смерти боленъ. Можетъ быть, въ сію минуту онъ болѣе уже не существуетъ. Вспомнилъ: женихъ кн. Хилковой князь Гагаринъ.

---

[1]) Завадовскій, графъ Василій Петровичъ. Родился въ 1739 г. † 10 января 1812 г.

6.

С.-Петербургъ. Января 16. 1812 г.

Я слышалъ, что сюда около нынѣшнихъ чиселъ обѣщались негоціаторы прислать друга Вашего гр. Воронцова съ подписанными условіями. Какъ бы это насъ обрадовало, ежели бы оно состоялось.

У насъ 13-го числа былъ по случаю рожденія Ея Имп. Величества Елисаветы Алексѣевны великолѣпный парадъ вмѣсто того, который отмѣнили въ Крещеніе. Войска было слишкомъ 28-тысячъ. И я ходилъ имъ любоваться.

Завтра хоронятъ гр. Завадовскаго.—Говорятъ, что президентское его мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ заступилъ уже гр. Вик. Павл. Кочубей.

О смерти генерала Корсакова провралось. Смѣшали кончину генералъ-лейтенанта Андреевскаго съ прекращеніемъ его жизни. На этихъ дняхъ также уморили было генерала Николая Ѳедоровича Хитрова, живущаго въ Мраморномъ дворцѣ. Хотя онъ дѣйствительно боленъ; но дѣйствительно еще живъ и собирается для поправленія здоровья своего ѣхать въ Вѣну. Voilà les nouvelles, que Vous peut donner par ce courrier votre Zeitungschreiber. Онъ бы съ Вами пустился о чемъ-нибудь еще покалякать, но не токмо, что голова у него страшнымъ образомъ болитъ: къ этому онъ привыкъ,—потужите обо мнѣ, добрый Александръ Яковлевичъ, у меня на сердцѣ кошки скребутъ. Женѣ дѣлается день ото дня хуже. Не знаю, чѣмъ стеченіе въ ней разныхъ болѣзней кончится, а теперь она чрезмѣрно страдаетъ. Грудь уже такъ слаба, что она съ нуждою можетъ и очень тихо говорить. Дѣти, бѣдныя дѣти! не хотятъ отъ нея отходить; плачутъ, заставляютъ и ее плакать: извольте Вы тутъ быть съ сухими глазами!

Доктора имѣю весьма искуснаго. Богъ милосердъ! — на него возлагаю все упованіе мое.

Дайте мнѣ быть покойнѣе! Пожелайте, чтобъ я былъ утѣшенъ выздоровленіемъ моей Жюли! Je suis perdu, Boulgakoff, si je perds ma femme! — Je vous embrasse, tout triste, que je suis. Partagez, homme sensible, mes peines. Простите до слѣдующей почты. О! что-то тогда буду имѣть къ Вамъ писать? Радость, или мое несчастье?

О послѣднемъ да возвѣстятъ Вамъ другіе!

Adieu.

7.

С.-Петербургъ. Января 19. 1812.

Гр. Воронцовъ, кажется, теперь ужъ не пріѣдетъ. Великаго визиря смѣнили. Себастьяни работаетъ. Вашъ братецъ, вѣрно, ногти кусаетъ; Вы хватаете себя за волосы, а я — ихъ рву на себѣ.

— Это Божеское попущеніе. — Остается намъ воздыхать, по елику дѣйствовать не можемъ. Я въ прошломъ году Вамъ писалъ, что бы я, встрѣтясь съ виновникомъ общаго зла, сдѣлалъ. Доколѣ онъ живъ, повѣрьте, онъ будетъ все доопрокидывать вверхъ дномъ. Voilà le plus grand malheur!—il réussira.

А отъ чего? Вы это должны видѣть.

О президентствѣ графа Кочубея не слышу подтвержденія, стало быть и нѣтъ ничего. Прошу въ циркулировавшемъ слухѣ меня не винить. Я думалъ Вамъ съ иголочки доставить новость: теперь прошу ее покамѣстъ ввести въ статью небылицъ.

Гр. Завадовскаго хоронили 17-го числа avec un grand appareil. Государь съ Цесаревичемъ изволилъ быть при выносѣ тѣла изъ дому. Городъ не былъ однако же въ такомъ движеніи, какъ при погребеніи графа Строганова. Пожалуйста извѣстите меня; Вы чрезъ тестя Вашего должны знать, ѣдетъ ли сюда кн. Алексѣй Борисовичъ.

На отдѣльномъ отрѣзкѣ листа:

Pardon, mille fois pardon de ce que je vais écrire sur ce bout de papier. Je veux Vous demander si la bibliothèque de monsieur Votre cher père se trouve entre Vos mains?—Ne soyez pas étonné de cette question. Въ Москвѣ у Васъ живетъ теперь хорошій мой знакомый Государевъ учитель адъютантъ Ставицкій. Онъ проситъ меня, чтобы я указалъ ему между моими знакомыми хорошую библіотеку.—Впрочемъ ежели хотите, я и безъ библіотеки Васъ съ нимъ познакомлю. Это умница, это другой Александръ Яковлевичъ. Государь поручилъ ему формировать въ Москвѣ бригаду. Sa Majesté l'aime beaucoup. Скажите мнѣ прямо: угодно или не угодно? J'aime la franchise. У всякаго должны быть свои правила. Я за отказъ на мои предложенія отъ добраго сердца никогда не сержусь. Soyez circonspecte sera mon dernier mot à mon Mitinka.—Простите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, до слѣдующей почты. Буду теперь писать къ Ставицкому.

8.

С.-Петербургъ Генваря 23. 1812.

Я опять тутъ. Однакожъ я не суюсь тамъ, гдѣ меня не спрашиваютъ.—Милый Александръ Яковлевичъ меня вызвалъ, выкликалъ на переписку: такъ пусть теперь узнаетъ, какого гостя взвалилъ себѣ на плечи! Si je suis susceptible, du moins je ne suis pas encore méfiant. Je Vous le prouve: puisque je crois qu'on Peut parler avec Vous, comme on s'applique avec un homme, qui a le coeur excellent, l'ésprit droit, le jugement parfait, les connaissances multipliées également par l'éducation, que par sa propre application à la lecture, par ses observations et par sa sagacité. Это значитъ, что меня одолѣваетъ fureur, rage (какъ хотите назовите) писать, т. е. бредить, врать, заглушать пареніе моихъ мыслей, отъ которыхъ кидаетъ меня въ потъ: ибо я чувствую, что не моя сфера гнить въ цензурѣ, гибнуть отъ сидячей жизни. Хочу себѣ пособить, и—не могу.

Стой, ярый Оденталь! укротись! смирись! Ты большую волю даешь надъ собою страстямъ твоимъ.

Вспомни, что ты человѣкъ!—Que je suis bête!—А я за минуту считалъ себя больше 10-ти Наполеоновъ.—Засмѣйтесь!—Да этого мало; считайте меня за помѣшаннаго; только не совсѣмъ покидайте меня. Сумасшествіе мое излѣчимо. Перемѣните мое положеніе, и я другой. Вы меня не узнаете, меня будете на рукахъ носить; а я Васъ посажу въ то же время за пазушку. Вѣдь это дѣло физически возможное. Я Васъ буду держать въ пазухѣ, а Вы меня понесете на рукахъ. Кто кого предупредитъ? Время покажетъ.

Не солгу, ежели скажу Вамъ, что одни сажаютъ въ Совѣтъ президентомъ на мѣсто гр. Завадовскаго Ивана Алексѣевича, а другіе сами подписываютъ указы о пожалованіи въ сіе званіе умнаго гр. Кочубея. Подите! разберите желающихъ все знать прежде самаго событія, которое единственно зависитъ отъ Высочайшей воли возлюбленнаго нашего Царя. Подите! послушайте и переслушайте, что говорятъ и о томъ, и о семъ. Извольте въ хаосѣ доходить до невѣроятностей. Не дойдете сами, такъ Васъ увѣрятъ ихъ событія.

Въ такое ужъ времячко живемъ, что не знаешь, чему вѣрить и чему не вѣрить! Совершится: и мы, вислоухіе, только что разѣваемъ рты.

Я къ Вамъ оттого такую чепуху пишу, что ничего порядочнаго не знаю. Ужъ этотъ разъ меня извините; случится, и впредь

будьте снисходительны. Сегодня иду въ большую званую компанію обѣдать. Не наловлю ли для Васъ какихъ-нибудь снѣтковъ къ пятницѣ. Теперь истинно, кромѣ того, что достойнаго статсъ-секретаря Оленина украсили Владиміромъ 2-й степени,—ничего изъ путныхъ новостей не знаю.

9.

С.-Петербургъ. Генваря 26. 1812.

Безъ очковъ прочиталъ и письмо, и излитыя въ немъ чувствованія сердца Вашего оть 19-го генваря, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Ежели *мнѣ* стало еще веселѣе: то не спрашивайте никого, кромѣ *самого себя*—отъ чего? Я не буду спрашивать, какъ Юсуфъ-паша: таковъ ли Вы? — Вещи, люди, конечно, познаются по сравненію, но я даю имъ вѣсъ по испытанію.—Я не принцъ де Линь, но, право, могу своимъ готшедовскимъ слогомъ написать портретъ Вашъ. Ручаюсь, что супруга Ваша напла бы его похожимъ.—Меня разбираетъ досада, Вѣрю, что Вы можете быть Цинцинатомъ, но кто, зная Васъ такъ хорошо, какъ я, не воскликнетъ: Зачѣмъ Александръ Булгаковъ не министромъ нашимъ въ Лютеціи?—Батюшка Вашъ былъ *непоколебимъ*. Vous avez employé le terme impropre упрямъ: твердость, характерность теперь еще болѣе нужны, нежели когда-либо. Штыками, пушками должно подкрѣплять ихъ въ наши времена. Гдѣ жъ на свѣтѣ есть холодное ружье превосходнѣе русскаго? Пушки отдадимъ американцамъ. Полководцевъ сыщемъ въ географическомъ нашемъ положеніи. Будь только дипломатика хороша, внутреннее управленіе на Сюлліевскихъ правилахъ—нѣтъ во вселенной другой Россіи.—Куда же я бросился?

Вы говорите мнѣ о Вашей подмосковной; пускаете пробки по водамъ, исчерпываемымъ бутылками, вмѣсто утлыхъ британскихъ кораблей, которые тонутъ безъ сраженій; на бережку ихъ отираете потъ лица своего, возвратясь отъ сохи къ достойной супругѣ; забываете всѣ горести, потому что Вы видите суетное ихъ начало. Счастливъ умникъ мой! Стократъ блаженъ съ такою философіею милый Булгаковъ!

Оденталь не имѣетъ и курятника. Вотъ почему онъ не можетъ говорить о курятникѣ! Родился, живетъ, умретъ въ Россіи: вотъ почему Россію почитаетъ своею собственностью! Вотъ почему занимается Россіею! Подите, называйте его экстравагантнымъ! Онъ

тотчасъ притворится, что слова сего не понимаетъ, когда сердиться не расположенъ. Да теперь оно будетъ для меня и чуждо: ибо поставилъ себѣ образцомъ любезнаго Александра Яковлевича. Погрязъ въ долготерпѣніе. — Alles, faites avec moi ce qui vous plaira; ma morgue n'existe plus. Il est temps, que je domine mes passions.

Я самъ дѣлаюсь образцомъ предъ моимъ Митею; а онъ всё уже примѣчаетъ, всё разбираетъ. Бѣдняжка со вчерашняго дня вдругъ заболѣлъ. Богъ вѣдаетъ! что съ нимъ сдѣлалось. Знаемъ токмо, что онъ горитъ, какъ каменная плита. Со свѣтомъ наравнѣ послалъ почталіона къ доктору. Я его цѣловалъ отъ Васъ. Онъ хочетъ теперь знать, что Вы за человѣкъ?—Отвѣтствую: желалъ бы, чтобъ ты также былъ уменъ, какъ онъ.—Онъ увѣряетъ меня, что будетъ, право, будетъ.—Я бы взялъ съ него росписку, но онъ еще не пишетъ.

Какъ я радъ, что Вы уже познакомились съ Ставицкимъ! Я завидую Вамъ, что Вы его посседируете.

Знаю нѣсколько и друга Вашего Волкова, ежели это тотъ, который женатъ на Корсаковой. Недавно обѣдалъ еще съ сестрою супруги его, которая теперь уже у Васъ въ Москвѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея. Она съ изумленіемъ смотрѣла на заштопанный мой фракъ.

Меня удивительно это веселило.

Не думайте, чтобъ я Васъ затягивалъ въ мистификацію. Неаполитанская Ваша знакомая есть Анна Ефимовна, которая была тогда при гр. Головкиной, а теперь уже 9-й мѣсяцъ замужемъ за хорошимъ моимъ пріятелемъ Цирлейномъ. Мы Васъ съ ней называемъ колдуномъ. Mai qui ne dira pas cela parmi ceux, qui Vous connaissent, comme vous?

Она бранила меня, что я къ Вамъ долго не писалъ.

Кажется, что я теперь вину мою загладилъ.

Желалъ бы токмо для того быть близкимъ къ престолу нашего Монарха, чтобъ доказать искаверженной юриспруденціи, сколь далеко простирается правый Его судъ.

И это для Васъ, для братца Вашего, а не для себя: ибо я въ свою пользу ничего не умѣю дѣлать—Боже! Колтовская тѣшится надъ Вами!—Кириловъ! помнишь ли, какъ мы хаживали съ тобою мимо синяго деревяннаго дома въ Головинскій садъ. По ея физіономіи, съ кѣмъ мы ее сравнивали?—Этому назадъ 18 или 20 лѣтъ. Мы въ сравненіи нашемъ не ошиблись. Тогда живъ еще былъ мужъ ея съ пуклями и съ капелюже. Il faut véritablement avoir votre philosophie pour être en procés avec cette femme.—Но я

вру. Простите! Tout se revolte en moi. Лишнее спустилъ съ пера, и, право, любя Васъ. Смиреніе, долготерпѣніе, да будетъ девизомъ нашимъ! Вы одолѣете супостата! Вспомните сіи слова! Не поручайте; но Вы будете имѣть адвоката.—Я все знаю, къ кому Вы здѣсь въ послѣдній Вашъ пріѣздъ сюда адресовались.—Cachons nous pour quelque temps!

Вотъ въ чемъ состоитъ нынѣ главное искусство!

Вы мнѣ хорошую дали идею о гр. Орловой. Имѣй я особую комнату: такъ я бы по Вашему отзыву написалъ ей панегирикъ, тѣша въ томъ единственно себя.

Помните ли, что я Вамъ говорилъ о Жоржъ?—Да какъ равняться она можетъ съ Семеновою!—Я, можетъ быть, много беру на себя, но скажу Вамъ (сколько мнѣ извѣстенъ французскій языкъ), что она уши деретъ своимъ выговоромъ, фальшивою интонаціею, заставляетъ отъ себя отворачиваться своими судорожными измѣненіями. Хорошъ токмо ея выходъ на сцену, удивительны аттитюды: рисуй ее, пока она не начнетъ говорить.—Когда видалъ я Семенову, то благопристойность удерживала меня токмо, чтобъ не вскочить на сцену къ ней.—Ежели бы я не былъ женатъ, то, вѣдайте мою неистовость, я бы для нее пошелъ въ актеры.—Ахъ! какъ бы я желалъ, чтобъ Вы меня видѣли въ акціи! Жофроа! съ кѣмъ бы ты меня сравнилъ? — Гемороидъ, проклятый гемороидъ! проклятое сидѣнье! Это все одно, куда уходитъ моя физика! За то дѣлаюсь институторомъ. Митя, живи! молись Богу, чтобъ и я скоро не умеръ! Будешь человѣкъ.

Что за стыдъ не читать доселѣ Лагарпа. Ежели Вы прежде читали Баттё, то можно обойтись и безъ Лагарповой фастидіозности, безъ его продигалитетности: Son style manque d'énergie, de circoncision, de ce type, qui marque le génie. Это человѣкъ начитанный и больше ничего. За то ужъ его не люблю, что онъ держался Вольтера. Это доказываетъ, что онъ былъ безъ характера.

Мужайтесь, крѣпитесь, не чуждайтесь меня.

Я очень страненъ, но во мнѣ не найдете никакого коварства: связь люблю однако же имѣть съ пройдохами. Какъ же иначе можно было узнать сердце человѣческое? Я радуюсь, когда меня со всѣхъ сторонъ разсматриваютъ. Это мой тріумфъ! Всѣ слабости мои напередъ обнаруживаю. Не удалятся отъ меня, такъ почему девелопироваться во всемъ. Не удалось быть на временной сценѣ актеромъ, такъ играю мою роль на всегдашнемъ театрѣ. Я даже и больной бываю очень интересенъ для психолога. Это время, когда я все запасаю.—Меня теперь начали нѣкоторые знатные фетировать. Имъ

многія мои идеи нравятся. Я для нихъ созданъ. Quant aux parvenus, ich bin nicht ihr Mann.—Кажется мы, на одной доскѣ стоимъ съ вами. Cachons-nous pour quelque temps!

Теперь только скажу Вамъ, что Ваше письмо меня порадовало. Я вижу въ Васъ много достоинства. Дай Богъ, чтобы и во мнѣ не примѣчали Вы однихъ токмо недостатковъ, которыми изобилуетъ всякій смертный.

Когда увидитесь съ Максимомъ Ѳедоровичемъ, скажите ему тысячу обязательныхъ словъ отъ имени моего. Вамъ можно дать такое порученіе. Не знаю, захотите ли токмо исполнить?—Мнѣ жаль, что я не успѣлъ съ нимъ поговорить предъ самымъ отъѣздомъ.

Невзирая на то, что я на этихъ дняхъ былъ въ большихъ компаніяхъ, ничего новаго не слыхалъ. Видно и нѣтъ ничего. Заглохло что-то.

Вчерась встрѣтился съ гр. Кутузовою на набережной. Грызъ ногти за ея супруга. Онъ много сдѣлалъ. Я надѣюсь, что Вы со мною согласитесь.

Шведскій король Карлъ 13-й опять вступилъ въ управленіе государствомъ своимъ, и въ то число, когда открытъ въ Англіи парламентъ. Изъ сего коннсиданса хотятъ что-то выводить.

Пожалуй, выводи! Это значитъ пустяками заниматься. Ну, Александръ Яковлевичъ, записался я; не мудрено было и завраться. Одна надежда на Ваше снисхожденіе. Наше отличное почтеніе супругѣ Вашей. Расцѣлуйте малютку Вашу.

Es gehe, wie es gehe,
Der Vater in der Höhe
Weis zu allen sachen Rath.

Да будетъ съ нами воля Его святая! Je vous embrasse.

10.

С.-Петербургъ. Генваря 30. 1812.

Меня цѣлое нынѣшнее утро бѣсятъ: кого могъ, того выгналъ, отъ другихъ самъ отошелъ. Чтобъ забыть все худое, начинаю писать къ любезнѣйшему Александру Яковлевичу. Надобно же себя наконецъ поставить выше всѣхъ глупостей и скаредностей людскихъ, дабы наслаждаться тѣмъ, чего нечестивые отравлять не могутъ, когда умѣемъ презирать ихъ. Начало не такъ-то веселое; могъ бы его и выпустить, но я хочу, чтобъ Александръ Яковле-

вичъ читалъ мое сердце. Какъ бишь пословица? Пусть что на умѣ, то и на языкѣ. Съ него ничего не сорвется, что бы могло мнѣ быть предосудительнымъ. Я не принадлежу ни къ какой сектѣ. Я эклектикъ.

Какъ у насъ весело! Балъ за баломъ, вечеринка за вечеринкою, праздникъ за праздникомъ. Радостныя обстоятельства, Александръ Яковлевичъ! Это всѣ видятъ, всѣ чувствуютъ, ежели не по себѣ, такъ по большинству недовольныхъ, угнетенныхъ и погибающихъ.—Опять сбился. Совсѣмъ не то хотѣлъ писать.

Займемся однѣми веселостями.

У госуд. канцлера въ прошедшій четвертокъ былъ большой балъ.—Сегодня, какъ мнѣ сказывали, церемоніймейстеръ Лаваль дастъ въ передѣланномъ своемъ домѣ спектакль и плясовой праздникъ.

За симъ забываю, или лучше сказать, путаюсь въ тѣхъ пирахъ, которые предстоятъ по случаю свадебъ.—Неужели Александръ Яковлевичъ пропуститъ эдакій хабаръ?—Не во время вздумалъ путешествовать.

Вотъ тебѣ разъ! Почта иностранная прикатила. Требуютъ. Il faut faire son métier avant tout. Adieu! Je suis resté au milieu de ma harangue. Ich umarme Sie.

С. О. Долговъ.

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

Въ первые дни послѣ 4 апрѣля 1866 г., общіе разговоры неизмѣнно сосредоточивались на неудавшемся, къ счастью, покушеніи; высказывалось недовольство и недоумѣніе, что тайная полиція прозѣвала... Тогда ходилъ между прочимъ разсказъ, что генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ въ концѣ великаго поста получилъ письмо отъ Ножина, лежавшаго тогда въ Маріинской больницѣ, съ просьбою къ нему пріѣхать и лично выслушать отъ него секретъ большой важности, объ угрожающей Россіи бѣдѣ. Князь Суворовъ передалъ это письмо правителю своей канцеляріи Четыркину, сказавъ, что бреду больного едва-ли можно вѣрить; но на всякій случай на Ѳоминой недѣлѣ, когда возобновятся занятія въ Медико-Хирургической Академіи, гдѣ всегда есть сумасброды, надо усилить надзоръ за настроеніемъ студентовъ. Вспомнивъ объ этомъ письмѣ нѣсколько дней послѣ покушенія, князь Суворовъ послалъ въ Маріинскую больницу справиться, есть ли тамъ больной Ножинъ, что это за личность, въ какомъ онъ положеніи. Получился отвѣтъ, что Ножинъ былъ въ тифозномъ отдѣленіи, недавно умеръ и похороненъ. Дѣйствительно въ метрической книгѣ церкви Маріинской больницы за 1866 г. имѣется запись, что тамъ 3 апрѣля умеръ чиновникъ IX класса Николай Дмитріевичъ Ножинъ; 6 апрѣля онъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Изъ слѣдствія по дѣлу о Каракозовѣ и его сообщникахъ оказалось, что незадолго до своей предсмертной болѣзни Ножинъ жилъ на одной квартирѣ съ однимъ изъ немногихъ, близкихъ съ Каракозовымъ лицъ, знавшихъ о его замыслѣ.

Р. Р. Р.

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ).

М. Е. Салтыковъ [1]).

Съ Михаиломъ Евграфовичемъ у меня завязались сношенія вотъ по какому поводу. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ нашей печати, какъ это бывало періодически и раньше, усиленно обсуждался польскій вопросъ. Всѣ разсужденія публицистовъ консервативнаго и либеральнаго лагеря мнѣ казались неубѣдительными. Объяснялось это вѣроятно слѣдующимъ. Во-первыхъ, я въ дѣтствѣ росъ въ Варшавѣ, а съ одиннадцати до двадцати-трехъ лѣтняго возраста ежегодно пріѣзжалъ въ Варшаву къ моему опекуну на Рождество и лѣтнія каникулы; я, слѣдовательно, былъ знакомъ съ польской жизнью непосредственно. Во-вторыхъ, умъ у меня по-преимуществу реальный въ томъ смыслѣ, что я отъ фактовъ восхожу къ теоріи, а не наоборотъ. Поэтому и въ польскомъ вопросѣ мнѣ также хотѣлось исходить отъ самой жизни, а не отъ тѣхъ или другихъ польскихъ или русскихъ теорій. И вотъ я рѣшилъ познакомиться, такъ какъ не могъ отлучиться изъ Петербурга, съ тогдашней польской жизнью по крайней мѣрѣ, насколько она отражается въ польской беллетристикѣ. Пришлось подучиться польскому языку, который я зналъ недостаточно, а затѣмъ я зашелъ въ петербургскій книжный магазинъ и попросилъ дать мнѣ новѣйшія польскія беллетристическія произведенія.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1912 г.

На мое несчастіе, мнѣ сперва все попадались книги, которыя меня гораздо больше знакомили съ ихъ авторами, чѣмъ съ польскою жизнью. Но вдругъ начинаю читать одну небольшую повѣсть и ужъ не могу отъ нея оторваться. Вотъ она жизнь безъ прикрасъ. Я былъ въ восторгѣ отъ повѣсти. Потомъ мнѣ подвернулись другія повѣсти, хотя и не такія сильныя, но устанавливавшія, какъ дважды два четыре, что польская жизнь удивительно похожа на русскую. А между тѣмъ наша либеральная печать, безъ всякаго видимаго результата, все толковала о польско-русскомъ сближеніи. Можетъ быть оно легче достижимо,—спрашивалъ я себя:—не на почвѣ политическихъ теорій или стремленій, а на почвѣ тѣхъ общихъ вопросовъ, которые вслѣдствіе поразительнаго сходства русской и польской жизни приходится рѣшать совмѣстно и полякамъ, и намъ русскимъ?

Отсюда до желанія познакомить русскихъ читателей съ прочитанными мною польскими беллетристическими произведеніями былъ только одинъ шагъ.

Хотя я никогда до тѣхъ поръ не занимался переводами, за исключеніемъ одного ученаго труда, я рѣшился перевести соблазнившую меня повѣсть и быстро справился съ этой работой. Она была изъ народнаго быта („Эскизы углемъ“ Сенкевича, столько разъ впослѣдствіи переведенные на русскій языкъ). Кромѣ того, я для достиженія поставленной себѣ цѣли былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы повѣсть появилась въ распространенномъ и вліятельномъ органѣ. Поэтому я рѣшилъ предложить ее „Отечественнымъ Записками“. Салтыковъ ее принялъ съ большою готовностью и попросилъ меня черезъ Н. К. Михайловскаго зайти въ редакцію для переговоровъ. Вотъ тутъ-то и произошла моя встрѣча съ русскимъ сатирикомъ.

Это было въ квартирѣ Г. З. Елисѣева на Надеждинской. Когда я позвонилъ, и мнѣ открыли дверь, я невольно отшатнулся,—такъ былъ ошеломленъ потокомъ ругательствъ, несшихся изъ квартиры и извергаемыхъ густымъ басомъ. Я подумалъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, и хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но лакей успокоительно мнѣ ухмылялся.

— Ничего-съ,—сказалъ онъ:—это Михаилъ Евграфовичъ.

Я все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Пожалуйте,—приглашалъ онъ меня.—Вы въ редакцію?

Ругательства продолжали нестись изъ квартиры въ ускоренномъ темпѣ и съ удвоенною силою, но лакей мнѣ такъ добродушно улыбался, что я успокоился и вошелъ.. Меня провели въ гостиную, гдѣ никого не было. Вскорѣ ругательства прекратились, и въ ком-

нату вошелъ... но кто не видѣлъ портрета Салтыкова? Скажу только, что, хотя ему было въ то время только 53 г., но онъ производилъ впечатлѣніе старика. Походка у него была медленная, грузная, и онъ тяжело опустился въ кресло, пригласивъ и меня сѣсть.

— Нечего Бога гнѣвить,—сказалъ онъ, и я въ его голосѣ призналъ басъ, только что извергавшій ругательства:—вещь хорошая... очень хорошая,—прибавилъ онъ съ оттяжкой.—И читается, точно русская,—только у насъ не умѣютъ такъ писать... Чего улыбаетесь,—повысилъ онъ голосъ и вперилъ въ меня свой неподвижный взглядъ:—говорю вамъ, не умѣютъ. У насъ не пишутъ—мазилкой мажутъ, какъ волостной старшина у вашего Сенкевича.

Впослѣдствіи онъ мнѣ часто повторялъ эту фразу „у насъ не умѣютъ писать“ и неизмѣнно прибавлялъ: „въ нашихъ повѣстяхъ идутъ съ неба какіе-то розовые дожди“, намекая на конецъ помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсти очень извѣстнаго русскаго беллетриста. Я уяснилъ себѣ только впослѣдствіи эти вѣчныя жалобы Салтыкова на нашихъ беллетристовъ: ужъ очень солоно ему приходилось отъ исправленія ихъ рукописей. Онъ не поступалъ такъ, какъ поступали и поступаютъ другіе редакторы, которые просто не принимаютъ для своего удобства и съ явнымъ ущербомъ для читателя и даже для литературы рукописей, требующихъ исправленія, какъ бы онѣ по своему содержанія ни были интересны. Салтыковъ, напротивъ, зная, что форма иногда далеко не соотвѣтствуетъ содержанію, что люди съ огромною наблюдательностью и съ богатѣйшимъ матеріаломъ, почерпнутымъ прямо изъ жизни, могутъ иногда грѣшить не только противъ стилистики, но даже и противъ грамотности, считалъ прямо преступнымъ отвергать рукописи, интересныя по содержанію, но неудовлетворительныя по формѣ и подвергалъ себя тяжелому труду, вызванному любовью къ литературѣ и добросовѣстностью по отношенію къ читателю. Поэтому впослѣдствіи, получая рукописи отъ лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“, редакторы удивлялись, какъ Салтыковъ могъ принимать произведенія авторовъ, завѣдомо безграмотныхъ. При этомъ забывалось, что рукописи эти подвергались иногда полной переработкѣ Салтыковымъ, и что даже знаменитые наши писатели находятся иногда въ большихъ неладахъ съ орѳографіей, лексикологіей и синтаксисомъ.

Но возвращаюсь къ разсказу о моей первой встрѣчѣ съ Салтыковымъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ меня:—этотъ Сенкевичъ извѣстный польскій писатель?

Я отвѣтилъ ему, что, сколько я знаю, онъ еще молодой человѣкъ, написалъ пока мало и не пользуется большою извѣстностью или симпатіей у поляковъ.

— Странно, странно,—отвѣтилъ Салтыковъ.—Большой онъ талантъ! Поляки, значитъ, какъ и русскіе, не умѣютъ цѣнить своихъ талантовъ.

Я возразилъ Салтыкову, что, насколько я успѣлъ познакомиться съ поляками, они напротивъ превозносятъ сверхъ мѣры своихъ писателей, но что вѣроятно тенденція Сенкевича имъ несимпатична, что онъ слишкомъ рѣзко осуждаетъ интеллигенцію, помѣщиковъ и духовенство.

Салтыковъ расхохотался такъ искренно, что я удивился: этотъ смѣхъ какъ-то странно противорѣчилъ его недавнимъ ругательствамъ и его мрачному виду.

— Да, ловко онъ ихъ отдѣлываетъ,—проговорилъ онъ сквозь смѣхъ:—даже завидно. И нашихъ бы слѣдовало больно постегать, нѣтъ больнѣе. У насъ что мужикъ, что помѣщикъ—порода одна, а въ Польшѣ мужикъ, хотя и соплеменникъ, а все же порода другая—малороссіянинъ, русинъ, что-ли...

Я рѣшился поправить Салтыкова, замѣтивъ, что мѣсто дѣйствія повѣсти Сенкевича не австрійская, а русская Польша.

— Да, да,—прервалъ онъ меня, видимо не понявъ значенія моей поправки—оттого-то я съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю вашу рукопись, что дѣло происходитъ въ нашей Польшѣ.

Не подлежало сомнѣнію, что Салтыковъ сваливаетъ Галицію и русскую Польшу въ одну кучу, что онъ не знаетъ, что въ нашей Польшѣ крестьяне вовсе не малороссы, а такіе же поляки, какъ и помѣщики.

Я конечно промолчалъ, но въ то же время подумалъ: Боже, какъ мы далеки отъ правильнаго рѣшенія разныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, если даже выдающіеся наши писатели такъ мало знакомы съ реальными условіями!

Салтыковъ просилъ меня почаще присылать ему переводы съ польскаго, и на этомъ мы пока разстались,

Я продолжалъ слѣдить внимательно за польской беллетристикой и часто давалъ „Отечественнымъ Запискамъ“ разсказы разныхъ авторовъ. Такъ я познакомилъ впервые русскихъ читателей, кромѣ Сенкевича, съ Оржешко и Гловацкимъ (Прусомъ), имена которыхъ, особенно первыхъ двухъ, сдѣлались въ Россіи популярными. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе журналы стали усердно переводить польскихъ авторовъ, и моя цѣль была достигнута: наше общество стало знакомиться съ реальною польскою жизнью.

До какой степени Салтыковъ заинтересовался польскою литературою, показываетъ фактъ, что онъ постоянно самъ или черезъ Михайловскаго напоминалъ мнѣ, что я давно уже ничего не давалъ и что пора бы опять что-нибудь прислать. Разъ какъ-то я взялъ авансъ рублей въ 100, и Салтыковъ въ письмѣ мнѣ о немъ напомнилъ. Я тотчасъ же явился къ нему, чтобы расплатиться, но Салтыковъ мнѣ съ досадою сказалъ:

— Не видалъ я что-ли вашихъ денегъ! Мнѣ разсказъ нуженъ.

Оржешко была видимо польщена, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появлялись ея разсказы (я перевелъ „Могучаго Самсона“, „Милорда“, „Сильфиду“ и др.) и обратилась съ благодарственнымъ письмомъ къ Салтыкову. Онъ просилъ меня поскорѣе перевести ему это письмо, чтобы немедленно на него отвѣтить, и видимо былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Не знаю, сохранились ли письма Оржешко и отвѣтъ Салтыкова на него. Было бы жаль, если бы они пропали.

Во всякомъ случаѣ Салтыковъ очень внимательно отнесся къ польской литературѣ. Изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ я убѣдился, что онъ вполнѣ оцѣнилъ мою мысль и старался ее осуществить, насколько можно было безъ ущерба для другихъ отдѣловъ журнала. Составить себѣ ясное понятіе о симпатіяхъ и намѣреніяхъ Салтыкова было нетрудно, потому что онъ былъ удивительно искренній человѣкъ по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ съ своей стороны признавалъ искренними. Его же отношеніе къ сотрудникамъ было просто образцовое. За первый, доставленный мною разсказъ, я былъ разсчитанъ по 25 р. за листъ. Плата эта по тогдашнему времени была недурная. Но вскорѣ меня въ конторѣ начали разсчитывать по 30 р., а черезъ мѣсяцъ или два вышло распоряженіе Салтыкова, чтобы меня разсчитывали по 35 р. И эти распоряженія послѣдовали proprio motu, безъ тѣни намека съ моей стороны, даже безъ сознаннаго мною желанія, такъ какъ я первоначальной платой былъ доволенъ, дорожа меньше заработкомъ, чѣмъ цѣлью, которой я задался.

Помню, я какъ-то долго не былъ у Салтыкова и зашелъ къ нему передъ самымъ лѣтомъ. Свертываю съ Невскаго на Литейный и вижу, у подъѣзда стоитъ коляска, и въ нее усаживается Салтыковъ, окруженный саками и плэдами, т. е. видимо собираясь въ дальній путь или по меньшей мѣрѣ на дачу. Онъ мнѣ привѣтливо улыбнулся.

— Опоздали, батюшка, опоздали, — привѣтствовалъ онъ меня издали:—только смотрите, присылайте: мнѣ перешлютъ.

И, протягивая мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Спасибо, спасибо за все.

Столько было добраго чувства въ этихъ словахъ, что я невольно задумался надъ вопросомъ, за что собственно онъ меня благодаритъ, и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ оглянулся и низко наклонилъ голову въ знакъ прощальнаго привѣта. Я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ нимъ, какъ у входа въ квартиру Елисѣева меня ошеломилъ потокъ его ругательствъ, подумалъ, какъ иногда наружность бываетъ обманчива, и спросилъ себя, если онъ меня, бывшаго для „Отечественныхъ Записокъ“ рядовымъ и кратковременнымъ сотрудникомъ, такъ благодаритъ, то каковы его чувства по отношенію къ тѣмъ сотрудникамъ, которые серьезно поработали для этого журнала.

Впрочемъ, онъ, кажется, умѣлъ и сердиться не только на словахъ. Разъ—какъ-то я въ бесѣдѣ съ нимъ упомянулъ о Терпигоревѣ (это было тогда, когда тотъ уже работалъ въ „Новомъ Времени“).

Не успѣлъ я его назвать, какъ Салтыковъ выпалилъ:

— Слушайте, батюшка, я знавалъ въ жизни много негодяевъ и мерзавцевъ, но прохвостовъ только трехъ.

И онъ назвалъ Терпигорева и двухъ другихъ журналистовъ.

Я нисколько не сомнѣвался, что Терпигоревъ не былъ способенъ на поступокъ, который оправдывалъ бы столь сильное выраженіе. Поэтому я отвѣтилъ только улыбкой.

— Вы не вѣрите,—накинулся онъ на меня.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ онъ—прохвостъ.

Я заговорилъ о другомъ, потому что зналъ причину гнѣва Салтыкова: онъ очень горячо рекомендовалъ Терпигорева Стасюлевичу для его „Порядка“, а Терпигоревъ взялъ и перешелъ въ газету, враждебную „Порядку“, въ „Новое Время“. И въ то же время я спросилъ себя тогда, какъ спрашиваю и теперь,—откуда у Салтыкова взялась эта, по меньшей мѣрѣ странная, привычка уснащать свою рѣчь грубыми ругательствами. Какъ извѣстно, ни воспитаніе (лицейское), ни служебная карьера (онъ дослужился до вице-губернатора), ни общество, въ которомъ онъ вращался, не могли развить въ немъ этой привычки. Она остается для меня загадочнымъ фактомъ, который, понятно, не можетъ ни на волосъ уменьшить чувство глубокаго уваженія, которое внушилъ мнѣ Салтыковъ, какъ человѣкъ и какъ редакторъ. Вотъ уже скоро четверть вѣка, какъ его на свѣтѣ нѣтъ; сколько людей я встрѣчалъ съ тѣхъ поръ, а онъ словно живой стоитъ въ моей благодарной памяти, — благодарной за то, что, встрѣчаясь съ нимъ, я проникался увѣренностью, что въ человѣческихъ отношеніяхъ можетъ быть и доброжелательство, и правдивость. Вѣдь ихъ пока такъ мало на свѣтѣ.

П. А. Гайдебуровъ.

Съ Гайдебуровымъ, извѣстнымъ издателемъ „Недѣли“, я поддерживалъ сношенія преимущественно въ 80-хъ годахъ, когда я сотрудничалъ, хотя и изрѣдка, въ этомъ журналѣ, занимавшемъ особое мѣсто въ либеральной журналистикѣ того времени. Опредѣлить это мѣсто, я думаю, затруднился бы и самъ издатель. Онъ вѣчно чего-то искалъ, по временамъ ему казалось, что онъ нашелъ искомое, но потомъ постоянно оказывалось, что это то да не то. Такъ въ вѣчныхъ поискахъ прошла вся его издательская дѣятельность, и если онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, то только потому, что въ обществѣ существовала потребность въ изданіи, которое стояло бы въ сторонѣ отъ либеральныхъ и консервативныхъ трафаретовъ. Но читатель не зналъ, чѣмъ ихъ замѣнить; Гайдебуровъ тоже этого не зналъ; оба понимали только, что надо нѣчто другое, и на этомъ сходились, поддерживаемые тѣми писателями, которые тоже искали новыхъ путей. Изъ умершихъ писателей этой категоріи назову хотя бы Юзова, Вл. Соловьева, Кигна (Дѣдлова).

Моя литературная дѣятельность была тогда почти безъ остатка поглощена другимъ изданіемъ, такъ что я въ „Недѣлѣ“ могъ участвовать лишь урывками, помѣщая небольшія статьи по финляндскому, польскому или общимъ вопросамъ. Впрочемъ, и одна моя большая вещь была помѣщена въ „Недѣлѣ“, именно моя первая повѣсть „Дѣвичьи Сны“. Вообще я не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія ко мнѣ Гайдебурова, но тѣмъ не менѣе я по указанной причинѣ былъ только случайнымъ гостемъ въ его журналѣ.

Можетъ быть, я и принялъ бы въ немъ болѣе дѣятельное участіе, если бы многое въ самой личности Гайдебурова этому не помѣшало. Проложить общественному сознанію новый путь — дѣло, требующее времени, а Гайдебуровъ ждать не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ. „Недѣля“ даже въ апогеѣ своей славы имѣла сравнительно лишь скромный успѣхъ, а въ началѣ держалась, лишь благодаря осторожности и бережливости ея издателя. Гайдебуровъ не былъ широкой натурой, склонной къ смѣлой предпріимчивости и способной на рискованныя жертвы. Онъ шелъ медленно и осторожно, выжидая частичнаго успѣха. Такіе люди охотно прислушиваются къ тому, что вокругъ нихъ говорятъ, особенно, когда они, какъ Гайдебуровъ, и въ идейномъ отношеніи несостоятельны. Онъ искалъ новаго пути, но дорожилъ старыми силами. Какъ онъ ухаживалъ за писателями, пользовавшимися успѣхомъ, и какъ онъ ихъ

дискредитировалъ, когда они не соглашались сотрудничать у него за скромный гонораръ! Зато, если популярный писатель на это соглашался или только подавалъ надежду, что согласится, то могъ разсчитывать на горячую поддержку со стороны „Недѣли“.

Эта погоня за знаменитыми или популярными писателями въ связи съ идейною неустойчивостью и недостаткомъ смѣлой предпріимчивости, эта осторожность, денежная и всякая иная, лишали Гайдебурова способности быть реформаторомъ, и успѣхъ его, повторяю, только доказываетъ, что уже въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка часть русскаго общества чувствовала потребность отрѣшиться отъ установленныхъ консервативнаго и либеральнаго кодексовъ. Потребность эта была вызвана событіемъ 1-го марта, такъ наглядно выяснившимъ, что вѣчныя колебанія между консерватизмомъ и либерализмомъ къ добру не приводятъ.

Въ 1892 г. я прочелъ въ тогдашнемъ „Русскомъ Литературномъ Обществѣ“ докладъ о современной русской беллетристикѣ, въ которомъ доказывалъ, что она гораздо вѣрнѣе критики оцѣниваетъ истинныя потребности, чаянія и надежды русскаго общества. Въ числѣ слушателей моихъ былъ и Гайдебуровъ. Когда я кончилъ, онъ первый сталъ мнѣ возражать. Видимо онъ не соглашался съ моими соображеніями, горячился, не находя вѣскихъ доводовъ, наконецъ, какъ-то безсильно поникъ головой, повторяя: „Вы меня не убѣдили, — новый путь еще не найденъ“. Мнѣ стало жаль бѣднаго Павла Александровича: онъ исповѣдывался въ трагедіи своей жизни.

Тогда онъ впрочемъ былъ уже больной и слабый человѣкъ. Передъ тѣмъ онъ побывалъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, совершилъ восхожденіе на Эйфелеву башню, но когда хотѣлъ тамъ росписаться въ книгѣ для посѣтителей, то вдругъ оказалось, что онъ писать не можетъ: у него въ рукѣ сдѣлалась судорога. „Что должны были подумать обо мнѣ французы? — разсказывалъ онъ шутя: — Русскій редакторъ... писать не умѣетъ“.

Онъ задумалъ побороть надвигавшіеся старческіе недуги входившей тогда въ моду ѣздой на велосипедѣ. Она-то, кажется, и ускорила его смерть.

А. Ѳ. Марксъ.

Разсказываютъ, что когда Марксъ и Гоппе были еще приказчиками въ книжномъ магазинѣ, они, сидя за бутылкой пива, хвастались другъ передъ другомъ. „Я создамъ русскую „Illustrirte Zeitung“,—

говорилъ Гоппе, Марксъ ему немедленно отвѣтилъ: „А я создамъ русскую „Gartenlaube“.

Не знаю, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ (какъ-то не пришлось спросить объ этомъ Адольфа Ѳедоровича, хотя я и работалъ съ нимъ десять лѣтъ), но онъ очень характеренъ. Мало ли похваляются люди за стаканомъ пива или вина, но отъ словъ до дѣла, особенно такого крупнаго дѣла, какъ созданіе „Нивы“—дистанція огромныхъ размѣровъ, а Марксъ эту дистанцію прошелъ такъ побѣдоносно, что „Нива“ все еще процвѣтала, когда ея прототипъ, нѣмецкая „Gartenlaube“ уже захирѣла.

Зачѣмъ однако понадобилось Марксу создать русскую „Gartenlaube“? Было ли это своего рода честолюбіе или жажда наживы? Хотя я познакомился и подружился съ Марксомъ уже на склонѣ его лѣтъ, я думаю, однако, что не ошибусь, сказавъ, что и честолюбія, и подавно любостяжанія въ немъ было очень мало; зато рабочая сила, рабочая энергія у него была поразительная.

Я засталъ его уже 57-лѣтнимъ старикомъ,—и что онъ въ мое время только не продѣлывалъ! Онъ чуть ли не первый былъ въ конторѣ, чуть ли не послѣдній уходилъ изъ нея, проводя въ ней 9, 10, иногда 11 часовъ. Одно дѣло смѣнялось другимъ; разные планы роились у него въ головѣ; полученныя деньги должны были немедленно быть пущены въ оборотъ; такъ, покупались усовершенствованныя машины, воздвигалось центральное зданіе для всѣхъ учрежденій: типографіи, цинкографіи, переплетной и т. д.; перенималось тотчасъ же все новое, полезное; создавалось картографическое заведеніе. И только-что одно дѣло было налажено, немедленно возникалъ новый планъ, иногда разсчитанный на много лѣтъ впередъ. Я въ душѣ недоумѣвалъ, какъ почти 60-лѣтній старикъ можетъ съ любовью, нѣтъ, съ воодушевленіемъ работать надъ задуманнымъ новымъ дѣломъ, которое разовьется, дастъ плоды черезъ много лѣтъ. Когда я присматривался къ его дѣятельности, мнѣ все казалось, что онъ проживетъ еще долго, долго: иначе не могло быть этого спокойствія, этой увѣренности, этой жизнерадостности. Разъ (за два года до смерти) съ нимъ случился обморокъ: шелъ онъ изъ конторы и вдругъ на лѣстницѣ упалъ. На другой день онъ опять такъ же бодро работалъ, повидимому, даже не задумавшись надъ полученнымъ имъ предостереженіемъ.

Этой-то рабочей энергіи онъ и обязанъ всѣмъ, что создалъ, а создалъ онъ большое дѣло,—большое не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ и многочисленности издательскихъ учрежденій, но и въ смыслѣ идейномъ, т. е. въ смыслѣ созданія журнала, который нашелъ себѣ доступъ въ такія сферы, гдѣ прежде журналовъ не

читали, и особенно въ смыслѣ распространенія выдающихся нашихъ писателей въ количествѣ экземпляровъ, о которомъ они и мечтать не могли. Въ рукахъ Маркса тиражи въ тысячу экземпляровъ превращались въ десятки тысячъ, а десятки тысячъ въ сотни тысячъ, и если принять во вниманіе, что такое распространеніе онъ далъ и Гоголю, и Тургеневу, и Достоевскому, и Ал. Толстому, и Лѣскову и Писемскому, и Гаршину, и Чехову, не говоря о другихъ писателяхъ, которыхъ насчитывается очень много, то придется безъ преувеличенія сказать, что Марксъ передъ лицомъ русской литературы и русскаго просвѣщенія очень заслуженный человѣкъ.

Впрочемъ, я здѣсь не хочу дать характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Я хочу только разсказать о моихъ столкновеніяхъ съ нимъ.

Вручаетъ мнѣ, скажемъ, Адольфъ Ѳедоровичъ рукопись извѣстнаго писателя съ просьбою просмотрѣть, ее, если возможно, поскорѣе. А нужно замѣтить, что я рукописей никогда не задерживалъ. Спросишь, почему требуется спѣшка. Да видите ли,—отвѣтитъ Марксъ:—авторъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ по секрету, что дня черезъ три ему надо платить по векселю.

— Значитъ, пригналъ окончаніе литературнаго произведенія какъ разъ къ сроку векселя. Странно!

Или, въ другой разъ онъ мнѣ сообщаетъ, что извѣстная писательница, жена очень богатаго человѣка, сильно нуждается въ деньгахъ, чтобы экипировать своего сына, поступающаго на военную службу, и поэтому предлагаетъ рукопись.

— И вы этой баснѣ вѣрите, Адольфъ Ѳедоровичъ?

— Надо вѣрить,—отвѣтитъ тотъ улыбаясь.

— Но вѣдь такъ вы играете въ руку нахаламъ. Развѣ можно ставить судьбу литературнаго произведенія въ зависимость отъ того, есть ли на меня срочный векселъ или нужно ли мнѣ экипировать сына? Какое дѣло „Нивѣ“ до этого?

— Не у всякаго нахала большое имя,—возразитъ спокойно Марксъ.

Вообще дѣло у него стояло на первомъ планѣ. Угодничествомъ, лестью трудно было его подкупить, какъ и нельзя было повліять на него сплетнями. Вы могли ему угождать, сколько силъ хватитъ, но если вы дѣлу не были полезны, онъ старался васъ сплавить. Быть можетъ, въ этой способности отличать людей, умѣющихъ только болтать и угождать, отъ истинныхъ работниковъ и заключался одинъ изъ главныхъ секретовъ достигнутаго имъ успѣха, такъ какъ предпріятіе, руководитель котораго видитъ и чувствуетъ *себя* больше, чѣмъ *дѣло*, всегда рано или поздно прогоритъ.

Марксъ могъ годами поддерживать сношенія съ нравственно не-

состоятельнымъ человѣкомъ, если тотъ былъ чѣмъ-нибудь полезенъ дѣлу. Это не значило, что онъ близко его подпускалъ къ себѣ, но онъ дѣлалъ видъ, что не чуждается его, былъ съ нимъ любезенъ, и тотъ часто не догадывался, что между нимъ и Марксомъ—пропасть. Я иногда убѣждалъ Маркса, что такъ нельзя: вѣдь дурной человѣкъ при малѣйшей оплошности можетъ подвести.

Марксъ добродушно улыбался.

— „Нива", ничего себѣ, идетъ,—отвѣчалъ онъ:—а если бы я хотѣлъ имѣть дѣло только съ честными людьми (вы думаете, ихъ много?), то вѣроятно ея давно уже бы не было.

— А все-таки мошенникъ можетъ васъ подвести!—настаивалъ я.

— Не подведетъ, если у меня глаза есть, а если подведетъ,—кто будетъ виноватъ? Онъ? Нѣтъ, я.

Разъ какъ-то (мы были одни) онъ, несмотря на все свое расположеніе отзываться о людяхъ дурно, даже когда они этого вполнѣ заслуживали, не утерпѣлъ и долго честилъ одного очень популярнаго общественнаго дѣятеля, котораго я лично, какъ человѣка, ставилъ также невысоко. Онъ такъ погорячился, и это было ему такъ несвойственно, что я съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ:

— Да что же онъ вамъ собственно сдѣлалъ?

Оказалось, что онъ вторично потребовалъ гонораръ за окончательно проданную и щедро оплаченную вещь.

— Да что это васъ такъ возмущаетъ, Адольфъ Ѳедоровичъ?—спросилъ я.—Развѣ это первый случай въ вашей практикѣ?

— Первый случай?!. Но подумайте, кто это сдѣлалъ? Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ дѣятелей, человѣкъ, передъ которымъ всѣ благоговѣютъ.

— Но, надѣюсь, вы ему вторичнаго гонорара не дадите?

Марксъ на одну секунду задумался.

— Дамъ,—отвѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь, и голосъ его какъ-то странно дрогнулъ.—Дамъ, говорю вамъ, дамъ. Ему повѣрятъ, мнѣ не повѣрятъ, и потомъ... онъ можетъ еще для дѣла пригодиться. Но я ему теперь цѣну знаю.

Послѣднія слова отъ произнесъ очень твердо, такъ что для меня стало ясно, что между нимъ, Марксомъ, и всѣми уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ образовалась пропасть, которую ничто уже не наполнитъ. Какъ человѣкъ, этотъ дѣятель пересталъ для него существовать: онъ могъ служить только той или другой фигурой на его шахматной доскѣ.

Такихъ столкновеній у меня было съ Марксомъ не мало, и я сталъ подъ конецъ замѣчать, что, когда ему приходилось потворствовать неумѣреннымъ аппетитамъ сотрудниковъ, онъ отъ меня это скры-

валъ: онъ изъ деликатности скрывалъ отъ меня продѣлки моихъ товарищей, другихъ писателей, чтобы меня не огорчать.

Разскажу здѣсь еще о моемъ послѣднемъ столкновеніи съ Марксомъ.

Послѣ 33-лѣтней усиленной литературной дѣятельности здоровье мое расшаталось въ 1904 г. настолько, что я при лучшемъ желаніи не могъ продолжать редактировать „Ниву“ и долженъ былъ уѣхать за границу, чтобы подлечиться для другой менѣе утомительной дѣятельности. Для меня было ясно, что къ редакторскому труду я вслѣдствіе сильно расшатаннаго здоровья уже никогда не вернусь. Но Марксъ вѣрилъ въ крѣпость моей натуры и смотрѣлъ на мой отъѣздъ, лишь какъ на болѣе продолжительный отпускъ. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать его трогательную для меня заботливость о томъ, чтобы я время моего отпуска провелъ беззаботно и спокойно. Онъ потребовалъ даже, чтобы я оставилъ ему одному мой адресъ,—не то безпокоить будутъ.

Наконецъ канунъ отъѣзда насталъ. Я долго бесѣдовалъ съ Марксомъ о дѣлахъ. Главное было улажено,—оставались только мелочи. Но я зналъ, что онъ обыкновенно не упускаетъ изъ виду даже малѣйшей подробности, и поэтому былъ удивленъ, что онъ слушаетъ меня какъ-бы разсѣянно. Вдругъ онъ меня на чемъ-то прерываетъ и говоритъ:

— Все это хорошо, Ростиславъ Ивановичъ, но зачѣмъ вы уѣзжаете!

Меня эти слова поразили не потому, что въ нихъ было много добраго чувства ко мнѣ, а потому, что они звучали слишкомъ печально, какъ слова человѣка, для котораго съ моимъ отъѣздомъ было больше связано, чѣмъ могло быть для Маркса. Его печалила очевидно не разлука съ привычнымъ ему редакторомъ, а нѣчто большее, чего я въ данную минуту не понималъ. Къ сожалѣнію, я истолковалъ его печаль слишкомъ эгоистично, сказавъ себѣ: „Однако я не думалъ, что онъ меня такъ любитъ“, простился съ нимъ и уѣхалъ.

Только дней черезъ десять, уже будучи въ Ниццѣ, я узналъ, что въ день моего отъѣзда его, повидимому, еще полнаго силъ томило предчувствіе близкой смерти. Онъ умеръ черезъ день послѣ моего отъѣзда, въ хлопотахъ о доставленіи нашимъ раненымъ въ Манджуріи рождественскихъ подарковъ. Думая о себѣ, а не объ этомъ безконечно-добромъ человѣкѣ, я, уѣзжая въ близкій путь, не могъ дождаться двухъ дней, чтобы провести послѣдніе часы съ нимъ, уѣзжавшимъ въ тотъ далекій путь, откуда возврата нѣтъ.

Р. Сементковскій.

Памятники 1812 года въ Печерскомъ монастырѣ.

Такими памятниками прежде всего являются соборъ архистратига Михаила, воздвигнутый гр. Витгенштейномъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ въ 1827 г., серебряныя доски-плиты, повѣшенныя на колоннахъ собора: одна „Именной списокъ“ о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ направо по направленію къ алтарю, другая—количество нижнихъ чиновъ, павшихъ около Полоцка, затѣмъ интересная переписка между Императоромъ Александромъ I, гр. Витгенштейномъ, псковскимъ губернаторомъ и настоятелемъ Печерскаго монастыря, хранящаяся частью въ псковскомъ губернскомъ архивѣ, а въ болѣе значительномъ размѣрѣ въ архивахъ монастыря. Эта интересная историческая переписка остается до сихъ поръ неопубликованной и только часть ея, относящаяся непосредственно къ монастырю, напечатана въ брошюрѣ „Псково-Печерскій монастырь“.

Однако и опубликованіе „Именного списка“ важно не только для историковъ и въ особенности военныхъ, но важно и вообще для широкой публики, такъ какъ многимъ изъ числа потомковъ героевъ славнаго 1812 года пріятно отмѣтить, что имена ихъ предковъ не забыты, но увѣковѣчены. Приводимъ этотъ документъ, списанный съ сохраненіемъ орѳографіи:

„Имянной списокъ о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ.

1-го отдѣльнаго корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа Витгенштейна убитыхъ въ компанію 1812 года Полковъ драгунскихъ рижскаго капитанъ Евграфъ Ивановъ сынъ Ершовъ подъ Клястицами Іюля 19. Прапорщикъ Феликсъ Тадеушевъ сынъ Валицкій подъ Полоцкомъ Октября 6. Литовскаго порутчикъ Нестеръ Васильевъ сынъ Панферовъ при мызѣ Казьянахъ Октября 4.

Гродненскаго, что нынѣ Клястицкой: гусарскаго шефъ генералъ маіоръ Яковъ Петровъ сынъ Кульневъ подъ Клястицами Іюля 20, маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Кейпфертъ при пустынкѣ Октября 12-го, ротмистръ Алексѣй Васильевъ сынъ Дьяковъ, штабротмистръ Александръ Севастьяновъ сынъ Зброевскій подъ Полоцкомъ Августа 6, и октября 6 порутчикъ Федоръ Ивановъ сынъ Гроттусъ. Пѣхотныхъ Калугскаго капитанъ Василіи Андреевъ сынъ Горенкинъ Тенгинскаго порутчикъ Андрей Ивановъ сынъ Томара, Могилевскаго порутчики Осипъ Ивановъ сынъ Лобачевскій подъ Клястицами Іюня 20 Павелъ Венедиктовъ сынъ Бутовичъ подъ Полоцкомъ Августа 5 и 6 подпорутчики Августинъ Фадѣевъ сынъ Пуцеловскіи подъ Полоцкомъ Августа 5 прапорщикъ Аливиза Леоновъ сынъ Претигіевскіи 2-й подъ Чашниками Октября 19. Навагинскаго Маіоръ Василій Ивановъ сынъ Фоняевъ Капитанъ Василій Никаноровъ сынъ Стяшкинъ Штабсъ-капитанъ Александръ Астафьевъ сынъ! подъ Полоцкомъ Октября 6 і Августа 6 подпорутчикъ Алексѣй Александровъ сынъ! подъ Клястицами Іюля 20 Пермскаго капитанъ Егоръ Астафьевъ сынъ Тилинъ 1-й и штабсъ-капитанъ Антонъ Осиповъ сынъ Новацкой подъ Полоцкомъ Августа 5 порутчикъ Доримедонъ Захаровъ сынъ Полторацкій 3-й подпорутчикъ Федоръ Федоровъ Колычевъ подъ Полоцкомъ Октября 6. Севскаго маіоръ Иванъ Федоровъ сынъ Михайловъ подъ Борисовымъ Ноября 16 капитанъ Федоръ Федоровъ сынъ Трусовъ, Никита Ивановъ сынъ Харчовъ подпорутчикъ Иванъ Константиновъ сынъ Поливановъ подъ Полоцкомъ Октября 6 и Августа 5 Октября 6 прапорщики Александръ Федоровъ сынъ Мороковъ, Іванъ Фридриховъ сынъ Даннебергъ подъ Борисовымъ Ноября 16. порутчики Алексѣй Петровъ сынъ Леухинъ 3-й Ванифатій Ивановъ сынъ Добровольскій подъ Полоцкомъ Августа 5-го подпорутчики Николай Гавриловъ сынъ Шлингинъ подъ Чашниками Октября 19 Естлянскаго капитанъ Василій Францовъ сынъ фонъ Гальберхъ порутчикъ Гаврила Ефимовъ сынъ Максимовъ прапорщикъ Петръ Ивановъ сынъ Малевинскій подъ Полоцкомъ Августа 6 и 5 Егерскихъ 24-го командиръ подполковникъ Осипъ Григорьевъ сынъ Сомовъ, капитанъ Григорій Моисѣевъ сынъ Никитинъ подъ Клястицами Іюля 20 и 18 Петръ Михѣевъ сынъ Власовъ подъ Полоцкомъ 5 Августа порутчикъ Карлъ Ивановъ сынъ Ганнертъ подъ Клястицами Іюля 18 и 25 Шефъ полковникъ Степанъ Васильевъ сынъ Денисьевъ при Свольнѣ Іюля 30 подпорутчики Родивонъ Петровъ сынъ Дайнамовичъ подъ Клястицами Іюля 18 Максимъ Ивановъ сынъ Адамовичъ подъ Полоцкомъ Октября 6 и 25 порутчикъ Александръ Ивановъ сынъ Петелинъ подъ Кляст-

цами Іюля 18 Федоръ Михайловъ сынъ Белелюбскій Александръ Семеновъ сынъ Мироновъ подъ Полоцкомъ Августа 6 и Октября 6-го.

Убитыхъ въ сраженіяхъ 1812 г. прапорщикъ Алексѣй Ивановъ сынъ Популовъ подъ Клястицами Іюля 20 Николай Григорьевъ сынъ Емельяновъ Іоганъ Готгардъ сынъ Шварцъ Мухаметъ Рахимъ сынъ Есифулинъ подъ Полоцкомъ Октября 6. 1 Піонернаго порутчикъ Яковъ Лаврентьевъ сынъ Сиверсъ подъ Борисовымъ Ноября 15 Запасныхъ Ескадроновъ Полковъ Кавалергардскаго порутчикъ Сергѣй Петровъ сынъ Васиковъ Лейбъ Гвардіи Конныхъ корнетъ Евграфъ Петровъ сынъ Кусовниковъ Драгунскихъ Московскаго порутчикъ Антонъ Александровъ сынъ Квятковскій подъ Полоцкомъ Августа 6 и Октября 6 Псковскаго что нынѣ Кирасирской прапорщикъ Капитанъ Ивановъ сынъ Денисовъ 2-й подъ Чашниками Октября 19 Запасныхъ Баталіоновъ полковъ Гранодерскихъ Екатеринославскаго прапорщикъ Владимиръ Павловъ Безстужевъ Рюминъ подъ Клястицами Іюля 20-го Таврическаго порутчикъ Иванъ Яковлевъ сынъ! Лейбъ Гранодерскаго, что нынѣ Лейбъ Гвардіи прапорщикъ Сергѣй Ивановъ сынъ Стрѣльниковъ подъ Полоцкомъ Октября 6 Пѣхотныхъ Полоцкаго маіоръ Тихонъ Денисовъ сынъ Медвецкій Псковскаго штабсъ капитанъ Матвѣй Леонтьевъ сынъ Омельченко, подъ Полоцкомъ Октября 6 и Августа 6 Либовскаго что нынѣ принца Карла Прусскаго прапорщикъ Деморъ подъ Полоцкомъ августа 6. По неполученію формуляра о имени и отечествѣ его неизвѣстно. Перновскаго: что нынѣ Гранодерской наслѣднаго принца Крусскаго корнетъ Степанъ Петровъ сынъ Скорняковъ при мѣстечкѣ Диснѣ Октября 4:

„Егерскаго порутчикъ Федоръ Васильевъ сынъ Семинъ Яковъ Петрова сынъ Хомякова подъ Полоцкомъ августа 5 Артиллерійскихъ ротъ батарейныхъ № 5-го прикомандированный къ оной Людзовскаго артиллерійскаго гарнізона подпорутчикъ Искрицкій подъ Чашниками октября 19. По неполученіи формулярнаго списка о имени и отечествѣ его неизвѣстно. № 35 подпорутчикъ Иванъ Савиновъ Вольскій второй октября 6 Легкой № 27 подпорутчикъ Андрей Александровъ сынъ Макшеевъ подъ Клястицами Іюля 20 Сан Петербургскаго ополченія надворный совѣтникъ Карлъ Жофрусі. Титулярный совѣтникъ Василій Семеновскій П. Гурьевъ, Глинка, порутчикъ Голохвастовъ, подпорутчикъ Феофанъ Ружевскій прапорщикъ Павелъ Ивановъ сынъ Чистяковъ, Захаръ, Вильгельмъ. Ексингъ губернскій секретарь Михаилъ Разиновъ колегскій регистраторъ Филипъ Громинъ, Александръ Рублевъ подъ Полоцкомъ Октября 6 подъ Борисовымъ Ноября 6. О именахъ Глинки и Голохвастова и объ отечествахъ протчихъ чиновниковъ за неполуче-

ніемъ объ нихъ формуляровъ неизвѣстно. Сверхъ того умерло отъ ранъ состоявшій при корпусѣ инженеръ капитанъ Александръ Сергѣевъ сынъ Окуневъ подъ Борисовымъ Ноября 12. Полковъ Ямбургскаго, Драгунскаго, что нынѣ Уланской порутчикъ Георгій Христофоровъ сынъ Гернетъ подъ Клястицами Іюля 20 Гродненскаго что нынѣ Клястицкой Гусарскаго корнетъ Станиславъ Ивановъ сынъ Чистяковскій пѣхотныхъ Сѣвскаго порутчикъ Федоръ Федоровъ сынъ Михайловъ прапорщикъ Георгій Фридриховъ сынъ Плохъ 1-й подъ Полоцкомъ августа 6 и Октября 6 Естляндскаго подпоручикъ Титъ Ивановъ сынъ Ивановъ при Свольнѣ Іюля 30 Егерскихъ 23-го шефъ полковникъ Григорій Николаевъ сынъ Фроловъ подъ Полоцкомъ августа 6 подпоручикъ Карлъ Гофнакъ 26 подпорутчикъ Петръ Александровъ сынъ Фустовъ подъ Клястицами Іюля 19.

Сообщилъ Н. Козыревъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VI. Женитьба Н. Г. Чернышевскаго [1]).

1. *Васильевы.*

Въ Саратовѣ, на Армянской улицѣ, въ домѣ, который до 1900-хъ годовъ принадлежалъ Ростовцевымъ (теперь принадлежитъ архіерейскому дому), жило семейство доктора удѣльной конторы, Сократа Евгеньевича Васильева, болѣе извѣстнаго въ городѣ подъ именемъ Сократа.

У Васильевыхъ было три сына и три дочери [2]).

Отецъ семейства имѣлъ нерусскій типъ лица и очень походилъ на негра: у С. Е. были курчавые и жесткіе волосы, черные глаза съ особымъ блескомъ, который пронизываетъ и жжетъ васъ; волосы были постоянно всклокочены. Малороссъ по происхожденію, воспитанникъ Харьковскаго университета, онъ постоянно слѣдилъ за наукой.

Сократъ Евгеньевичъ считался лучшимъ саратовскимъ докторомъ-діагностомъ и пользовался въ обществѣ большимъ уваженіемъ. Его слава, какъ врача, возросла съ тѣхъ поръ, какъ онъ вылечилъ вице-губернатора Александровскаго, страдавшаго какой-то болѣзнью, считавшейся неизлѣчимой. Особенно же извѣстности Васильева помогло леченіе извѣстнаго министра Перовскаго, путешествовавшаго по Россіи и заболѣвшаго въ Саратовѣ. Саратовцы гордились Васильевымъ. „Онъ спасъ Перовскаго“, говорили они.

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

[2]) Въ др. мѣстѣ у Ф. В. Духовникова: 4 сына и 4 дочери.

Человѣкъ очень серьезный, Сократъ Евгеньевичъ любилъ своихъ дѣтей и, занятый массой дѣлъ, все-таки находилъ время, чтобы обратить вниманіе на ихъ воспитаніе.

Одинъ изъ его родственниковъ, взяточникъ и ханжа, постоянно произносившій вслухъ молитвы и изреченія изъ библіи, считалъ его чуть не дуракомъ.—„Какое богатое у тебя мѣсто“, говорилъ онъ, „а ты не хочешь заполучить деньгу на старость себѣ и дѣтямъ; богачемъ могъ бы быть“.

— „За то не подлецомъ“, искренно отвѣчалъ С. Е., и такъ поступалъ въ жизни. Однажды пришлось ему лечить милліонера, обѣщавшаго, въ случаѣ удачнаго исхода, дать за леченіе половину своего состоянія; по выздоровленіи же, милліонеръ ограничился 100 рублями, но Сократъ Евгеньевичъ не былъ корыстолюбивъ, и дѣло не разгорѣлось. Вообще, онъ не умѣлъ наживать деньги.

С. Е. отличался большими странностями. Всегда торопливый и быстрый въ движеніяхъ, даже когда въ этой быстротѣ не было никакой надобности, онъ невольно заставлялъ говорить о себѣ. Его забывчивость и разсѣянность часто ставили Сократа Евгеньевича въ комическія положенія. Посѣтивши всѣхъ своихъ паціентовъ, онъ пріѣзжаетъ домой; не успѣетъ еще войти въ дверь, какъ сбрасываетъ съ себя старую поношенную одежду и, не дойдя еще до кабинета, остается въ такомъ костюмѣ, при которомъ остается только надѣть халатъ (на Васильевѣ не было уже ни жилета, ни галстука). Халатъ былъ засаленный и запачканный. Будучи очень хорошимъ докторомъ, С. Е. почти никогда не мылъ ни лица, ни рукъ; въ его кабинетѣ были постоянный безпорядокъ и грязь. Усаживается С. Е. въ кресло, закуриваетъ сигару и, наслаждаясь куреньемъ, постоянно плюетъ въ потолокъ. У своихъ паціентовъ нашъ докторъ также часто курилъ и пилъ портеръ (даже когда его дочь, А. С., выходила замужъ за Малиновскаго, С. Е. тоже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, куря сигары, и, по обыкновенію, плевалъ въ потолокъ, а мать невѣсты сидѣла у себя въ комнатѣ).

Сократъ Евгеньевичъ былъ острякъ, хотя самъ въ разговоръ вступалъ рѣдко. Любилъ онъ, когда дѣти повторяютъ его же остроты, каковы бы онѣ ни были, даже и сальныя; за это давалъ имъ подарки: лакомства и деньги. С. Е. былъ человѣкъ непомѣрной доброты.

— „Ну, что, на Пасху будешь веселиться?“ обращается онъ разъ къ знакомой женщинѣ.

— „Не до веселья, баринъ: всю обокрали меня“.

Онъ далъ ей десять рублей.

Со многихъ чиновниковъ онъ не бралъ даже за визиты. Разска-

зываютъ, что одна и та же болѣзнь обходилась различно больнымъ, смотря по тому, у Васильева ли, или у другихъ докторовъ шло леченье. Онъ не имѣлъ сдѣлокъ съ аптеками, подобно другимъ докторамъ. Сравнивая леченье одной и той же болѣзни разныхъ докторовъ, приходили къ тому выводу, что леченье у Васильева обходилось разъ въ десять дешевле другихъ докторовъ. Самъ онъ жилъ безъ всякаго разсчета и тратилъ деньги совершенно безцѣльно.

Его жена, Анна Кирилловна, была побочная дочь генерала Козачковскаго, героя 1812 г., женщина — образованная, воспитанная, кажется, въ институтѣ, почему и знала французскій и нѣмецкій языки и хорошо рисовала. Говорятъ, что, вышедши замужъ за Васильева, по волѣ отца, она высказывала неудовольствіе по этому поводу на своего родителя, помѣшавшаго ей составить болѣе блестящую партію. По пріѣздѣ Васильевыхъ въ Саратовъ, она нѣкоторое время показывалась въ обществѣ, но затѣмъ повела затворническую жизнь, никуда не выѣзжала и ни до чего не касалась. Болѣе всего она боялась, какъ бы не согрѣшить.

Анна Кирилловна почти постоянно сидѣла одна въ своей комнатѣ, оттуда давала и всѣ распоряженія по хозяйству, тамъ же принимала и гостей. Только иногда, въ жаркую погоду, она выходила въ садъ. Прислуга и дѣти заботились объ ея здоровьѣ и удобствахъ. Въ сильный жаръ (лѣтомъ въ Саратовѣ бываетъ до 40 градусовъ тепла) они ставили въ саду столъ съ кресломъ; отъ комнаты и до стола стлался коверъ. А. К., надѣвъ теплый капотъ и шубу, въ сопровожденіи дѣтей и прислуги, выходила въ садъ и садилась за столъ, уставленный гофманскими каплями и иными снадобьями. Иногда она, не просидѣвъ въ саду и пяти минутъ, кричала: „Ведите меня отсюда,—здѣсь сквозной вѣтеръ!“ И ее опять уводили въ комнату.

Ея заботы о дѣтяхъ ограничивались выговорами и внушеніями. По праздникамъ, по приказанію матери, дѣти поочередно читали для нея акаѳисты. Она, говоря вообще, относилась къ нимъ строго,— но зато отецъ много баловалъ. Онъ снисходилъ къ дѣтскимъ слабостямъ и предоставлялъ имъ во всемъ полную свободу. Поэтому, дѣти росли почти безъ надзора. Ихъ называли дѣтьми природы.

Если мать дѣлала имъ замѣчанія, Сократъ Евгеньевичъ говорилъ: „Мамаша, вы стараго воспитанія, поэтому, вамъ кажется многое не такъ!“ Когда мать выходила къ обѣду изъ своей комнаты (что иногда случалось), то не садилась за столъ; при ней дѣти вели себя смирно. Обычно же обѣды отличались большой безпорядочностью; въ это время шелъ невообразимый гвалтъ, шумъ, крикъ. Самъ С. Е. разливалъ и раздавалъ кушанья дѣтямъ. Какъ

малороссъ, онъ особенно любилъ вареники, которые всегда были первымъ блюдомъ за обѣдомъ Васильевыхъ. Когда ихъ подадутъ, дѣти кричатъ: „Мнѣ! мнѣ, папаша!“ Сначала онъ раздаетъ спокойно, а потомъ начинаетъ просто бросать галушки на тарелки, попадаетъ на столъ... Смѣхъ, хохотъ!..

Вотъ, какъ описываетъ свои впечатлѣнія, при входѣ къ Васильевымъ, одна ихъ знакомая.

Мать „пожелала видѣть меня, чтобы отблагодарить за то, что дѣти ея у меня бывали часто. Я отправилась. Дѣти приняли меня и доложили ей о моемъ приходѣ. Черезъ нѣсколько времени отворяется одна дверь, ведущая изъ залы въ гостиную, затѣмъ— другая и наконецъ, третья, ведущая въ спальню. Это—за тѣмъ, чтобы уравнять воздухъ во всѣхъ комнатахъ, хотя комнаты были натоплены хорошо. Прошло еще четверть часа, и меня ввели къ ней на аудіенцію, которая происходила въ гостиной. Мать, Анна Кирилловна, сидѣла въ креслахъ. На ней надѣтъ былъ ваточный капотъ, шуба и салопъ; на головѣ былъ теплый платокъ, а на ногахъ—оленьи сапоги. Она встрѣтила меня очень привѣтливо. „Извините, что я просила васъ къ себѣ,—я никуда не выѣзжаю изъ дома, и потому просила васъ, чтобы отблагодарить васъ за тѣ удовольствія, которыя находятъ мои дѣти въ вашемъ домѣ“.

Затѣмъ она стала вести очень оживленный и умный разговоръ, изъ котораго я заключила объ ея недюжинномъ умѣ. Во время разговора она сначала сняла салопъ, потомъ—шубу, затѣмъ ваточный капотъ, и, наконецъ, теплый платокъ. Такъ она продѣлывала съ одеждой не только въ этотъ разъ и при мнѣ, но и всегда и кто бы ни приходилъ къ ней; говорятъ, что у ней была болѣзнь“,

Старшая дочь и первенецъ—Ольга Сократовна—пользовалась особенной любовью отца. У матери были свои любимцы: Анна, Ростиславъ, Бенедиктъ.

Когда Васильевъ служилъ еще въ Камышинѣ, Ольгу Сократовну отдали учиться въ Лѣсной Карамышъ, къ пастору Конради, у котораго было нѣчто въ родѣ пансіона. Здѣсь, въ числѣ учительницъ, была и его дочь, впослѣдствіи занявшая должность начальницы саратовскаго Маріинскаго института. Хотя, по тогдашнему времени, дѣтей воспитывали въ пансіонѣ хорошо, однако, Ольгѣ Сократовнѣ, привыкшей къ домашней свободной независимости, пансіонская жизнь не нравилась; здѣсь она чуть было не произвела цѣлой революціи въ изумленію и ужасу пастора. Конради написалъ письмо къ ея отцу и матери, чтобы О. С. взяли отъ него, при чемъ, невольно высказалъ въ письмѣ много такого, что бросало тѣнь на самый пансіонъ.

Сократъ Евгеньевичъ взялъ ее, а вмѣстѣ съ нею взяты были и другія дѣти.

Ольга Сократовна повела дома веселую и беззаботную жизнь. Окруженная постоянно мальчиками, товарищами ея младшихъ братьевъ, она держала себя мальчикомъ: бѣгала съ товарищами своихъ братьевъ, лазила по деревьямъ, по крышамъ, перелѣзала черезъ заборы; жмурки, кувырканье, бѣготня, смѣнялись поочередно. Однимъ словомъ, ее прельщали игры мальчиковъ, а не дѣвочекъ. Мальчики хорошо понимали Ольгу Сократовну. Хотя въ своихъ выраженіяхъ они и не стѣснялись при ней, но вели себя вполнѣ прилично. Точно также и она не стѣснялась мальчиковъ: бойкая и развязная, она брала перевѣсъ надъ ними и своей удалью, и своей находчивостью, а главное—своимъ бойкимъ языкомъ. За цвѣтъ лица и ухарство ее прозвали цыганенкомъ. Впрочемъ, она не оставалась въ долгу передъ товарищами и платила имъ такими же прозвищами. Привыкнувъ еще въ дѣтствѣ быть въ обществѣ мальчиковъ, О. С., и выросши и ставши невѣстой, постоянно находилась въ мужскомъ обществѣ; нисколько не стѣснялась она мужчинами, не оставляя и своихъ прежнихъ привычекъ. Такъ держала себя она и всегда. „Я была бѣдовая дѣвочка“, говорила она потомъ. Дѣйствительно, она была необыкновенно мила, кокетлива, игрива, забавна, весела, жива и бойка, за что нѣкоторые прозвали ее гусаромъ въ юбкѣ, кошечкой.

Этими качествами она затмевала другихъ тогдашнихъ саратовскихъ красавицъ: Е. Р. Терменъ, К. М. Патрикѣеву; Ольга Сократовна привлекала къ себѣ массу поклонниковъ и вздыхателей, которые постоянно сопровождали ее и соперничали другъ передъ другомъ. Въ обращеніи съ ними она не стѣснялась тѣми свѣтскими приличіями, которыя господствовали тогда въ обществѣ. Въ то время, когда считалось неприличнымъ для барышни выходить изъ дома одной, безъ сопровожденія старшихъ, Ольга Сократовна то и дѣло нарушала эти приличія: она ходила по городу въ сопровожденіи молодежи не только днемъ, но даже и по вечерамъ. Это большое число поклонниковъ и возбуждало недовольство тѣхъ маменекъ, дочери которыхъ нуждались въ женихахъ, отсюда масса сплетенъ про О. С. Маменьки всячески ее злословили и находили въ ней одни недостатки.

Наконецъ, Ольга Сократовна была изъ такихъ барышенъ, которыя всѣмъ говорили въ глаза правду, иногда даже нелестную и колющую; нѣкоторые говорили про нее: „Она и безъ бритвы голову обрѣтъ“.

Шалости ея выходили изъ ряду обыкновенныхъ. Разъ пришелъ

къ Васильевымъ Д. А. Калмыковъ (впослѣдствіи—сенаторъ), большой любитель музыки,—послушать игру ихъ дѣтей, а Ольга Сократовна въ это время пошла въ его квартиру, сдѣлала изъ подушки куклу и накрыла ее одѣяломъ.

Когда Сократу Евгеньевичу говорили о проказахъ его дѣтей,—онъ замѣчалъ: „я самъ такой былъ въ дѣтствѣ“.

Тетка водила О. С. въ церковь.

---

2. Знакомство.

Николаю Гавриловичу было 24 года [1]). Бывая у своихъ родственниковъ, Чесноковыхъ и Акимовыхъ, а также и на гуляньяхъ, онъ часто встрѣчалъ *смуглянку*, какъ многіе называли Ольгу Сократовну, но не обращалъ на нее никакого вниманія: Н. Г. вообще не считалъ нужнымъ говорить съ дѣвицами, какъ пустыми и неумѣющими говорить о чемъ-либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ и т. п. Поэтому, чуждаясь женщинъ, онъ и не зналъ ихъ.

Однажды, совершенно случайно, на гуляньи, Н. Г. услышалъ разговоръ О. С. съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и самъ заговорилъ съ нею. Оказалось, что говорить она можетъ о многихъ предметахъ, не относящихся ни къ баламъ, ни къ танцамъ. Скоро случай свелъ ихъ для болѣе продолжительнаго разговора. Далекій родственникъ Чернышевскихъ, брандмейстеръ Акимовъ, выдавалъ свою дочь замужъ и пригласилъ Чернышевскихъ на свадьбу. Занятый постоянно дѣлами, Гаврiилъ Ивановичъ и болѣзненная Евгенія Егоровна не хотѣли принимать участія въ свадебномъ пиру, но Н. Г. никакъ не могъ отговориться.

Встрѣчаясь тамъ много разъ съ О. С., познакомившись и поговоривъ съ нею, онъ увидѣлъ, что Васильева—барышня очень дѣльная: ее и сравнить нельзя съ другими барышнями. Такъ Ольга Сократовна завладѣла сердцемъ Н. Г. Онъ составилъ о ней представленіе, какъ о дѣвушкѣ, выходящей изъ ряда другихъ и своимъ умомъ, и отступленіями отъ многихъ стѣснительныхъ, но общепринятыхъ обычаевъ. Любовь, говорятъ, слѣпа, и Н. Г. не замѣчалъ никакихъ недостатковъ О. С. Стали замѣчать, что Чернышевскій началъ часто говорить о необходимости любви для человѣка.

„Человѣкъ, не облагороженный любовью“, говорилъ онъ, „хуже всякой скотины. Онъ только прозябаетъ, онъ не живетъ полною жизнію, и чувства у него загрубѣли“.

---

[1]) У Духовникова—ошибочно указано: 25 лѣтъ. См. метрику.

Стихотворенія, которыя онъ любилъ всегда читать вполголоса, теперь выбирались для чтенія главнымъ образомъ изъ Кольцова. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ посѣщать домъ Васильевыхъ, гдѣ было постоянное веселье.

Въ то время, когда молодежь веселилась до упаду, танцуя, или играя въ жмурки, фанты, веревочку и т. п., Николай Гавриловичъ сидѣлъ одинъ въ сторонѣ и молча, за что кавалеры его не долюбливали. Иногда Ольга Сократовна подойдетъ къ нему, и скажетъ: „Что, курынъ, носъ повѣсилъ?“ А то во время игры въ жмурки влѣзетъ съ завязанными глазами на колѣни къ нему и сидитъ.

Романъ Н. Г. развивался все болѣе и болѣе. Дѣло шло къ рѣшительному концу. Надъ этимъ концомъ, видимое дѣло, Николай Гавриловичъ долго думалъ. Въ моемъ распоряженіи есть свѣдѣнія, сохраненныя однимъ изъ пріятелей Чернышевскаго и подробно говорящія о женитьбѣ Николая Гавриловича.

„Приходитъ разъ ко мнѣ Н. Г.“, говоритъ этотъ пріятель, „сѣлъ и молчитъ. Закурилъ папироску—потомъ—другую, третью, и все молчитъ.

Я спрашиваю, что съ нимъ?—Не отвѣчаетъ и только все куритъ. Видно, его что-то сильно безпокоитъ. Я говорю съ нимъ, но отвѣта по-прежнему нѣтъ.

— „Одѣвайся“, наконецъ, говоритъ онъ мнѣ, „пойдемъ ко мнѣ“. Приходимъ къ нему въ мезонинъ; опять Н. Г. молча выкуриваетъ одну за другой нѣсколько папиросъ. Наконецъ, проговорилъ, что хочетъ жениться на Ольгѣ Сократовнѣ и желаетъ слышать мое мнѣніе объ этомъ. Я чистосердечно высказалъ ему, что хотя у О. С. и много поклонниковъ,—въ томъ числѣ и я,—жениться на ней ни въ какомъ случаѣ я бы не сталъ, при чемъ указалъ ему много причинъ и замѣтилъ о различіи ихъ характеровъ.

— „Противоположности лучше сходятся“, проговорилъ онъ мнѣ на это. „Я ѣду теперь въ С.-Петербургъ: мнѣ нужна жена, чтобы останавливала меня, а то я увлекаюсь разными теоріями. Съ ней же, какъ женщиной умной, могу посовѣтоваться, и она можетъ настоять, чтобы я не увлекался... Только одну умную дѣвушку я и встрѣтилъ. Такая жена, какъ Ольга Сократовна, спасетъ меня отъ многихъ бѣдъ и остановитъ отъ увлеченій“.

О своемъ намѣреніи жениться Н. Г. передалъ своимъ родителямъ. Тѣ, оказалось, тоже давно уже рѣшили женить сына и даже намѣтили ему невѣсту.

Въ Саратовѣ въ то время жилъ предсѣдатель гражданской палаты, Кобылинъ, у котораго дочь была невѣста. Кобылины, зная Николая Гавриловича, дававшаго уроки ихъ сыну, же-

лали видѣть Н. Г. своимъ зятемъ и даже заискивали у Чернышевскихъ: мать Кобылиныхъ бывала у Евгеньи Егоровны даже тогда, когда послѣдняя перестала отплачивать ей визиты, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе. Чернышевскіе очень хотѣли женить Н. Г. на дочери Кобылиныхъ, которая, по ихъ мнѣнію, была во всѣхъ отношеніяхъ хорошая невѣста: и скромна, и красива, и съ хорошимъ приданымъ. Но Николаю Гавриловичу не нравилась эта „оранжерейная" барышня,—онъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ не ней.

Сынъ поразилъ родителей своимъ выборомъ. Ольга Сократовна рѣшительно не подходитъ къ сыну, думали родители: она—дочь лекаря, у котораго было много дѣтей и никакого состоянія; къ тому же и въ обществѣ она пользовалась репутаціей, какъ дѣвица бойкая, рѣзкая и отступающая отъ многихъ правилъ и обычаевъ тогдашней общественной жизни.

Между тѣмъ, Николай Гавриловичъ уже вышелъ изъ гимназіи и намѣревался ѣхать въ Петербургъ, для чего нужны были средства, а ихъ у Чернышевскаго не могло хватить на семейную жизнь, особенно съ такой свѣтской дѣвушкой, какой была Ольга Сократовна. Отецъ же Н. Г., жившій исключительно на небольшіе церковные доходы, не могъ содержать его въ Петербургѣ.

— „Я не запрещаю тебѣ жениться", говорилъ сыну Гавріилъ Ивановичъ, „но нужно обдумать, чѣмъ жить, нужно содержать жену, а потомъ пойдутъ дѣти".

Но всѣ доводы, которые приводили родители Н. Г., чтобы отклонить его отъ женитьбы на О. С., не привели ни къ чему. Н. Г. просилъ отца дать денегъ только на дорогу, а въ Петербургѣ онъ заработаетъ; относительно же Ольги Сократовны онъ рѣшительно сказалъ, что если онъ не женится на ней, то уже и никогда не женится. Тогда родители, противъ своего желанія, дали согласіе на женитьбу сына.

Объясненіе Н. Г—ча съ О. С. было очень просто. Сдѣлавъ предложеніе (1853), онъ безапелляціонно проговорилъ: „Мнѣ нужна такая жена, какъ вы, а вамъ нуженъ такой мужъ, какъ я". Ольга Сократовна ничего не могла возразить на это и согласилась на предложеніе, при чемъ взяла съ Н. Г. слово, что онъ выучится танцамъ. Николай Гавриловичъ свое слово исполнилъ. Какъ извѣстно, онъ выдѣлялся изъ среды молодежи тѣмъ, что не умѣлъ танцовать; впослѣдствіи ему пришлось изучить эту премудрость. Вотъ разсказъ на эту тему одной изъ знакомыхъ Чернышевскихъ.

Въ 1852 г. у меня умеръ сынъ Никаноръ. Его товарищи-гимназисты часто меня посѣщали и утѣшали, при чемъ высказывали со-

жалѣніе, что, со смертію Никанора, у насъ прекратились танцовальные вечера, и потому имъ не у кого учиться танцовать (въ Саратовѣ тогда не было ни одного учителя танцевъ). Слушала я постоянно эти жалобы, и мнѣ стало ихъ жаль: вижу, гимназистамъ очень хочется выучиться танцамъ. „Хорошо“, говорю, „я выучу васъ танцовать“. Не вѣрятъ: „Какъ же такъ? Вѣдь, вы постоянно въ слезахъ по сынѣ“! Отвѣчаю имъ: „Я сказала, и сдѣлаю; вѣдь, я буду учить, а не веселиться. Вы—друзья моего милаго Никанора; на васъ я буду смотрѣть и учить васъ все равно, что Никанора“. Начались уроки. Услыхали и другіе объ этомъ, — стала я и ихъ учить, приходилъ и Николай Гавриловичъ. Я слышала, что Ольга Сократовна только въ томъ случаѣ выйдетъ за него замужъ, если онъ выучится танцовать. Хотя и неохотно, Н. Г. выучился танцовать всѣ танцы.

Я не брала никакой платы со своихъ учениковъ, но они дарили мнѣ что-нибудь на именины. Разъ вечеромъ, въ концѣ именинъ, пріѣхала Евгенія Егоровна поздравить меня со днемъ ангела. Свое позднее появленіе она объясняла тѣмъ, что ей обременительно быть при гостяхъ. Послѣ ея ухода, въ комнатѣ, подъ стуломъ, на которомъ сидѣла она, увидѣли кусокъ глясе. Вечеромъ же былъ и Н. Г., подарившій серебряную табакерку подъ чернью, съ надписью, изъ которой видно, что подарокъ—отъ него самого. Впослѣдствіи, когда онъ уѣзжалъ изъ Саратова, то подарилъ мнѣ цѣлый сундукъ книгъ, такъ какъ книги были мнѣ не нужны, то я и подарила ихъ въ Саратовскую семинарію; однѣ изъ нихъ были (бо́льшая часть) изданіями классиковъ, другія духовнаго содержанія, многія—на латинскомъ языкѣ. Отъ архіерея была мнѣ благодарность за пожертвованіе“.

Мать невѣсты, Анна Кирилловна, потребовала отъ жениха, чтобы тотъ написалъ ей, какъ онъ будетъ обращаться съ женой и какъ поведетъ семейную жизнь. Только тогда лишь, когда Николай Гавриловичъ письменно изложилъ свои взгляды на семейную жизнь, довольная написаннымъ, А. К. согласилась выдать за него свою дочь. Любящей матери, понятное дѣло, хотѣлось узнать, насколько уменъ будущій мужъ ея дочери.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

И. А. Гончаровъ разсказывалъ, что 4 апрѣля 1866 г. вечеромъ онъ пошелъ, по обыкновенію, прогуляться, въ тотъ разъ по Дворцовой набережной; кое-гдѣ дома были иллюминованы, по тогдашнему обычаю, выставкою плошекъ вдоль внѣшней линіи троттуаровъ и свѣчей на окнахъ нѣкоторыхъ квартиръ. На набережной было болѣе обычнаго народа, который иногда принимался кричать „ура“. Все это вызвало въ И. А. мысли о томъ, что очевидно празднуется день тезоименитства или рожденія кого-нибудь изъ Великихъ Князей, и что пора бы прекратить выраженіе по такимъ поводамъ радости разстановкою плошекъ, которыя своимъ чадомъ портятъ воздухъ, а главное подвергаютъ риску платье пѣшеходовъ. Съ такими мыслями И. А. возвратился домой и легъ спать. На слѣдующее утро его лакей—вѣроятно одинъ изъ описанныхъ въ разсказѣ „Наши слуги“,—войдя въ спальню, чтобы взять платье и сапоги для чистки, вмѣсто обычной ходьбы на цыпочкахъ вошелъ нѣсколько шумливою походкою, подвинулъ съ нѣкоторымъ шумомъ стулъ, на которомъ лежало платье. Это было совсѣмъ не обычно, и потому И. А. спросилъ слугу, почему онъ топчется и шумитъ. На это слуга отвѣтилъ вопросомъ: А вы баринъ къ обѣднѣ не пойдете?—Почему ты это спрашиваешь, вѣдь сегодня не воскресенье и не праздникъ. Слуга возразилъ: „потому нынче всѣ господа въ церковь идутъ, вчера въ Государя стрѣляли, но Онъ живъ и здоровъ, вотъ и въ газетахъ прописано“. Съ послѣдними словами слуга подалъ И. А. газеты, въ которыхъ онъ прочелъ извѣстія о происшедшемъ наканунѣ и тогда понялъ, что видѣнная имъ иллюминація и порывы народнаго восторга имѣли особую причину.

Р. Р. Р.

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ Апухтинъ.

(Изъ воспоминаній педагога).

Александръ Львовичъ Апухтинъ назначенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1879 году, послѣ смерти попечителя Витте. Въ годъ назначенія попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтина происходили безпорядки и бунты почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на избраніе кандидата на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, Императоръ Александръ II спросилъ его: „Въ какихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было безпорядковъ?“ Министръ отвѣтилъ: „Въ Московскомъ межевомъ институтѣ“. На вопросъ Государя, кто состоитъ директоромъ Московскаго межевого института, министръ отвѣтилъ: „Апухтинъ, Ваше Императорское Величество“. Государь соизволилъ назначить Апухтина попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Такъ состоялось назначеніе на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александра Львовича Апухтина.

Александръ Львовичъ Апухтинъ въ своей дѣятельсти обнаруживалъ замѣчательный государственный умъ, обширный умственный кругозоръ, твердую непреклонную волю въ осуществленіи предначертаній, связанныхъ съ пользою и нуждами государства, и глубокій русскій патріотизмъ и преданность престолу и отечеству.

Въ своей многоплодной дѣятельности А. Л. Апухтинъ всегда обнаруживалъ драгоцѣнныя качества своей души: на высокомъ ад-

министративномъ посту онъ являлся не только государственнымъ дѣятелемъ, но и гуманнымъ человѣкомъ, ратовавшимъ за благо и славу Россіи, за честь русскаго имени; онъ всегда отзывчиво относился къ интересамъ и нуждамъ русскаго человѣка, особенно къ такимъ, которыя вызывались нравственно-религіозными и національными потребностями русскаго человѣка и былъ чуткъ къ нуждамъ и горю своихъ подчиненныхъ. Гдѣ возникали подобныя потребности, онъ охотно несъ свою помощь, оказывалъ содѣйствіе активно и авторитетомъ своей власти и своего положенія.

Такую помощь оказывалъ онъ Радомскому православному обществу въ самую тяжелую и безвыходную для него пору. Когда въ концѣ 1887 года единственная въ Радомѣ приходская соборная церковь, вслѣдствіе обнаружившихся трещинъ и ветхости, была закрыта, православное общество г. Радома очутилось въ удручающемъ положеніи. Оторванное условіями службы отъ всего, что дорого сердцу русскаго человѣка на родинѣ, оно лишилось единственнаго утѣшенія, когда русскій человѣкъ чувствуетъ себя вполнѣ русскимъ и православнымъ,—утѣшенія молиться въ храмѣ и слушать величественныя пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ. Когда, за отсутствіемъ въ Радомѣ сколько-нибудь подходящаго помѣщенія для устройства временной церкви, назначенная по распоряженію радомскаго губернатора Майлевскаго комиссія, къ которой принадлежалъ и деректоръ гимназіи, остановилась на мысли просить военное вѣдомство уступить часть казармы, находящейся за городомъ, въ мѣстности крайне неудобной, для устройства временной церкви, директоромъ было доложено объ этомъ Апухтину и высказана просьба православнаго русскаго общества ходатайствовать предъ его превосходительствомъ о разрѣшеніи устроить временную церковь въ актовой залѣ Радомской мужской гимназіи. Александръ Львовичъ Апухтинъ съ чувствомъ добраго христіанина, съ отзывчивостію истинно-русскаго человѣка, охотно далъ на это свое согласіе. При этомъ А. Л. Апухтинъ сказалъ директору гимназіи слѣдующія достопамятныя слова: „Временной церкви и не подобаетъ быть въ другомъ мѣстѣ, какъ только у Васъ въ гимназіи, въ нынѣшней актовой залѣ, гдѣ былъ уже христіанскій храмъ. Передайте губернатору и радомскому православному обществу, что я охотно принимаю къ сердцу положеніе православныхъ людей въ Радомѣ и разрѣшаю устроить церковь въ зданіи гимназіи, а Вамъ поручаю принять мѣры къ скорому устройству церкви и безпрепятственному отправленію богослуженія во внѣучебные часы“. Директоръ гимназіи спросилъ, какъ поступить съ помѣщающейся въ актовой залѣ фундаментальною библіотекою, закрыть ли стеклянные

шкафы занавѣсками или перенести библіотеку въ нижній этажъ, при чемъ высказано было мнѣніе о затруднительности перемѣщенія десятиаршинныхъ шкафовъ, которые складывались на мѣстѣ. На эти слова директора гимназіи Александръ Львовичъ энергично отвѣтилъ: „Рубите шкафы, устройте катки для спуска шкафовъ въ нижній этажъ, но въ храмѣ не мѣсто библіотечнымъ шкафамъ. Если нужны будутъ средства для переноса библіотеки и приспособленія актовой залы подъ церковь, войдите съ ходатайствомъ объ ассигнованіи потребной суммы изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи". Временная церковь пробыла въ зданіи гимназіи 13 лѣтъ и, по созданіи новаго собора, была обращена въ гимназическую церковь. Оказанная Радомскому православному обществу Апухтинымъ услуга была весьма велика.

Апухтина многіе называли суровымъ, даже жестокимъ, относившимся къ людямъ безпощадно и приносившимъ часто человѣка въ жертву идеѣ, но это поверхностное мнѣніе ошибочно: подъ суровою наружностію, его нависшими бровями и часто хмурымъ лицомъ таилось гуманное, доброе и отзывчивое сердце. Онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ безъ крайней государственнаго характера необходимости, никого не оставилъ безъ куска хлѣба. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведу примѣръ изъ практики Радомской гимназіи. Былъ въ гимназіи учитель польскаго языка, Л., не соотвѣтствовавшій своему назначенію и даже компрометтировавшій заведеніе. По временамъ онъ выпивалъ. Одно время начали замѣчать, что все то, что дѣлалось и говорилось въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи, на другой день съ мельчайшими подробностями было извѣстно всему городу. Долго недоумѣвали объ освѣдомленности горожанъ въ педагогическихъ дѣлахъ. Наконецъ, обнаружилось, что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта Л. отправлялся въ одинъ изъ ресторановъ и за рюмкою вина передавалъ благопріятелямъ мельчайшія подробности всего, что происходило въ педагогическомъ совѣтѣ. Несмотря на дѣлаемыя директоромъ гимназіи Л. увѣщанія и предостереженія, онъ аккуратно и систематически продолжалъ роль ресторaннаго репортера о дѣлахъ гимназіи, и чѣмъ серьезнѣе были дѣла и касались большаго числа заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ болѣе повѣствованія Л. подслащались венгерскимъ и другими питьями, и выпивки эти настолько бывали чувствительны для Л., что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта онъ почти всегда не приходилъ въ гимназію. Приходилось доложить дѣло о Л. Александру Львовичу Апухтину и просить о переводѣ Л. изъ Радома. Выслушавъ докладъ, попечитель спросилъ директора: „Что онъ семейный человѣкъ и, пожалуй, есть дѣти?"

Когда директоръ доложилъ, что Л. семейный человѣкъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей, Апухтинъ рѣшительно отвѣтилъ: „Я не выброшу на улицу семейнаго человѣка; терпите. Скажите Л., что я даю ему годъ времени на пріисканіе другой службы". Черезъ годъ Л. ушелъ. Доказательствомъ того, что Александръ Львовичъ щадилъ людей, служитъ одиссея нѣкоторыхъ учителей, перебывавшихъ во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ округа, которые, несмотря на такія принудительныя странствованія, были щадимы на службѣ до выслуги пенсіи.

Александръ Львовичъ любилъ дѣтей, участливо относился къ нимъ, понималъ дѣтскую натуру. Въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Радомскую гимназію, какъ-то директоръ сходилъ съ Александромъ Львовичемъ по гимназической лѣстницѣ; въ нижнемъ этажѣ передъ ними пара мальчугановъ рѣзвилась и шалила; увидя попечителя и директора, ученики раскланялись и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свою возню. Нужно замѣтить, что если рѣзвость малолѣтнихъ учениковъ не носила рѣзкаго и небезопаснаго характера, директоръ не противился, если дѣти рѣзвились и въ его присутствіи, но этому-то мальчуганы и въ присутствіи попечителя не измѣнили своей тактики, справедливо разсуждая, что для нихъ ближайшее начальство важнѣе дальнѣйшаго, хотя бы оно было и болѣе высокаго сана. На вопросъ попечителя: „Чьи такія дѣти?", директоръ отвѣтилъ и прибавилъ, что хорошія дѣти, только очень рѣзвыя. На это попечитель директору отвѣтилъ съ чувствомъ: „Велика бѣда, если ребенокъ порѣзвится; когда же и порѣзвиться, если не въ дѣтскомъ возрастѣ: не намъ съ Вами рѣзвиться въ наши годы". Александръ Львовичъ Апухтинъ очень цѣнилъ въ ученикахъ примѣрное поведеніе, особенно при рѣшеніи вопроса о переводахъ и при присужденіи аттестата зрѣлости и не разъ говорилъ директорамъ гимназій: „Если, какъ Вы, государь мой, говорите, ученикъ отличнаго поведенія, почему же не сдѣлать такому ученику снисхожденія; если онъ въ аористѣ и не силенъ, то можетъ пополнить свои познанія впослѣдствіи, а можетъ быть знаніе аориста ему и не пригодится въ жизни; если изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ и полезный гражданинъ, то это важно, и такому ученику всегда можно оказать снисхожденіе, особенно если онъ былъ прилеженъ". Александръ Львовичъ не любилъ, чтобы ученики были обременяемы занятіями чрезмѣрно; онъ требовалъ отъ учащихся труда посильнаго и равномѣрнаго; всегда заботился, чтобы учащіеся во время каникулъ могли надлежащимъ образомъ отдохнуть, а потому неоднократно, особенно если августъ мѣсяцъ былъ жаркій, частнымъ письмомъ директорамъ

гимназій, черезъ посредство правителя канцеляріи округа, сообщалъ о неимѣніи съ его стороны препятствій къ началу уроковъ въ гимназіяхъ около 25 августа, вмѣсто 16 числа.

Попечитель Апухтинъ умѣлъ правильно взглянуть и на проступки учениковъ и на сопровождавшія ихъ обстоятельства. Когда обнаружено было пріобрѣтеніе учениками гимназіи темъ испытаній зрѣлости, то, наложивъ на учащихся, согласно винѣ каждаго, строгое наказаніе, Александръ Львовичъ просилъ, однако, директоровъ гимназій не уменьшать на аттестатѣ зрѣлости ученикамъ отмѣтки по поведенію, потому что, какъ онъ выразился: „очень ужъ былъ силенъ соблазнъ для учениковъ пріобрѣсть темы и трудно было не соблазниться“, и предложилъ директорамъ внушить провинившимся учащимся, чтобы они „во всю свою жизнь жили не ложью, а правдою“.

Но въ вопросахъ принципіальныхъ, общегосударственнаго характера Александръ Львовичъ не допускалъ никакихъ послабленій и компромиссовъ, не дѣлалъ никакихъ уступокъ и былъ непреклоненъ. Имъ руководили въ этихъ дѣлахъ только высшіе принципы права, справедливости и государственныхъ интересовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ стремился непоколебимо къ достиженію намѣченной цѣли, къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, иногда, казалось, непреодолимыхъ. Стремленіе въ такихъ случаяхъ къ достиженію интересовъ государственныхъ, высшая правда въ лицѣ Государя и милость Монарха доставляли ему побѣду. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ его службы въ Привислинскомъ краѣ. Въ журналѣ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, отъ 13 января 1881 года, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада варшавскаго генералъ-губернатора за 1880 годъ, говорится, что генералъ-адъютантъ Альбединскій, останавливая вниманіе, между прочимъ, и на томъ, „что преподаваніе, безъ законодательныхъ постановленій, производится на русскомъ языкѣ, полагаетъ, чтобы предоставить гминнымъ и сельскимъ сходамъ избирать учителей для своихъ училищъ, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ; во-вторыхъ, предоставить священникамъ исключительное право занимать мѣста законоучителей начальныхъ школъ, и, наконецъ, польскій языкъ долженъ быть обязательнымъ предметомъ обученія въ народной школѣ Царства“. Предоставленіе гминнымъ сходамъ права избирать учителей для своихъ школъ вырывало начальную школу изъ рукъ правительства, несмотря ни на какой контроль, Апухтинъ видѣлъ, какая опасность угрожаетъ общественной школѣ Привислинскаго края, и сумѣлъ предовратить эту опасность.

Еще разительнѣе былъ слѣдующій фактъ. Когда между гене-

ралъ-губернаторомъ Гурко и попечителемъ Апухтинымъ возникли служебныя тренія, и Гурко, помимо Апухтина, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о предоставленіи ксендзамъ права быть попечителями мѣстной школы, и таковое Высочайшее повелѣніе было сообщено Апухтину къ исполненію, Александръ Львовичъ своимъ государственнымъ умомъ понялъ, какое направленіе приметъ начальная школа, если въ ней будетъ господствовать ксендзъ, и въ какую жалкую роль будетъ поставленъ назначаемый правительствомъ народный учитель,—безправный и находящійся всецѣло въ рукахъ ксендза. Получивши указъ, Александръ Львовичъ былъ въ великомъ горѣ, но не палъ духомъ: не такой онъ былъ человѣкъ. Предварительно приведенія въ исполненіе Высочайшаго указа, Апухтинъ, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, исходатайствовалъ Высочайшую аудіенцію, отправился въ Петербургъ, представился Государю и доложилъ Его Величеству, какая опасность будетъ грозить начальной школѣ и спокойствію края, если судьба школы и направленіе въ ней педагогической дѣятельности будетъ находиться въ рукахъ ксендза. Чуткій русскою душою къ интересамъ государственнымъ, Императоръ Александръ III понялъ изъ доклада попечителя Апухтина, какая опасность грозила начальной школѣ при отдачѣ ея подъ контроль ксендза, и, чтобы ослабить дѣйствіе обнародованнаго уже указа, былъ изданъ дополнительный законъ, въ силу котораго назначеніе ксендза попечителемъ начальной школы могло послѣдовать не иначе, какъ съ согласія попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Этимъ было ослаблено господство ксендза въ школѣ и въ попечители школы не могли пройти ксендзы, явно враждебные правительству и проникнутые антигосударственными и сепаративными тенденціями.

Апухтинъ не стѣснялся говорить правду и самому Государю. Когда въ одну изъ аудіенцій, Государь, видимо, недовольный и разстроенный волненіями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратился къ Апухтину со словами: „у васъ и въ Ново-Александріи бунтуютъ“, вмѣсто прямого отвѣта Апухтинъ началъ докладъ Государю слѣдующими словами: „Ваше Величество! Первый бунтъ былъ такого-то числа въ такомъ-то учебномъ заведеніи; такого-то числа тамъ-то, при чемъ Апухтинъ перечислилъ послѣдовательно всѣ учебныя заведенія и время происходившихъ въ нихъ бунтовъ и затѣмъ доложилъ, что бунтъ въ Варшавскомъ университетѣ произошелъ послѣ того, когда произошли бунты во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и когда пріѣхали въ Варшаву изъ Имперіи агенты, а бунтъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ произошелъ уже послѣ бунта въ Варшавскомъ университетѣ, послѣднимъ, при

этомъ относительно Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Апухтинъ доложилъ, что тамъ студенты бунтуютъ прямо отъ нечего дѣлать, такъ какъ, вслѣдствіе отказа министра народнаго просвѣщенія въ средствахъ, институтъ не имѣетъ надлежаще оборудованныхъ кабинетовъ и лабораторій, и студенты, помимо лекцій, остаются совершенно безъ занятій. Государь милостиво согласился съ доводомъ Апухтина и повелѣлъ ассигновать необходимыя средства на оборудованіе Ново-Александрійскаго института учебными пособіями.

Вообще Императоръ Александръ III цѣнилъ дѣятельность Апухтина. Вотъ дословная копія изъ письма, въ которомъ Александръ Львовичъ описываетъ женѣ свою аудіенцію у Государя въ январѣ 1890 года: „у Государя я пробылъ около 15 минутъ. Его Величество изволилъ меня разспрашивать про университетъ, гимназію, про техническое образованіе, про недавно Имъ утвержденные планы французскаго и нѣмецкаго языковъ при первой женской гимназіи, и когда я доложилъ Ему, что графъ Иванъ Давыдовичъ приказалъ ихъ устроить по образцу класса учительницъ при Николаевскомъ институтѣ, Государь, сказалъ: „Это очень хорошо“. Затѣмъ Государь улыбнулся и сказалъ: „Вы хотите перейти въ Человѣколюбивое общество?“ Я отвѣтилъ, что уже отказался отъ новаго мѣста и остаюсь на своемъ прежнемъ. На это Государь изволилъ мнѣ сказать: „Я очень радъ, что вы остаетесь. На ваше мѣсто очень трудно найти человѣка, а если бы и найти, то во всякомъ случаѣ новый человѣкъ будетъ нѣчто въ родѣ лотереи; Богъ его знаетъ, каковъ бы онъ былъ, васъ Я знаю. Кромѣ того, новому человѣку въ Варшавѣ все будетъ ново, а вамъ, Я думаю, извѣстенъ въ округѣ всякій уголокъ“. За тѣмъ Его Величество отпустилъ меня и, удостоивши меня крѣпкаго рукопожатія, изволилъ сказать еще разъ: „Очень радъ, что вы остаетесь“. Когда я разсказалъ, прибавляетъ въ письмѣ Александръ Львовичъ, графу Ивану Давыдовичу мое представленіе Государю слово въ слово, то онъ выразился такъ: „Прекрасно, Александръ Львовичъ! Эти слова Государя выше всякой награды; это своего рода Андрей Первозванный“.

Главная заслуга Александра Львовича Апухтина, какъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, та, что онъ съ неутомимою энергіею и непреклонною желѣзною волею стремился поставить и поставилъ русскій языкъ въ школѣ, какъ языкъ государственный, и русскій языкъ сталъ языкомъ государственнымъ не по буквѣ только закона, но чрезъ надлежаще организованную школу проведенъ и въ самую жизнь. Эта заслуга Александра Львовича отмѣ-

чена и въ Высочайшемъ рескриптѣ, при увольненіи его въ отставку, съ назначеніемъ сенаторомъ, данномъ на его имя Государемъ Императоромъ Николаемъ II. „Я почитаю, говорится въ рескриптѣ, отнестись съ полною признательностію къ достойному, свыше полувѣковому, служенію Вашему на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и особенно къ семнадцатилѣтней дѣятельности Вашей на трудномъ и отвѣтственномъ посту въ Варшавѣ, куда, по волѣ дѣда моего Императора Александра II, Вы были призваны для высшаго руководства воспитаніемъ юношества въ Царствѣ Польскомъ.

„Ревностнымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ упроченію знанія русскаго языка въ многочисленныхъ школахъ края и всегдашнимъ стараніемъ поддержать единеніе его съ Имперіей Вы снискали себѣ довѣріе въ Бозѣ почившаго родителя Моего, Который, несмотря на Вашу просьбу о перемѣнѣ дѣятельности, призналъ необходимымъ продолженіе вашего служенія въ Варшавскомъ округѣ. Желаю, чтобы и преемники Ваши по должности твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены Вами въ основу воспитанія польскаго юношества“.

Служба при Апухтинѣ была не легка, но за то пріятна и плодотворна. Каждый бодро шелъ своею дорогою и дѣлалъ свое дѣло, ибо зналъ, въ чемъ оно состояло, и что отъ его дѣятельности требовалось; не было шатаній и компромиссовъ, было впереди только одно ясно опредѣленное дѣло. Это придавало каждому служащему бодрость въ дѣятельности и увѣренность, что въ лицѣ попечителя каждый найдетъ надлежащую оцѣнку своей дѣятельности и твердую защиту, поэтому учебныя заведенія въ лицѣ своихъ начальниковъ и русскаго персонала, а иногда и польскаго, умѣли цѣнить своего попечителя и выражали ему чувства своего расположенія и уваженія. Многія учебныя заведенія, въ свою очередь, пользовались такимъ же вниманіемъ и покровительствомъ Апухтина. Радомская гимназія, въ которой авторъ настоящихъ воспоминаній объ А. Л. Апухтинѣ состоялъ продолжительное время на службѣ, принадлежала къ числу учебныхъ заведеній, которыя умѣли цѣнить высокія заслуги своего попечителя и пользовались его покровительствомъ и расположеніемъ.

При попечителѣ Апухтинѣ въ Радомской мужской гимназіи устроенъ великолѣпный актовый и гимнастическій залъ, устроена въ старой актовой залѣ временная соборная Свято-Николаевская церковь, обращенная, съ возведеніемъ новаго собора, въ гимназическую церковь; устроенъ обширный, помѣщавшійся въ 46 комнатахъ, прекрасно обставленный, съ электрическимъ освѣщеніемъ, отдѣльными зданіями для больницъ, фруктовымъ садомъ, площад-

ками для игръ и проч. интернатъ для учащихся на 120 душъ; за наемъ одного помѣщенія подъ интернатъ гимназія платила въ годъ, изъ суммъ пансіона, 4.500 рублей; помѣщенія гимназіи отремонтированы и расширены посредствомъ перестроекъ въ старыхъ флигеляхъ; устроено во всемъ зданіи электрическое освѣщеніе, а въ классахъ и залахъ электрическая вентиляція; устроена чайная для учащихся и столовая для завтраковъ учениковъ общежитія въ гимназіи; при гимназіи устроена метеорологическая станція, причисленная Главною физическою обсерваторіей въ С.-Петербургѣ къ станціямъ третьяго разряда; бюллетени метеорологическихъ наблюденій печатались при „Отчетахъ“ гимназіи и сообщались Главной обсерваторіи; открыта также Ссудо-сберегательная касса для служащихъ въ Радомской мужской гимназіи. Все сдѣлано при участливомъ отношеніи и покровительствѣ попечителя округа Апухтина, и гимназія, какъ упомянуто выше, умѣла цѣнить своего попечителя.

Въ день празднованія Александромъ Львовичемъ Апухтинымъ 50-лѣтія его государственной дѣятельности, ему отъ гимназіи былъ поднесенъ, въ великолѣпной папкѣ, адресъ слѣдующаго содержанія: „Педагогическій Совѣтъ Радомской мужской гимназіи почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Превосходительство, своего досточтимаго начальника, твердаго и многоопытнаго руководителя въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества въ духѣ вѣрноподданнѣйшей преданности Царю и Россіи, съ полувѣковымъ юбилеемъ неутомимыхъ самоотверженныхъ трудовъ достославнаго служенія Вашего Престолу и Отечеству и въ этотъ знаменательный въ Вашей жизни день, отъ полноты признательныхъ сердецъ, выражаетъ самое искреннее и глубокозадушевное желаніе Вамъ долгой и счастливой жизни и дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія и для блага Россіи, которой дорога жизнь того, кому Державная воля ввѣрила на многотрудномъ посту попечителя Варшавскаго учебнаго округа осуществленіе своихъ мудрыхъ и благодѣтельныхъ предначертаній. Да хранитъ Васъ Богъ на многія лѣта“. Согласно опредѣленію Педагогическаго Совѣта на средства служащихъ Радомской мужской гимназіи сооруженъ для актовой залы гимназіи поясной портретъ А. Л. Апухтина въ богатой рамѣ, исполненный учителемъ рисованія И. А. Пинко. При выходѣ Александра Львовича Апухтина въ отставку ему отъ Радомской гимназіи были поднесены: адресъ, альбомъ видовъ Радомской гимназіи, а также „Отчеты“ и другія печатныя изданія гимназіи.

Вышедши въ отставку, Александръ Львовичъ Апухтинъ не переставалъ интересоваться дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ, поддержи-

валъ доброжелательныя отношенія со многими изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ и весьма дорожилъ оказываемымъ ему вниманіемъ и памятью о прежней совмѣстной службѣ съ нимъ.

Вотъ какимъ задушевнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ директору Радомской гимназіи, отъ 29 ноября 1898 года на посланную имъ Александру Львовичу телеграмму въ день его ангела. „Вы не повѣрите, какъ мнѣ было пріятно получить Вашу телеграмму и, слѣдовательно, знать, что съ перерывомъ служебныхъ отношеній не порвалась у меня связь съ дорогими моими прежними сослуживцами. Благодарю за это Бога. Значитъ, кромѣ службы, было у насъ съ Вами нѣчто человѣческое. Значитъ, что и служба наша совмѣстная была Вамъ по душѣ, мы съ Вами были одного направленія. Молю Бога, чтобы это направленіе, несмотря ни на что, удержалось бы".

Всякій успѣхъ учебнаго дѣла въ Варшавскомъ округѣ сердечно радовалъ Александра Львовича, ибо служилъ доказательствомъ того, что округъ оставленъ имъ не въ расшатанномъ состояніи. Вотъ какимъ доброжелательнымъ письмомъ, отъ 17 іюня 1897 года, отвѣтилъ директору Радомской гимназіи Александръ Львовичъ на письмо послѣдняго къ нему, въ которомъ онъ описывалъ Апухтину посѣщеніе Радомской гимназіи его преемникомъ попечителемъ В. Н. Лигинымъ и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Имеретинскимъ и извѣщалъ его о высказанномъ княземъ удовольствіи по поводу состоянія гимназіи. „Не знаю, какъ и благодарить Васъ, писалъ Александръ Львовичъ директору, за Ваше обстоятельное письмо отъ 11 іюня с. г. о посѣщеніи Вашей гимназіи генералъ-губернаторомъ и попечителемъ. Вездѣ, гдѣ они были, все найдено хорошо, а въ Вашей гимназіи, какъ видно, все найдено и прекраснымъ. За Васъ я этому радуюсь и особенно доволенъ тѣмъ, что Валеріанъ Николаевичъ, въ бытность мою на Троицу въ Варшавѣ, при свиданіи со мною, очень мнѣ Васъ хвалилъ, подтвердивъ тѣмъ мой отзывъ о Васъ. Для себя въ такомъ мнѣніи о Васъ и о Вашей гимназіи, какъ попечителя, такъ и князя, я нахожу то нравственное удовлетвореніе, что округъ далеко не таковъ, какимъ оклеветали его предъ княземъ, и директоры въ немъ не взяточники и не притѣснители дѣтей польскаго происхожденія, а почтенные и честные люди, умѣющіе воспитывать этихъ дѣтей въ преданности русскому Государю, и не ихъ вина, если университетъ и Варшава изъ гимназистовъ дѣлаютъ студентовъ повстанцевъ. Думаю, что, если князь честный человѣкъ, то о томъ, какъ онъ находитъ учебныя заведенія Варшавскаго округа, онъ засвидѣтельствуетъ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія".

Александръ Львовичъ очень скорбѣлъ, что, съ уходомъ его, все, что сдѣлано было въ Царствѣ Польскомъ съ такимъ трудомъ въ дѣлѣ присвоенія русскому языку значенія языка государственнаго, при новыхъ вѣяніяхъ будетъ разрушено. Эту мысль онъ высказалъ Государю Императору во время прощальной аудіенціи. Его Величество ободрилъ Апухтина, что „все, сдѣланное имъ, останется попрежнему“. На это Апухтинъ сказалъ: „Если, Ваше Императорское Величество, изъ зданія вынимать по бревну, то самое крѣпкое зданіе наконецъ рухнетъ“. Предчувствіе Александра Львовича оправдалось еще до начала революціи, когда только праздновали наступленіе „весны“.

Но заслуги Александра Львовича Апухтина останутся для Россіи незабвенны навсегда. Дѣятельность его для Россіи имѣетъ историческое значеніе, а по своему твердому характеру, непреклонной волѣ и непоколебимой настойчивости въ стремленіяхъ къ осуществленію общегосударственныхъ принциповъ, по преданности Престолу и Отечеству Александръ Львовичъ Апухтинъ достоинъ занять мѣсто на-ряду съ выдающимися государственными мужами и дѣятелями земли русской.

В. Смородиновъ.

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

По полученіи въ Государственномъ Совѣтѣ [1]) извѣстія о счастливомъ мимованіи опасности для Государя и Россіи, находившіеся на лицо члены Государственнаго Совѣта, а также служащіе въ Государственной Канцеляріи, чуть ли даже не курьеры и сторожа, отправились въ Дворцовую церковь, пославъ предварительно за дежурнымъ священникомъ, котораго просили отслужить благодарственный молебенъ. Черезъ залы дворца прошла довольно многочисленная группа лицъ, кто въ мундирахъ, кто въ вицъ-мундирахъ, а кое-кто и въ неформенномъ платьѣ. Когда эта разношерстная группа проходила мимо внутренняго караула, онъ отдавалъ честь Андреевскимъ кавалерамъ гр. В. Н. Панину и князю П. П. Гагарину. По выходѣ изъ церкви члены Государственнаго Совѣта хотѣли принести поздравленіе Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, но оказалось, что она въ то время почивала. Возвратившись въ свое помѣщеніе, члены Государственнаго Совѣта составили постановленіе о своихъ чувствахъ вѣрноподданнической радости. Въ слѣдующій понедѣльникъ, день общаго собранія Государственнаго Совѣта, былъ очень многолюденъ; разговоры, понятно, шли о только что пережитыхъ тревогѣ и радости; подписывалось участвовавшими въ постановленіи 4 апрѣля заготовленное бѣловое его воспроизведеніе. При этомъ произошло небольшое недоразумѣніе: генералъ-адъютантъ Веригинъ, не бывшій 4 апрѣля на молебствіи и не участвовавшій въ состоявшемся послѣ того постановленіи, пожелалъ, какъ и другіе члены Государственнаго Совѣта, прочесть означенное постановленіе и когда его прочелъ, высказалъ, что оно очень хорошо и хотѣлъ его подписать. На замѣчаніе кого-то изъ старшихъ чиновъ канцеляріи, что подписываютъ, по общему правилу, только лица, участвовавшія въ данномъ постановленіи, Веригинъ возразилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ постановленію и какъ членъ Государственнаго Совѣта въ правѣ его подписать. Съ трудомъ убѣдили почтеннаго генерала, что въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ никто не сомнѣвается, но что подписывать постановленіе, въ которомъ онъ не участвовалъ, ему не слѣдуетъ.

Р. Р. Р.

[1]) Помѣщавшемся тогда въ Зимнемъ Дворцѣ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XX.

Самосская Кліо вѣроятно обладала чудеснымъ свойствомъ удалять отъ себя политику на весьма приличное разстояніе, такъ какъ вокругъ ея миніатюрной фигурки немедленно создалась другая атмосфера, ничего общаго не имѣвшая съ проектами раздѣла турецкаго имущества.

Но чтобы сценка, которая сейчасъ будетъ иллюстрирована, не вызвала сомнѣнія у читателя, я добавляю сюда для характеристики эллинской женщины еще нѣсколько словъ, отвѣчающихъ правдѣ и дѣйствительности. По уровню умственнаго развитія, міровоззрѣніямъ и привычкамъ жизни она ушла совсѣмъ не далеко отъ мусульманки. Разница между ними лишь та, что гречанка ходитъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ, не кутается въ безобразное фередже, имѣетъ право разговаривать съ мужчиной у себя въ домѣ или у знакомыхъ; но внѣ стѣнъ жилища свобода ея также ограничена нравами Востока. За исключеніемъ пріѣзжихъ иностранцевъ даже европейцы соблюдаютъ обычай, требующій раздѣленія половъ на улицахъ и вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ, благодаря чему влюбленныя парочки лишаются такимъ образомъ удовольствія „нечаянныхъ“ встрѣчъ и прогулокъ вдвоемъ.

Таковы условія быта въ жизни гречанки. Что же касается ея образовательнаго ценза въ общемъ значеніи этого понятія, то здѣсь

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

она еще ближе къ своей турецкой сестрѣ, а потому неудивительно, что хіосскія островитянки не имѣли никакого представленія объ историческомъ эпизодѣ съ Поликратомъ Самосскимъ.

Итакъ, я возвращаюсь опять къ разсказу.

— Ахъ, какой интересный и необычайный случай!—задыхаясь отъ волненія, говорили дамы, окружавшія княгиню:—а что, если бы выписать изъ Марселя хорошаго водолаза и поручить ему обшарить берега Самоса?...

Но свѣтлѣйшая клялась, что Поликратъ всего только одинъ разъ бросилъ кольцо въ море, да и то получилъ его обратно.

— Нѣтъ! нѣтъ, кирія Кліо, фактъ этотъ едва-ли доказанъ, и по всѣмъ даннымъ вы ошибаетесь,—убѣжденно возражали ей, уже не стѣсняясь границами фантазіи:—кто съ достовѣрностью скажетъ намъ, что онъ не набросалъ туда много и другихъ вещей?..

— Вѣроятно господинъ Поликратъ очень любилъ рыбъ и потому кормилъ ихъ брильянтами — счастливыя!.. прибавила хорошенькая Катина Ралли съ личикомъ куклы, по выраженію котораго легко было опредѣлить степень ея ума.

— Ну, конечно,—подхватили остальныя:—отъ сумасброда и не то станется! Однако, не всѣ же рыбы глотали кольца и попадали на обѣдъ: что-нибудь да осталось на днѣ? Непремѣнно и прежде всего надо пригласить водолаза...

— Tiens! mesdames, въ чемъ дѣло? водолазъ! sapristi, обойдемся безъ него—для васъ въ огонь и воду; бѣгу, ныряю, наполняю карманы драгоцѣнностями и украшаю ими ваши нѣжные, сладкіе какъ рахатъ-лукумъ пальчики, vingt dieux!

Залпъ хохота былъ отвѣтомъ всегда неистощимому въ остротахъ Хіосскому Донъ-Жуану.

— Ай, какая хитрая штучка эта Кліо!—шептались за ея спиной:—откуда ей извѣстно, что Поликратъ не каждый день забавлялся такимъ образомъ, просто боится, чтобы намъ не достались его сокровища!

Катина права: вѣроятно онъ, дѣйствительно, кормилъ своихъ рыбъ драгоцѣнными камнями, а иначе зачѣмъ писали бы о томъ въ книгахъ—она же сама увѣряетъ, что читала...

Насталъ конецъ банкету. Самосскіе повелители собрались въ путь, и отдано было распоряженіе причалить ближе къ набережной ихъ собственную яхту.

— Душечка!—позвалъ князь супругу:—надѣюсь, ты уже пригласила mademoiselle Eugénie погостить у насъ? Не все же только Хіосу любоваться вами,—дѣлая жестъ въ мою сторону, продолжалъ

онъ:—позвольте также и Самосу хотя взглянуть на прекрасный цвѣтокъ далекаго сѣвера...

— Который, тѣмъ не менѣе, великолѣпно цвѣтетъ и подъ нашимъ горячимъ небомъ!—улыбаясь, перебилъ консулъ.

— Браво! браво! сказано хорошо—одобряю!—похвалилъ Карава, а чувствительная жена Мильтіади прижала меня къ своему сердцу и горестно вздохнула.

— Oh, ma belle russe,—залепетала самосская Кліо:—жду васъ къ себѣ на-дняхъ и пришлю за вами яхту. Вы пріѣдете ко мнѣ въ національномъ костюмѣ—не правда ли? Я сниму съ него фасончикъ и пущу въ моду—это будетъ восхитительно! Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ я прочла недавно преинтересное описаніе Россіи—какіе тамъ страшные медвѣди, а какъ холодно!—поежилась она, точно и въ самомъ дѣлѣ прикоснулась ко льду.

Затѣмъ всѣ стали расходиться по домамъ, а мы съ дядей отправились также съ компаніей, провожавшей княжескую чету до набережной, чтобы оттуда переѣхать въ лодкѣ къ нашему агентству.

Душный, яркій день угасалъ въ розовыхъ лучахъ вечерней зари: огненный шаръ солнца уже погружался за вершины мало азіатскаго кряжа, а у подножія его ложились туманныя вуали.

Шуршали волны, бросаясь на песокъ и оставляя на немъ красивые разноцвѣтные fruti del mare. На всемъ протяженіи береговой полосы еще раздавался шумъ праздника въ честь Мурада V, побѣдившаго „Московскаго орла, залетѣвшаго не въ свои хоромы“ [1])—такъ озаглавлено было самое популярное тогда стихотвореніе на греческомъ языкѣ, и его распѣвали вездѣ на улицахъ.

Отважные, пылкіе сыны Эллады, размахивая флагами въ побѣдоносномъ азартѣ, безпечно, какъ птицы, носились по всему водному пространству между островами и материкомъ въ легкокрылыхъ, парусныхъ шлюпкахъ. Толпа гулявшихъ отвѣчала имъ ружейными залпами, криками vivat, а бродячіе оркестры итальянцевъ играли нѣжныя серенады, лаская воздухъ звуками гитаръ и мандолинъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани у цитадели, качался на якоряхъ довольно мизернаго вида деревянный пароходикъ съ надписью огромными золотыми буквами по кормѣ: „Prince de Samos“.

Это и была княжеская яхта. На сходняхъ трапа, опущеннаго къ водѣ, стояли при полномъ вооруженіи, даже съ примкнутыми штыками къ ружьямъ два тѣлохранителя изъ конвоя его свѣтлости.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „въ чужой конакъ“.

За исключеніемъ красныхъ фесокъ, обмундированіе ихъ ни въ чемъ не соотвѣтствовало общепринятой формѣ для оттоманскихъ солдатъ, напоминая собой что-то опереточное.

— Какіе нелѣпые мундиры на Самосскихъ гвардейцахъ и какъ эти фалдочки, бантики, воротнички не гармонируютъ съ турецкими фесками,—сказала я нашему спутнику, синьору Паскуа.

— Автономія и собственная армія!—разсмѣялся онъ:—тѣмъ болѣе, что по части фасоновъ прекрасная Кліо спеціалистъ!...

— Но, однако, сколько же тамъ войска?—спрашивала я.

— Кажется, 15 или 20 нижнихъ чиновъ, да 3 офицера!—былъ отвѣтъ.

Наконецъ, княжеская чета, окруженная свитой фрейлинъ, переѣхала въ каикѣ на яхту. Въ тотъ же моментъ солнце блеснуло своимъ послѣднимъ лучомъ надъ землей и утонуло за Тавромъ, а южная ночь, не давая сумерекъ, зажгла яркія звѣзды по всему небосклону.

Глава XXI.

Дѣйствительно, надежда моя оправдалась, и я получила письмо, переданное въ гаремъ Кіамиль-паши изъ Чесмы, куда оно попало совершенно случайно караваннымъ путемъ. Но, Боже мой, какимъ невѣроятнымъ хаосомъ чувствъ и мыслей дорогая вѣсточка наполнила меня: прелестный мой другъ, повторяя горячія слова любви увѣдомлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлъ имущества и продажа земли требовали его присутствія въ Чифликѣ еще на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мечта была разрушена, и все опять уходило отъ меня въ потемки.

— Элиме, дорогая Элиме,—припадая къ ней на грудь, шептала я, заливаясь горькими слезами:—вамъ все извѣстно, скажите хоть одно слово утѣшенія: когда онъ пріѣдетъ? Боже Милосердный, сжалься надо мной!...

— А вы какому богу молитесь: нашему Аллаху, который создалъ всѣхъ, или вашему?—спросила она, зѣвая и, кажется, скорѣй можно было расшевелить камень, чѣмъ ее.

— Да, что вы говорите, Элиме!—возразила я съ негодованіемъ:—развѣ мы язычники? у васъ и у насъ Богъ одинъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ,—перебила турчанка, воодушевляясь:—оставьте Аллаха въ покоѣ — вы, франки, всѣ безъ исключенія, такъ ему надоѣли, такъ надоѣли, что онъ даже обѣщалъ погасить солнце надъ вашей землей... А! смѣетесь?— вспыхнула она, за-

мѣтивъ невольную улыбку на моихъ губахъ:—тогда пусть сама ханумъ скажетъ вамъ, что говорилъ святой дервишъ, когда мы ходили къ нему въ текке [1]) за благословеніемъ?! А онъ все знаетъ:—Пророкъ открываетъ ему тайны міра...

Въ комнату, гдѣ мы сидѣли, вошла губернаторша; Базя и Лазя также явились, и мы стали обмѣниваться селямами.

— Въ чемъ дѣло, и почему у франки глаза красные?—сгорая отъ любопытства, разспрашивали онѣ мою собесѣдницу, которая охотно давала имъ за меня реплики, хотя къ тому времени я уже хорошо понимала турецкій языкъ, а потому съ нѣкоторымъ досаднымъ удивленіемъ слушала вольный переводъ своей рѣчи въ редакціонной обработкѣ этой дѣвицы, никогда не знавшей, гдѣ находились границы ея дикой фантазіи.

— Такъ вотъ оно что!—говорили между собой женщины:—значитъ, онъ написалъ ей дерзкое письмо? Ну, конечно, она скоро умретъ—смотрите, смотрите: на лицѣ у нея большая печаль!...

— Ахъ, зачѣмъ умирать!—возразила добродушная Ашима:—мы лучше постараемся въ ея пользу: она будетъ намъ благодарна, а у Тафти денегъ много...

— Развѣ и тебѣ франка обѣщала что-нибудь?—спросила толстая Базя:—ой, какая жадная, а мнѣ ничего!...

Элиме что-то сказала на это по-арабски, и турчанки замѣтно смутились; но я оставалась совершенно безучастна, думая только о томъ, какъ бы уйти поскорѣй изъ гарема, чтобы отправиться въ крѣпость къ Хассанъ-эфенди, вполнѣ увѣренная получить тамъ дѣльный совѣтъ и утѣшеніе.

— Нѣтъ! нѣтъ!—заволновались гостепріимныя хозяйки, когда я хотѣла проститься съ ними:—какъ можно! мы сейчасъ будемъ обѣдать—у насъ сегодня кёбабъ съ изюмомъ и мишвіѐ [2])...

— Сердечно благодарю васъ, но никакъ не могу,—въ рѣшительномъ тонѣ отвѣтила я, надѣвая шляпу:—тѣмъ болѣе, что у меня все равно нѣтъ аппетита, такъ какъ мнѣ очень нездоровится сейчасъ...

— Бѣдная дѣвушка!—прошептала за моей спиной застѣнчивая Лазя:—она, вѣроятно, скоро умретъ: сама же говоритъ, что уже ничего не ѣстъ...

— Ахъ, эти мужчины!... вздохнула Базя.

---

[1]) Монастырь дервишей.

[2]) Любимое арабское блюдо: рубленое мясо, поджаренное вмѣстѣ съ толченымъ пшеномъ.

Наконецъ, послѣ долгой церемоніи прощальныхъ селямовъ меня отпустили, и я сошла внизъ. Тамъ, на площадкѣ у входа въ конакъ встрѣтился мнѣ Ибрагимъ; но другіе солдаты изъ дворцовой стражи тотчасъ же затѣяли съ нимъ ссору, обличая его въ эгоизмѣ, въ жадности и требуя, чтобы онъ уступилъ имъ свою привилегію провожать меня. Но такъ какъ нельзя же было снять весь караулъ и увести за собой, то съ разрѣшенія дежурнаго адъютанта, я раздала нѣсколько серебряныхъ монетъ этимъ несчастнымъ голоднымъ людямъ, не получавшимъ долгими промежутками времени жалованья отъ казны, а затѣмъ ушла съ Ибрагимомъ.

Домикъ, въ которомъ жилъ Хассанъ-эфенди, поражалъ съ перваго взгляда убожествомъ своего вида, напоминая скорѣй простую хижину поселянина, чѣмъ квартиру начальника крѣпостной артиллеріи: плоская крыша, прикрытая дранками, стѣны, обмазанныя глиной, по фасаду два небольшихъ оконца за деревянными рѣшетками и узкое отверстіе для входа съ улицы; но если бы прохожій заглянулъ въ открытыя двери этой мизерной лачуги, то увидѣлъ бы квадратный дворъ, обнесенный каменной оградой, сложенной изъ песчаника, а тамъ въ глубинѣ его подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ еще и другія постройки. Здѣсь надо непремѣнно объяснить читателю, не бывавшему въ мусульманскихъ странахъ, что внѣшняя сторона турецкаго жилища еще не знакомитъ наблюдателя съ внутреннимъ его содержаніемъ и не даетъ опредѣленнаго мнѣнія о богатствѣ или бѣдности хозяина дома. Восточные народы охотно берутъ у Европы комфортъ, обстановку, моды, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ совершенную противоположность нашимъ вкусамъ и привычкамъ жить больше напоказъ, они чрезвычайно ревниво охраняютъ свой домашній очагъ и повседневный бытъ отъ любопытнаго взгляда иностранца.

Хассанъ-эфенди весьма часто нуждался въ кускѣ хлѣба для семьи, и мнѣ же нерѣдко приходилось выручать его изъ бѣды, а тѣмъ не менѣе у него было все, чего требовали обычаи и нравы Ислама: домъ, раздѣленный на двѣ самостоятельныя части—селямликъ и гаремъ; жена, правда, что въ единственномъ числѣ за неимѣніемъ средствъ, но за то еще три наложницы-рабыни и, наконецъ, евнухъ, исполнявшій также обязанности слуги на мужской половинѣ, а затѣмъ многочисленное потомство отъ всѣхъ четырехъ женщинъ.

Бѣдный другъ мой съ отчаянными усиліями бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы прокормить столько ртовъ, но измѣнить хотя что-нибудь въ обиходѣ своей домашней обстановки онъ не могъ, даже не имѣлъ права и вотъ подъ давленіемъ какихъ причинъ.

Прежде всего не надо забывать, что у послѣдователей Ислама совершенно другія формы жизни, чѣмъ у насъ, другіе идеалы, міровоззрѣнія, воспитанные на догматахъ религіи, опредѣляющей все бытіе мусульманина здѣсь и за гробомъ. Коранъ управляетъ также и его семьей, подчиняя весь ея строй цѣлому ряду постановленій и правилъ нерѣдко даже слишкомъ интимнаго характера и удивительной съ нашей точки зрѣнія откровенности. Однако, чего нельзя не отмѣтить для тѣхъ, кто не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія о принципахъ Ислама, такъ это слѣдующее.

Общепринятое сужденіе о томъ, что ученіе Пророка лишаетъ женщину всякихъ человѣческихъ правъ, ошибочно и неосновательно, правда, что по всему Корану тянется красною нитью безусловное презрѣніе къ ней, но въ то же время законодатель обезпечиваетъ за мусульманкой въ домѣ мужа такія привилегіи, какими въ большинствѣ не пользуются европейскія дамы. Хотя бы, напримѣръ, не завидно ли это: Магометъ обязываетъ правовѣрнаго нѣжно и мягко обращаться съ женой, не раздражать ее и заботиться, чтобы она всегда находилась въ пріятномъ расположеніи духа. Затѣмъ, предписываетъ ему къ точному соблюденію не обременять законную супругу мелочами домашняго хозяйства и держать при ея особѣ, а если ихъ нѣсколько, то для каждой въ отдѣльности, по установленному также правилу, извѣстный штатъ служанокъ или рабынь.

Отсюда, пожалуй, и нравоученіе для нашихъ мужей, такъ какъ мнѣ кажется, что они совершенно напрасно питаютъ завистливыя чувства къ своимъ мусульманскимъ „коллегамъ“.

Но не странно ли то, о чемъ я сейчасъ разсказала, и не затемняетъ ли это идею Магомета? Нѣтъ, здѣсь не слѣдуетъ искать противорѣчія, и мысль его вполнѣ ясна: презирая дѣйствительно жену до отрицанія въ ней живой души, онъ только предписываетъ заботиться о ея матеріальномъ благополучіи, о здоровьѣ, чтобы она сохраняла такимъ образомъ свѣжесть и обаяніе красоты въ глазахъ мужа и рекомендуетъ послѣднему беречь ее, какъ временную утѣху въ земной жизни; но онъ не обѣщаетъ ей ничего за гробомъ, называетъ даже нечистой, и не пускаетъ въ свой рай, населенный для вѣчнаго блаженства правовѣрныхъ существами болѣе утонченной организаціи, свѣтлыми гуріями.

Кромѣ всего уже сказаннаго еще и служебное положеніе Хассанъ-эфенди заставляло его жить по опредѣленному масштабу, въ силу котораго вездѣ и въ каждой странѣ начальствующее лицо несетъ тяготу лишнихъ расходовъ. Вотъ почему финансы моего несчастнаго друга были въ такомъ плачевномъ состояніи.

Ибрагимъ постучалъ деревяннымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ одной изъ половинокъ дверей вмѣсто звонка, и тотчасъ же вышелъ ко мнѣ навстрѣчу съ восклицаніями привѣтствій самъ Хассанъ-эфенди:

— Драгоцѣнная жемчужина моей души, благоуханіе райскихъ цвѣтовъ!—говорилъ онъ съ порывомъ искренняго чувства, украшая свою рѣчь по обычаямъ турецкой вѣжливости красивыми оборотами сравненій:—освѣти лучомъ твоего благородства наше бѣдное существованіе, и пусть тѣнь всѣхъ твоихъ великихъ достоинствъ ляжетъ на эти стѣны

— Эфенди, выслушайте меня и помогите добрымъ совѣтомъ!— перебила я, сгорая отъ нетерпѣнія сообщить ему объ инцидентѣ съ Мавробіязи.

— Алмазъ мой прекрасный, сіяющій въ коронѣ утренней зори— вся глубина сердца Хассана у вашихъ ногъ! — воскликнулъ онъ, касаясь моей руки и цѣлуя послѣ того собственную ладонь въ знакъ исключительнаго вниманія ко мнѣ:—тогда пожалуйте въ гаремъ, чтобы обитатели его могли созерцать всѣ добродѣтели, а уши ихъ воспринимать перлы „великой мудрости“.

— О, нѣтъ, эфенди,—возразила я, еле удерживаясь отъ смѣха:— мнѣ бы не хотѣлось этого! Нельзя ли поговорить съ вами очень секретно и непремѣнно здѣсь?

Добрый старикъ растерянно оглянулся какъ бы застигнутый врасплохъ, съ минуту потоптался на мѣстѣ и вдругъ, неизвѣстно для чего, раздвинулъ, а затѣмъ опять сдвинулъ деревянную рѣшетку въ окнѣ.

Комната, гдѣ мы находились, составляла мужскую половину дома: здѣсь хозяинъ спалъ ночью, а днемъ принималъ своихъ гостей. Вся меблировка этого помѣщенія была слишкомъ даже неприхотливаго требованія: два широкихъ, низкихъ дивана безъ ножекъ вдоль стѣнъ, коверъ сомнительнаго достоинства, нѣсколько маленькихъ столиковъ по угламъ и больше ничего.

Впрочемъ слѣдуетъ добавить еще для яснаго изображенія привычекъ Ислама, что упрощенный до минимума стиль обстановки, уже мною описанный выше, господствуетъ только въ селямликахъ у мусульманъ, хотя и съ нѣкоторыми варьянтами въ пользу богатыхъ или бѣдныхъ; но гарему по указаніямъ Шаріата [1]) охотно разрѣшаютъ и роскошь убранства и затѣи европейскаго комфорта. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ характеру націи, въ идеяхъ которой интимная сторона жизни каждаго человѣка должна быть

[1]) Сводъ законовъ духовныхъ и гражданскихъ.

скрыта въ тайникахъ его дома отъ всякихъ наблюденій изъ внѣшняго міра.

— Сюда могутъ зайти мужчины съ улицы, — еле уловимымъ шопотомъ отвѣтилъ, наконецъ, мой амфитріонъ и вдругъ залился горькими слезами.

Тогда я спохватилась и прочла у него на лицѣ всю драму его психологіи, которая въ данномъ случаѣ резюмируется такъ. Гостепріимство, завѣщанное Исламу Магометомъ, составляетъ одну изъ высочайшихъ добродѣтелей въ жизни мусульманъ. Одна изъ заповѣдей Корана гласитъ: „переступившій порогъ твоего жилища несетъ тебѣ даръ небесъ, пусть даже это будетъ врагъ твой“, а потому сказать правовѣрному, что онъ не съ должнымъ благоговѣніемъ принялъ своего гостя, значило бы нанести ему жестокое оскорбленіе.

Хассанъ-эфенди, человѣкъ старыхъ традицій, держался культа древняго обычая съ пламеннымъ фанатизмомъ убѣжденнаго исламита, считая нарушеніе правилъ гостепріимства тяжкимъ преступленіемъ, и вотъ на этой для него священной почвѣ возникъ инцидентъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что строгость турецкихъ нравовъ не допускаетъ присутствія женщины въ селямликѣ, куда я попала только благодаря оплошности Ибрагима, наивно вѣрившаго, что для иностранцевъ законы не пишутся.

Однако, если читатель вспомнитъ, Хассанъ-эфенди, минуя фактъ, даже благословилъ мою тѣнь, якобы отразившуюся на стѣнахъ его комнаты, а затѣмъ уже пригласилъ въ гаремъ. Слѣдовательно, трагизмъ положенія заключался не здѣсь. Но такъ какъ анализъ мудреныхъ изгибовъ человѣческой души не всегда поддается перу автора, въ чемъ откровенно сознаюсь, то пусть лучше самъ герой этой сценки откроетъ намъ источникъ бурнаго смятенія и растерянности, захватившихъ его въ тотъ моментъ, когда я выразила желаніе остаться съ нимъ еще нѣкоторое время наединѣ для интимной бесѣды.

— Аллахъ никогда не проститъ мнѣ ослушанія его святой заповѣди!—горестно восклицалъ мой собесѣдникъ, смахивая рукавомъ потоки слезъ и заикаясь на каждомъ словѣ: — „О, великолѣпный сосудъ, наполненный до верху сладчайшимъ медомъ, золотое дно „учености“ и благородства [1])! Камень грѣха всегда будетъ лежать у меня на сердцѣ за то, что я не подчинилъ себя твоей волѣ,

[1]) Любимые комплименты у турокъ.

твоему распоряженію и оскорбилъ, такимъ образомъ, священный даръ небесъ, переступившій порогъ моего дома!..

Я прямо была ошеломлена такимъ непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла, и возраженія ускользали отъ меня: да могло ли кому прійти на умъ, что принципы гостепріимства требовали непосильныхъ жертвъ, а нарушеніе ихъ вызывало чуть ли не катастрофу?

— У иныхъ людей языкъ длиннѣе, чѣмъ у собаки,—продолжалъ, сокрушаясь, злополучный хозяинъ:—именно такъ, мой серебряный лепестокъ лиліи, занесенный вѣткомъ на грѣшную землю изъ райскихъ садовъ [1])...

Но такъ или иначе, а надо было во что бы то ни стало придумать маневръ, лишь бы овладѣть позиціей, на которой держался фанатикъ идеи, вооруженный аргументами буквы Корана.

— Даже не понимаю, изъ-за чего вы такъ волнуетесь сейчасъ?!—въ дѣланномъ тонѣ крайняго изумленія спрашивала я:—прежде всего каждому хорошо извѣстно, что по законному праву гостепріимства честь и достоинство гостя охраняются хозяиномъ дома, который отвѣчаетъ за все. Я пришла въ комнату мужчины только по недоразумѣнію; но вашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы предупредить всѣми зависящими средствами толки и сплетни въ обществѣ, а иначе скажутъ: вотъ Хассанъ-эфенди нарушилъ завѣтъ пророка...

— Да направитъ Аллахъ путь твоей жизни въ убѣжище радости и свѣта!—перебилъ старикъ, не давая мнѣ говорить дальше, такъ какъ послѣдній доводъ оказался самымъ убѣдительнымъ:—въ этой головкѣ мудрость родилась прежде, чѣмъ выросли на ней волосы! Шейхъ-уль-Исламъ не объяснилъ бы лучше!—разсуждалъ онъ, прикасаясь весьма осторожно рукой къ широкимъ полямъ моей шляпы и съ полнѣйшимъ восхищеніемъ цѣлуя затѣмъ свою же ладонь.

— Эфенди!—напомнила я:—проводите меня къ вашей женѣ...

— Пожалуйте, пожалуйте! —отвѣтилъ Хассанъ, торопливо распахивая секретныя двери къ выходу во дворъ, соединявшей мужскую половину съ женской, и тихо добавилъ:—не омрачайте блеска своего духа, лишнія уши будутъ закрыты, а перлы вашего краснорѣчія и алмазы вашей тайны останутся навсегда въ моемъ сердцѣ.

Глава XXII.

Дворъ, куда мы вошли, представлялъ собою квадратъ, замощенный битымъ кирпичемъ и съ водоемомъ въ центрѣ. Гаремъ, деревянное зданіе въ два этажа, выкрашенное голубой краской, находился

---

[1]) Метафора, очень часто употребляемая въ разговорной рѣчи.

въ сторонѣ отъ домика, гдѣ помѣщался глава семьи; вдоль каменной изгороди, окружавшей усадьбу, лѣпились еще хозяйственныя постройки изъ глины, дощечекъ и дранокъ, вмѣсто крышъ прикрытыя негодными циновками; громадные кактусы и столѣтники бросали тѣнь надъ очагомъ, у котораго обыкновенно стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, а въ жаркіе часы дня отдыхаютъ—вотъ несомнѣнно точная копія жилища турка средняго достатка: у зажиточныхъ людей, конечно, все это лучше и наряднѣе обставлено; но характеръ внутренняго расположенія дома одинъ и тотъ же.

Дѣти съ оглушительнымъ визгомъ кинулись мнѣ навстрѣчу. Ихъ черные, азіатскіе глазки впивались, какъ стрѣлы, въ мои руки—болѣе отважные даже полѣзли ко мнѣ въ карманъ; но когда и тамъ не оказалось соблазнительныхъ пакетиковъ, то разочарованію не было границъ. Одинъ шалунъ въ пылу негодованія крикнулъ по моему адресу: „дели гечи“—дурная овца, и мнѣ же ироніей судьбы пришлось спасать его отъ родительской палки.

Рабыни, молодыя черкешенки, тонкія, стройныя въ типѣ Лермонтовской Бэлы цѣловали на-лету концы моей вуали, оборочки платья, рукава, зонтикъ и, конечно, предпочли бы коснуться губами запыленнаго подола юбки, чѣмъ лица или рукъ невѣрной франки: „она хорошая, добрая,—такъ и читалось въ ихъ лукавой усмѣшкѣ:—а все-таки Аллахъ не любитъ гяуровъ“.

Ханумъ-Мабуле, хозяйка дома, послѣ обмѣна между нами традиціоннаго селяма, усадила меня на груду подушекъ и стала занимать пріятными разговорами на тему о моихъ необычайныхъ качествахъ души, высокихъ добродѣтеляхъ, премудрости и другихъ совершенствахъ, чего, къ моему огорченію, никто не признавалъ за мной въ такомъ необъятномъ масштабѣ кромѣ Хассанъ-эфенди и его супруги.

Затѣмъ послѣдовала церемонія угощенія шербетомъ и кофе. Невольницы также расположились грушой вокругъ меня, съ жаднымъ любопытствомъ осматривая каждую складочку, пуговку, ленточку и каждую мелочь въ моемъ нарядѣ.

Замѣчательная особенность въ турецкомъ нарѣчіи: когда говорятъ между собой мужчины, то выходитъ какъ-то грубо, слишкомъ отрывисто для европейскаго уха. Зато интересно послушать турчанокъ въ интимной обстановкѣ: онѣ точно поютъ, и рѣчь ихъ звучитъ очень красиво. Это объясняется умѣньемъ тонировать, растягивая гласныя тамъ, гдѣ обыкновенно онѣ заглушаются шипящимъ или гортаннымъ произношеніемъ, а также манерой смягчать твердыя ударенія на буквахъ. Напримѣръ, „звѣзда“: мужчина рѣзко отрубитъ „ылдызъ“, а женщина нѣжно протянетъ „іылди...зъ“; или же

привѣтствія „сабахларынызъ, Аллаха ысмарладыкъ“! Каждый со стороны подумаетъ, что люди вотъ-вотъ начнутъ лупить другъ друга; но турчанку вы сразу поймете. Много еще значитъ при этомъ ея выразительная мимика и плавная, граціозная жестикуляція.

Хассанъ-эфенди, видимо совершенно успокоенный и облегченный отъ тяжести угрызеній совѣсти, потребовалъ наргиле и удалился отъ нашей компаніи въ другой конецъ двора, такъ какъ по установленному этикету древняго обычая глава семьи въ присутствіи гостей-иностранокъ не разговариваетъ съ женщинами своего гарема.

Съ тоскливымъ нетерпѣніемъ я все оглядывалась, стараясь привлечь его вниманіе, въ то время какъ турчанки, не замѣчая моего печальнаго, унылаго вида, развлекали меня такимъ чудовищнымъ вздоромъ, да еще не ограниченнымъ никакими предѣлами яркой фантазіи, что повторять его прямо не рѣшаюсь.

Наконецъ, желанная минута наступила; но какъ это случилось, я не знала и даже не уловила мгновенія, на протяженіи котораго и толстая Мабуле и худыя черкешенки вдругъ, какъ фантомы передъ лучомъ солнца, исчезли и растаяли на глазахъ...

— Итакъ, мой алмазъ, вашъ другъ Хассанъ ждетъ драгоцѣнныхъ рѣчей своей благодѣтельницы,—сказалъ онъ, приближаясь ко мнѣ.

Тогда я откровенно, не стѣсняясь, передала ему рѣшительно все, что мучительнымъ трепетомъ уничтожало меня.

— Развѣ Тафти не знаетъ о вашемъ путешествіи въ Египетъ?—спросилъ онъ, и по лицу его скользнуло глубокое изумленіе:—Нѣтъ? ахъ, какъ не хорошо!..

— О, Боже мой, Боже мой, что теперь дѣлать?—заливаясь горькими слезами, говорила я:—къ несчастію, онъ самъ лишилъ меня возможности писать ему на томъ основаніи, что мѣстность, гдѣ находится его чифликъ, слишкомъ удалена отъ почтоваго тракта къ берегу, а караваннымъ путемъ, вѣроятно, также нельзя?..

— Дитя мое дорогое, не плачьте, не терзайте бѣднаго сердца преданнаго вамъ до гроба старика Хассана—простымъ языкомъ безъ вычурныхъ прикрасъ восточнаго стиля заговорилъ онъ:—прежде всего надѣйтесь и вѣрьте, что написанное въ книгѣ судебъ исполнится по неизмѣнной волѣ Создателя...

— О, нѣтъ!—перебила я съ живостью, чтобы оставить дальнѣйшее теченіе потока его краснорѣчія:—предопредѣленіе—великая истина, пусть будетъ такъ; но мы, христіане, подчиняемся еще и обстоятельствамъ...

— Вотъ это и плохо и очень даже!—горестно воскликнулъ онъ:—судьба рѣшаетъ всѣ вопросы и опредѣляетъ всѣ явленія въ жизни человѣка...

Тогда мнѣ пришла идея воспользоваться услугами магометанскаго „кэсмета“ и уговорить этого, дѣйствительно нелицемѣрно преданнаго мнѣ друга отправить съ нарочнымъ изъ подчиненныхъ ему солдатъ мое письмо къ Тафти, и когда я объяснила ему, въ чемъ заключалось дѣло, то онъ съ величайшей радостью взялся устроить придуманную мною комбинацію.

— Вполнѣ согласенъ—здѣсь именно кэсметъ!—убѣжденно повторялъ онъ мои же доводы:—а иначе такая мысль безъ участія воли судьбы могла ли родиться сама по себѣ? Нѣтъ! она была записана еще раньше начала вѣковъ въ святой книгѣ Предопредѣленія, которое и направило шаги ваши ко мнѣ!..

Добродушный, довѣрчивый, какъ ребенокъ, онъ даже не замѣтилъ, что попался на удочку, и немедленно занялся обсужденіемъ проекта экспедиціи въ глубь Малой Азіи—я, конечно, подсказала Ибрагима, надѣясь имѣть съ нимъ въ тотъ же вечеръ отдѣльный разговоръ.

Уже ночь ложилась на землю, украшая далекія небеса міріадами звѣздъ и обѣщая съ минуты на минуту зажечь яркую лампаду надъ горизонтомъ, чтобы освѣтить мой извилистый путь по темнымъ, кривымъ улицамъ турецкаго квартала. Ибрагимъ шелъ рядомъ со мной, разгоняя прикладомъ ружья стаи собакъ, бродившихъ въ поискахъ отбросовъ себѣ на ужинъ. Бѣдныя, несчастныя твари съ жалобнымъ визгомъ отбѣгали прочь, не понимая, за что ихъ били.

— Госпожа!—сказалъ Ибрагимъ, выслушавъ меня:—клянусь божественнымъ именемъ Пророка, что твое письмо будетъ въ рукахъ высокороднаго бея, и я умру на его порогѣ, если онъ не дастъ мнѣ отвѣта, чтобы порадовать твою душу.

— А вотъ и я!—сказалъ также мѣсяцъ, выглядывая изъ-за горки восточнаго кряжа и разбрасывая вокругъ снопы ярко-красныхъ лучей. Большая Медвѣдица даже поблѣднѣла отъ злости, а прелестная ея сосѣдка, блестящая Кассіопея также стала меркнуть въ ослѣпительномъ сіяніи золотого диска.

— Госпожа!—окликнулъ меня проводникъ:—смотри! смотри—звѣзды прячутся, ой, какъ онѣ боятся лампады Пророка! Но я не отвѣтила ему, зная прекрасно, что толковать съ мусульманиномъ объ астрономіи была бы вещь рискованная.

Вскорѣ мы выбрались изъ области кривыхъ переулковъ и пришли къ набережной. Здѣсь ожидала меня наша агентская лодка съ двумя гребцами у веселъ. Съ надеждой въ сердцѣ, но съ непонятнымъ предчувствіемъ какой-то бѣды, вернулась я домой, затворилась на ключъ въ своей комнатѣ, чтобы провести безсонную ночь и приготовить къ отъѣзду Ибрагима длинное посланіе, которому суждено было рѣшить главный вопросъ моей жизни.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Пушкинѣ.

I.

Новооткрытыя записи народныхъ пѣсенъ.

Къ двадцати пушкинскимъ записямъ, напечатаннымъ мною въ январьской книгѣ „Русс. Старины“, извлеченнымъ изъ бумагъ П. В. Кирѣевскаго, присоединяю теперь еще семь, впервые мною опубликованныхъ недавно [1]). Отъ издающаго „новую серію“ „Пѣсенъ собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ Общества любителей россійской словесности и отъ редактирующаго это изданіе профессора М. Н. Сперанскаго я получилъ позволеніе опубликовать ихъ, за что приношу глубокую благодарность какъ уважаемому Обществу, такъ и профессору Сперанскому, обнаружившему ихъ въ бумагахъ незабвеннаго собирателя. О всѣхъ ихъ, кромѣ одной: „Ахъ ты, молодость, моя молодость“..., г. Сперанскій упоминаетъ въ своевременно цитированномъ мною предисловіи къ первому выпуску новой серіи. Эти записи особенно важны тѣмъ, что позволяютъ установить до извѣстной степени точно время и мѣсто данныхъ этнографическихъ наблюденій Пушкина и приближаютъ къ разрѣшенію общій вопросъ о территоріальныхъ и хронологическихъ предѣлахъ его занятій народнымъ творчествомъ. Воспроизводятся записи въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ въ систематизированномъ собраніи Кирѣевскаго.

---

[1]) „Рѣчь“ 29 января, № 28.

I.

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
А свѣтъ моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебѣ не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиковъ не ѣдать.
Злодѣй Ванька воръ побѣдна голова
Кличетъ Дуньку изъ воротъ въ огородъ
Сорветъ Дунькѣ лопушокъ
Подъ самый корешокъ.
Сошьетъ Дунькѣ сарафанъ.
Китаичный голубой,
Снурочикъ-отъ павиличная трава,
А ниточки ковылокъ, ковылокъ,
А пуговки репеёкъ, репеёкъ.
Гдѣ не́—взялся тараканъ,
Проѣлъ Дунькѣ сарафанъ
Надъ самою надъ дырой,
А дядюшка Митрофанъ
Зашей Дунькѣ сарафанъ
Китаичный голубой.

II.

Калина, калина!
На задніемъ порядкѣ [1]),
Подъ горою три солдатки:
Одна Настька, другà Машка,
Какъ третія Наташка.
Повадилась Наташка
Во Царёвъ кабакъ ходить,
Зеленóе вино пить,
Цѣловальника любить.
Цѣловальникъ молодой,
Проводи меня домой
По улицѣ мостовой,
По дорожкѣ столбовой
До кроватки тесовой,
До перинки пуховой.
На перинѣ дѣвица,
Лежитъ она, нѣжится,
Лицё разгорѣлося.
Чего захотѣлося?
Не надо мнѣ, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкіихъ яблочковъ,
Ни медовыхъ пряничковъ.
Приведи-ка, матушка,
Татарина съ скрыпкою,
Мордвинà съ волынкою,
Холостóва съ дудками.
На Бóлдинскомъ на плоту [2])
Она мыла, полоскала,
Фату въ воду опускала.
Милый фаточку ловилъ,
Кафтанъ съ шубою сронилъ:
Она губушки надула,
Пошла къ старостѣ на думу
И къ бурмистру на разсуду:
Какъ что староста-то скажетъ,
И бурмистръ-отъ что прикажетъ?
Ты поставься-ко въ попы!
Какъ и что это за попокъ
Въ сарафанѣ, безъ портокъ.

---

[1]) „Порядокъ“ здѣсь значитъ—сторона улицы, рядъ домовъ.

[2]) Во II записи, повидимому, соединены двѣ пѣсни; вторая начинается стихомъ:

„На Болдинскомъ на плоту“.

III.

Я вечёръ, вечёръ, добрый молодецъ,
Вечёръ загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся;
Я тайнаго ласкова словечка
Отъ ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мнѣ не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко;
„Ты отстань, отстань, добрый молодецъ,
„Отстань по охотѣ,—
„Не отстанешь ты по охотушкѣ,
„Отстань по неволѣ“.
Тосковалъ-то я, добрый молодецъ,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добромъ молодцѣ
Никто не потужитъ,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая,
Что потужитъ ли, погорюетъ ли
Красная дѣвица,
Что назвàная моя прежняя
Милая сестрица!

IV.

Уродился я несчастливъ, безталанливъ,
Приневолили меня, малёшенька женили.
Молода была жена, я глупенекъ;
Сталъ я молодцемъ, жена стала старенька.
Полюбилась мнѣ молодка молодая,
Изсушила мое сердце ретивое.
Какъ вечёръ меня молодка огорчила,
Мнѣ несносную насмѣшку насмѣяла:
„Отступися, мнѣ сказала, отвяжися,
„У тебѣ своя жена, съ ней и цѣлуйся“.
Во бору ли, во сыромъ ли, стукъ-трескъ:
Бурлачки сосну подрубливаютъ,
Подрубливаютъ, поваливаютъ,
Изъ сыра бора по лугу волокутъ,
Покрутому бережку покатываютъ,
Середь лодочки устанавливаютъ,
Тонкій парусъ навѣшиваютъ,
Уплываютъ внизъ по Волгѣ по рѣкѣ.
Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Вы съ собой меня возьмите посадите,
Разлучите съ опостылой со женою.

V.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася,
Живучи съ женой не съ корыстною.
Не продать мнѣ жену, не промѣнять ее,
Что ни братцу, ни товарищу.

Я пойду ли самъ крутымъ бережкомъ.
Я найду ль себѣ новыхъ плотничковъ.
Новыхъ плотничковъ, корабельщичковъ,
Я сострою новъ тесовъ корабль
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныихъ.
Я спущу корабль на сине море,
Посажу ли жену свою барыню,
Отпущу ли жену въ свою сторону,
А я самъ пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море:
А ужь корабль бѣжитъ — какъ соколъ летитъ,
А жена-то сидитъ точно барыня.
Ужь я вскрикну ли громкимъ голосомъ:
—„Воротись, жена моя барыня,
„А мы будемъ жить лучше прежняго,
„А я буду любить лучше стараго“.
—„Не обманывай ты, распостылый мужъ:
„Что не грѣть солнцу зимой, противъ лѣтняго,
„Не свѣтить мѣсяцу лѣтомъ противъ зимняго,
„Не любить тебѣ меня пуще прежняго“ [1]).

VI [2]).

Ужь какъ нонѣшніе люди,
Они молоды, лукавы,
Съ измаленька вороваты;
Не видавши много видятъ,
Не слыхавши много слышатъ.
Какъ сказали про дѣвицу
Напрасную небылицу:
Будто я, красна дѣвица,
Во всю темну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладко вишенье щипала,
(Показалось дѣвкѣ мало)
Виноградомъ забавляла,
На бѣлое блюдо клала,
Въ Итальянскій платъ вязала;
За вороты выходила,
Извощичка нанимала,
Извощичка молодого,
Не женатаго, холостого:
Вези меня поскорѣе,
Чтобы люди не видали,
Сосѣдушки не слыхали,
Мому батюшкѣ не сказали.
Мой батюшко очень грозенъ,
Посадилъ меня въ темницу:
Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Одна труба, да малая.
Ахъ ты, батюшко родимый!
Проруби ты мнѣ окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходитъ,
Добра коня поить водитъ.

---

[1]) Ср. конецъ „Яныша-Королевича“ („Пѣсни Западныхъ Славянъ“):
„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
„Противъ милой жена не утѣшитъ“.

[2]) Къ VI-ой записи Кирѣевскій приписалъ варіантъ, встрѣчающійся „въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ“, и замѣчаніе, что конецъ ея (отъ стиха „Мой батюшко очень грозенъ“)—„очевидно изъ другой пѣсни“.

VII.

Долина долинушка,
Раздолье широкое.
На той на долинушкѣ
Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зелёная.
Изъ-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Грѣетъ, грѣетъ солнушко
Зимой не по-лѣтнему:
Любитъ, любитъ миленькій,
Любитъ не по-прежнему,
Любилъ все обманывалъ,
Другу подговаривалъ:
Поди, поди, дѣвица,
За меня замужъ,
За меня, за мо̀лодца,
За парня холо̀стова.
Нейду, нейду, дѣвица
Нейду, не подумаю.
Кого жѐ мнѣ, дѣвицѣ,
Полюбить будетъ?
Полюбить холостова,—
Холостъ скоро женится;
Полюбить женатаго,—
Жена-то разсердится.
Полюблю я, дѣвушка,
Солдата гвардейскаго:
Солдатъ въ походъ пойдетъ,
Дѣвицу съ собой возьмётъ.

Привожу также списокъ „разгульныхъ“ пѣсенъ, составленный, по словамъ Кирѣевскаго, Пушкинымъ [1]). Для чего составилъ Пушкинъ этотъ списокъ, неизвѣстно. Надо думать, онъ хотѣлъ сообщить Кирѣевскому, какія пѣсни были ему извѣстны или имъ собраны, и едва-ли всѣ онѣ понадобились Кирѣевскому. Если сопоставить списокъ, въ который, надо помнить, вошли только пѣсни веселаго содержанія, съ тѣми отголосками народнаго пѣсеннаго творчества, которые слышатся въ пушкинской поэзіи, нельзя достаточно надивиться этому бережному и любовному вниманію, съ которымъ относился великій поэтъ къ творчеству народа.

Мучительно завидовавшій Пушкину, недоброжелательно къ нему относившійся Н. М. Языковъ писалъ 16 декабря 1831 г. своему брату Ал—дру Мих—чу: „Пушкинъ говоритъ, что онъ сличилъ донынѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ, кажется, хвастаетъ [2]). Пушкинъ, конечно, не хвасталъ, а вѣроятно не закончилъ этой работы, слѣды которой можно видѣть въ ниже-

---

[1]) М. Н. Сперанскій „П. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсенъ“ (вступительная статья къ „новой серіи“, вып. I, стр. LXXI).—Повтореніе въ спискѣ нѣкоторыхъ заглавій указываетъ, можетъ быть, на варіантныя записи нѣкоторыхъ пѣсенъ.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь, 533—534.

слѣдующемъ спискѣ „разгульныхъ“ пѣсенъ. Несомнѣнно, ему были извѣстны и всевозможныя пѣсни другого рода.

1) Ходилъ Ваня по лужочку. 2) Я по жердочкѣ шла. 3) Ахъ, деревня отъ деревни. 4) Не летай, мой соловей. 5) Наша Дуня не точетъ, не прядетъ. 6) Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку. 7) Дѣвушки вино курили. 8) Противъ солнца на востокѣ. 9) Я вечеръ, молода, во пиру была. 10) Какъ по улицѣ идетъ молодецъ. 11) Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль. 12) Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ. 13) Борозда моя, бороздочка. 14) Въ воскресенье на рыночекъ ходила. 15) Сгорѣло мое сердечушко. 16) Ахъ ты, Грунюшка, Груняша, Груня ягода моя. 17) Я млада... 18) Разыгрался Юрьевъ конь. 19) Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живутъ. 20) Всѣ домой, всѣ домой. 21) Во полѣ рябинушка стояла. 22) Сколько мнѣ браженьки ни пити. 23) Во лугахъ, во зеленыхъ лугахъ. 24) У воротъ дѣвка стояла съ молодцемъ. 25) При зарюшкѣ, при зарѣ. 26) Возлѣ Дону, возлѣ Дону. 27) Ужъ и чей это терёмъ, побывалъ бы я въ немъ. 28) Мимо саду, мимо зелена садочку, дорожка лежала. 29) Зима моя, зима непогожая. 30) На что было городъ городить. 31) Не путемъ Ваня гуляетъ, трехъ дѣвушекъ любитъ. 32) Бѣлая моя, чернобровая моя. 33) Бѣлильцы румяницы мои. 34) Журушка журавель. 35) Молодушка молода. 36) Воробушка воробей. 37) У нашего сосѣда. 38) Васильюшка рыбачёкъ. 39) Ходитъ Васенька горой. 40) За рѣкой, рѣкой. 41) Не пора ли, не пора ли намъ домой. 42) У насъ по улицѣ, у насъ по широкой. 43) За рѣкою, за рѣкою солдатъ сѣно коситъ. 44) Какъ у вдовушки-вдовицы. 45) На улицѣ ромода. 46) Породила меня мати, недоноска. 47) Во городѣ городу. 48) По лугу я, дѣвица, гуляла. 49) Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зелёныхъ лугахъ. 50) Пошелъ козелъ за лыками. 51) Туру туру пастушокъ. 52) При улицѣ, при широкой. 53) Чарочки по столику похаживаютъ. 54) Думай, моя головушка, да не продумайся. 55) Ты, Настя, Настюшка моя. 56) Авдотья вдовина. 57) На горѣ, горѣ. 58) Голосистой пѣтушекъ. 59) Калина, калина. 60) Какъ нонече куры. 61) Ахъ ты, матушка, голова болитъ. 62) Шелъ козелъ мостомъ. 63) Какъ во городѣ было во Казани. 64) Ягода моя, ягода виноградная. 65) Охъ ты ёжъ. 66) Пошла наша Дуня ленкомъ побираться. 67) Сидитъ птичка во садку. 68) За рѣкою диво. 69) Шла Анюта по воду. 70) Какъ по травѣ, какъ ходачъ гуляетъ. 71) Полоса моя, полосынька. 72) Тараканъ дрова рубилъ. 73) Охъ ты зять мой, зятюшко. 74) Ахъ ты, Катенька, Катюша. 75) Какъ подъ яблонью. 76) Какъ кума-то ко кумѣ въ рѣшетѣ приплыла. 77) Смолоду младешенька гульлива я была. 78) Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была. 79) Во саду былъ орѣшникъ. 80) Возлѣ рѣки Москвы-рѣчки.

81) Таня по полю ходила, бѣлу пшёнушку полола. 82) Какъ у нашихъ у воротъ. 83) Ахъ ты бражка, ты бражка, ты сыченая. 84) Сколько мнѣ бражки ни пити. 85) Я вечёръ млада.

Пѣсню IV можно считать не простою записью, а либо передѣлкой народной пѣсни, либо даже оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ, возникшимъ, конечно, подъ вліяніемъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ. По крайней мѣрѣ, первые десять стиховъ скорѣе принадлежатъ Пушкину, чѣмъ народу, и, быть можетъ, эта пѣсня изъ тѣхъ, о которыхъ великій поэтъ говорилъ великому знатоку: „Разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. Сохранился въ бумагахъ Пушкина черновой набросокъ стихотворенія, начинающагося словами: „Уродился я, бѣдный недоносокъ“... [1]) Въ имѣющейся у насъ копіи этого наброска есть стихъ: „Недоноска меня бѣднаго женили“... Характерно, что, переводя съ сербскаго, для „Пѣсенъ западныхъ славянъ“, пѣсню „Соловей“, Пушкинъ или не понялъ сербскаго текста: „Ме није мајка оженила млада“ (то есть „мать не женила меня“...), или нарочно измѣнилъ жалобу добраго молодца:

Какъ ужъ первая забота,—
Рано молодца женили...

Этого русскаго „бытового явленія“, обычнаго въ тѣ времена, Пушкинъ не забылъ, описывая нравы обитателей села Горохина. „Мужчины женятся обыкновенно на тринадцатомъ году на дѣвицахъ двадцатилѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья начинали бить женъ; и такимъ образомъ, оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено“.

До сихъ поръ у насъ было принято думать, что Пушкинъ интересовался народнымъ творчествомъ и записывалъ пѣсни только въ Михайловскомъ (1824—1826 г.г.). Кирѣевскій, которому онъ доставилъ свои записи безъ обозначенія, гдѣ онѣ собраны, думалъ, что „вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Опубликованныя въ первомъ выпускѣ „новой серіи“ свадебныя пѣсни всѣ пріурочены къ Псковской губерніи, даже къ Опочецкому уѣзду и именно къ Михайловскому, правда, не безъ осторожнаго вопросительнаго знака. Несомнѣнно, нѣкоторыя пѣсни были записаны Пушкинымъ дѣйствительно въ Михайловскомъ, но что касается до воспроизводимыхъ нами здѣсь, то ихъ можно съ полною увѣренностью датировать временемъ не раньше знаменитой

---

[1]) См. „Пушкинъ и его современники“, IV, 23.

„дѣтородной“ осени 1830 г. [1]) и во всякомъ случаѣ тридцатыми годами. Это соображеніе, высказанное мною вскользь въ газетной статьѣ, подтверждается болѣе вѣскими и обстоятельными доводами знатока русской географіи и этнографіи, къ тому же лично знакомаго съ Среднимъ Поволжьемъ и какъ разъ съ тѣми мѣстами, гдѣ находится Болдино, Р. Д. Семенова-Тянъ-Шаньскаго, любезно сообщившаго мнѣ ихъ.

„Пушкину“—говоритъ Р. Д. Семеновъ-Тянъ Шаньскій—„принадлежало село Малое Болдино (рядомъ съ которымъ есть еще и Большое Болдино); это въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, вблизи границы Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Болдино—село русское, но кругомъ немало мордовскихъ деревень и селъ. Мордва здѣсь въ общемъ довольно сильно обрусѣлая: православные, говорятъ по-русски, мало отличаются бытомъ, хотя между собой говорятъ по-мордовски, а мѣстами и до сей поры сохранили свои костюмы, которые надѣваютъ въ праздники. Русскіе все-же ихъ отличаютъ, присоединяя къ собственнымъ именамъ и фамиліямъ (производнымъ отъ собствен. именъ) прозвище „Мордвинъ“.

Немало въ этой мѣстности и татарскихъ селеній; какъ разъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по рѣчкѣ Пьяной въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегород. губ. и до самаго Васильсурска тянется сплошная полоса татарскихъ селеній. Татары сюда проникли должно быть въ XV вѣкѣ. Эта татарская окраина Нижегородской губерніи, болѣе сосредоточенная, чѣмъ мордовскія ея селенія, не чувствуя себя еще русскимъ краемъ, въ половинѣ XVII в. разыграла видную роль въ исторіи возстанія Стеньки Разина, но нынѣ ее можно считать порядочно обрусѣвшей, хотя татары не забыли своего языка и остаются мусульманами.

Въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда въ 1670 г. происходили стычки передовыхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова съ шайками Стеньки Разина [2]), увѣнчавшіяся успѣхомъ правительства. Все это показываетъ, что мѣстность эта въ свое время не представляла изъ себя такого уголка, какъ теперь, и вліяніе близкаго сосѣдства съ Волгой, съ главнымъ пристанищемъ „вольницы“—Самарской лукой и Жигулями, должно было сказываться и въ характерѣ быта, и въ пѣсняхъ.

---

[1]) Въ первый разъ Пушкинъ побывалъ въ Болдинѣ осенью 1829 г., но очень недолго („Труды и дни Пушкина“, изданіе 2-е, стр. 198; „Пушкинъ и его современники“, I, 86).

[2]) Пушкинскія записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ относятся, судя по черновымъ тетрадямъ поэта, къ двадцатымъ годамъ. Н. Л.

Что пѣсня II записана не въ Псковской губерніи, а въ Болдинѣ, доказывается не только встрѣчающимся въ ней наименованіемъ „Болдинскаго плота“, но и упоминаніемъ „Мордвина съ волынкой“ (между прочимъ, и теперь среди мордовцевъ имѣются музыканты, приглашаемые играть въ торжественныхъ случаяхъ и къ русскимъ) и „татарина съ скрыпкой“. Наконецъ, весь характеръ пѣсни болѣе подходитъ къ окраинной сторонѣ—къ Поволжью, чѣмъ къ исконному русскому псковскому гнѣзду.

Позволю себѣ высказать, что и I пѣсня записана Пушкинымъ въ Болдинѣ,—такъ какъ здѣсь упоминается о „ковылкѣ“,—т. е. ковылѣ, котораго въ Псковской губерніи не знаютъ; напротивъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта степная трава встрѣчается, и ея бѣлыя нитевидныя пряди во время цвѣтенія характерны, и сравненіе ихъ съ нитками очень тонко какъ поэтическій образъ.

Почти безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что пѣсни IV и V—тоже Болдинскія или того времени, когда Пушкинъ ѣздилъ черезъ Волгу въ Оренбургскій край собирать матеріалы для „Исторіи Пугачевскаго бунта“ [1]). За то, что эти пѣсни относятся къ Болдинскому пребыванію Пушкина, говоритъ ихъ колоритъ, характерный для средняго Поволжья и Жигулей. Здѣсь упоминаются и сосна на высокомъ берегу, и то, что разочарованный молодецъ уходитъ къ поволжской вольницѣ, какъ извѣстно, имѣвшей свои притоны въ Жигуляхъ, слѣдовательно, не такъ далеко отъ юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи“.

Пушкинъ старательно изучалъ русскую пѣсню, какъ научно образованный этнографъ, и, какъ поэтъ и вѣрный сынъ народа, онъ чувствовалъ ея элегическую тоску, ея буйный размахъ, ея умный и добрый юморъ, ея горячія слезы. И, быть можетъ, незамѣтно для себя, сливаясь съ народнымъ моремъ, онъ самъ создавалъ тѣ образцы, которые трудно было отличить отъ „настоящихъ“ даже такому призванному судьѣ, какъ Петръ Кирѣевскій. Послѣдній высоко цѣнилъ знанія Пушкина въ этой области и писалъ въ 1832 г. Н. М. Языкову, что Пушкинъ „намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много“. Кирѣевскій собирался даже послать Пушкину копію съ своего собранія [2]), очевидно отдавая ему даже преимущество, но Пушкинъ раздумалъ издавать народныя пѣсни, и Кирѣевскій съ усиленной

---

[1]) „Уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда“,—писалъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову 17 января 1834 г.,—„онъ, кажется, ни одной не привезъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ“.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“ 1883, декабрь. 535—536.

энергіей самъ взялся за это дѣло; Пушкинъ тогда обѣщалъ ему написать къ сборнику свое предисловіе [1]).

Хотя нѣкоторыя приведенныя и названныя пѣсни извѣстны въ старыхъ пѣсенникахъ и преимущественно въ записяхъ многихъ собирателей, но со всѣми ими необходимо при изученіи Пушкина считаться, такъ какъ великій поэтъ ихъ записывалъ и пользовался ими какъ поэтическимъ матеріаломъ и образцами народнаго языка, а иногда передѣлывалъ ихъ и самъ творилъ въ ихъ духѣ. Если нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго филолога Штейнталя, что ни одна народная пѣсня не можетъ быть записана съ совершенною точностью, и въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснью, то по отношенію къ величайшему пѣвцу русскаго народа эти слова вѣрны. Каждый стихъ въ нихъ „авторизованъ“ Пушкинымъ. Много разсѣяно въ его поэзіи отраженій народнаго творчества. Вотъ, между прочимъ, одно изъ раннихъ, никѣмъ до сихъ поръ не отмѣченное. Восхитительный набросокъ (1821 г.) „Въ твою свѣтлицу“..., повидимому, навѣянъ популярной народной пѣсней [2]). И. А. Шляпкинъ [3]) указываетъ на весьма вѣроятную связь комическихъ стиховъ „Женись. На комъ?“... съ лубочной картинкой на тему „Разсужденіе холостого человѣка о женитьбѣ“.

II.

Хронологія пребыванія Пушкина въ Крыму.

Въ засѣданіи Таврической ученой архивной комиссіи 26 мая 1911 г. А. И. Маркевичъ — цитируемъ далѣе дословно протоколъ засѣданія [4]) — „доложилъ, что въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора, въ дѣлѣ за 1820 г. № 16 „О сенатскихъ подорожныхъ бланкетахъ“ имѣется подорожная отъ Севастополя до Симферополя, выданная супругѣ генерала-отъ-кавалеріи Раевскаго, Софіи Алексѣевнѣ Раевской, 2 октября 1820 г. адмираломъ Грейгомъ, на 12 лошадей. На этой подорожной сбоку приписка: „Записка въ казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей. № 3567.

---

[1]) Ibid., 538.

[2]) См. „Современникъ“ 1836 г., № 1, стр. 140 (Бар. Е. Ѳ. Розенъ, „О риѳмѣ“); „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. А. И. Соболевскаго, т. VII, № 737.

[3]) „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, стр. 22.

[4]) „Извѣстія Таврической учен. архивн. комиссіи“, № 47, Симферополь, 1912 г. Протоколы, стр. 25.

5 октября 1820 г.“ Важность этого документа состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляется время возвращенія изъ Крыма А. С. Пушкина, который, по словамъ Екатерины Николаевны Раевской, послѣ посѣщенія Бахчисарая ѣхалъ съ ними до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа. Очевидно, Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября 1820 г. Къ пребыванію Раевскихъ, а съ ними и Пушкина, въ Крыму имѣетъ отношеніе и дѣло того же года за № 294 „О путешествіи разныхъ знатныхъ особъ по Таврической губерніи“. 17 августа, за № 2938, таврическій губернаторъ Барановъ писалъ ѳеодосійскому исправнику, чтобы онъ явился къ Его Высокопревосходительству генералу-отъ-кавалеріи Раевскому, и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на южный берегъ, распорядиться о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде г. Раевскій ранѣе отправится въ Симферополь, равномѣрно оказать всякое содѣйствіе. На это предписаніе и. д. ѳеодосійскаго исправника засѣдатель Карпенковъ рапортовалъ губернатору изъ д. Азаматъ 20 августа: „по прибытіи Его Высокопревосходительства генерала Раевскаго въ Ѳеодосію я находился въ уѣздѣ, и потому повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 17 сего августа за № 2938, съ нарочнымъ мнѣ присланное, доставлено 19 числа, при чемъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Ѳеодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя“.

Основанный на данныхъ подорожной выводъ г. Маркевича, что Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября, опровергается различными извѣстіями и соображеніями. Близкій кишиневскій знакомый поэта И. П. Липранди [1]) сообщаетъ точную дату его пріѣзда въ Кишиневъ — 21 сентября. На другой день Липранди видѣлъ Пушкина въ кишиневскомъ клубѣ, а 23 сентября обѣдалъ съ нимъ у генерала М. Ѳ. Орлова. 24 сентября Пушкинъ въ Кишиневѣ написалъ брату извѣстное письмо о своей поѣздкѣ на Кавказскія воды и въ Крымъ. Около 25 сентября Липранди видѣлъ Пушкина въ Кишиневѣ у Ѳ. Ѳ. Орлова и князя Г. М. Кантакузена [2]). 5 октября, какъ разъ въ тотъ день, къ которому г. Маркевичъ относитъ пребываніе поэта въ Симферополѣ, онъ написалъ стихотвореніе „Дочери Карагеоргія“, которое помѣтилъ Кишиневомъ. Е. Н. Орлова, рожд. Раевская, говорила Я. К. Гроту [3]), что послѣ

---

[1]) „Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1263.

[2]) Ibid., 1237.

[3]) Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 53.

посѣщенія Бахчисарая Пушкинъ доѣхалъ съ Раевскими „только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа“. На Перекопъ она указывала не безъ колебанія; что Пушкинъ съ Раевскими не доѣхалъ до Перекопа, видно изъ письма губернатора Баранова, который, по сообщенію А. И. Тургенева [1]), увѣдомилъ братьевъ Тургеневыхъ, „что Пушкинъ-поэтъ былъ у него съ Раевскимъ, и что онъ отправилъ его въ лихорадкѣ въ Бессарабію“. Ясно, что въ началѣ второй половины сентября Пушкинъ уѣхалъ одинъ прямо изъ Симферополя въ Кишиневъ, а Раевскіе остались еще на нѣкоторое время въ Крыму и покинули его, согласно показанію подорожной, въ началѣ октября.

17 августа, въ тотъ день, когда губернаторъ послалъ ѳеодосійскому исправнику помянутое предписаніе, Пушкина и Раевскихъ видѣли въ Ѳеодосіи, у бывшаго ѳеодосійскаго градоначальника С. М. Броневскаго [2]). Изъ отвѣта исправника губернатору слѣдуетъ заключить, что 17 или 18 августа путешественники уѣхали изъ Ѳеодосіи, но не прямо въ Севастополь, а, какъ сообщаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату, въ Гурзуфъ [3]). „Тамъ прожилъ я три недѣли“, писалъ Пушкинъ брату. Можно ли считать это категорическое опредѣленіе вполнѣ, день въ день, точнымъ, — вопросъ, но вѣроятно около 10 сентября Пушкинъ оставилъ Гурзуфъ, затѣмъ— установить точныя хронологическія даты невозможно—„объѣхалъ полуденный берегъ“ [4]), посѣтилъ Кикинеизъ, Георгіевскій монастырь (вѣроятно, побывалъ въ Севастополѣ) и Бахчисарай. Приведемъ здѣсь интересныя хронологическія соображенія М. О. Гершензона [5]). Въ „Продолженіи путевыхъ записокъ“, изданномъ отдѣльною книгою въ 1830 г., Гераковъ „разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19 и 20 сентября (стр. 24 и 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму... И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.“, стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати вер-

---

[1]) Письмо 3 ноября 1820 г. къ кн. П. А. Вяземскому („Остафьевс. Архивъ“, II, 99).

[2]) Г. Гераковъ, „Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ, 1820 г.“, Петроградъ, 1828, стр. 123.

[3]) М. О. Гершензонъ („Сѣверная любовь Пушкина“—„В. Европы“ 1908 г., январь, 280) съ приблизительной точностью датируетъ этотъ переѣздъ 18 или 19 числомъ.

[4]) Письмо къ Дельвигу 1824 г. (Переписка Пушкина, академическ. изд., I, 160).

[5]) Названная статья, стр. 280—281.

стахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11 сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и слѣдовательно не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18—20 сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина въ письмѣ къ Дельвигу 1824 года: „я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились".

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы пріѣхать въ Кишиневъ 21 сентября, Пушкинъ долженъ былъ выѣхать изъ Симферополя днями пятью или шестью раньше, т. е. 15—16 сентября. Посѣщеніе имъ Кикинеиза, Георгіевскаго монастыря, Бахчисарая и Симферополя мы можемъ датировать недѣлей 10—16 сентября. Сколько времени провелъ поэтъ въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, опредѣлить невозможно. По словамъ П. И. Бартенева [1]), изъ Гурзуфа генералъ Раевскій „вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ".

III.

По поводу одного стиха въ „Онѣгинѣ".

Описывая въ „Евгеніи Онѣгинѣ (гл. 4, стр. XXVIII—XXIX) типичный альбомъ уѣздной барышни двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

На первомъ листикѣ встрѣчаешь
Qu'écrirez vous sur ces tablettes;
И подпись: t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
„Кто любитъ болѣе тебя,
„Пусть пишетъ далѣе меня".

Послѣдніе два стишка до сихъ поръ не исчезли изъ альбомовъ провинціальныхъ дѣвицъ, гдѣ они, обличая незатѣйливое остроуміе ухаживателя или подруги хозяйки альбома, ютятся въ нижнемъ уголкѣ внутренней стороны второй доски переплета.

Что касается до французской записи: „Qu'écrirez vous sur ces tablettes", то и она Пушкинымъ не выдумана, какъ не выдуманы другія комическія черты альбомной живописи и словесности: „два

[1]) „Пушкинъ въ Южной Россіи"—„Русс. Архивъ" 1866 г., ст. 1120.

сердца, факелъ и цвѣтки“ или „злодѣйскій стишокъ“ армейскаго стихотворца [1]). Это — первый стихъ французской пьески, авторъ которой мнѣ неизвѣстенъ. Мнѣ довелось случайно наткнуться на нее при чтеніи одного подобнаго альбома пушкинской эпохи [2]), гдѣ она находится дѣйствительно, какъ и быть должно, „на первомъ листикѣ“. Привожу ее, благо она очень коротка.

Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
Quels secrets leur confiez vous?
Ah! sans doute elles furent faites
Pour les souvenirs les plus doux!
En attendant qu'à cet usage
Ce souvenir soit employé,
Qu'il soit permis à l'amitié
D'en remplir la première page.

IV.

Поправка къ тексту „Скупого рыцаря“.

Во всѣхъ изданіяхъ „Скупого рыцаря“, начиная съ появленія его въ первой книгѣ „Современника“ 1836 года и кончая послѣднимъ капитальнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина (С. А. Венгерова), мы читаемъ (сцена I, слова Альбера о Жидѣ):

Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его.

Въ основу текста при переизданіи драмы слѣдуетъ, конечно, класть первое изданіе ея, напечатанное при жизни автора въ его журналѣ. Съ какого оригинала печаталась она въ „Современникѣ“, неизвѣстно. Рукопись существуетъ только одна, и хотя П. В. Анненковъ [3]) думалъ, что „печатный текстъ Современника совершенно сходенъ съ рукописью“, однако это не такъ, что констатируютъ цѣлымъ рядомъ сличеній Л. Бѣльскій въ послѣсловіи къ фототипическому изданію рукописи [4]) и П. В. Петровъ въ спеціальной статьѣ о текстѣ драмы [5]). Предположеніе г. Петрова, „что самъ Пушкинъ

---

[1]) См. мои примѣчанія къ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. XIV, № 552.

[2]) Изъ собранія Н. К. Синягина († 17 января с. г.). Возможностью познакомиться съ синягинскимъ собраніемъ я обязанъ любезности секретаря покойнаго библіофила, В. М. Андерсона.

[3]) Соч. Пушкина, изд. 1855 г., IV, 459—460.

[4]) Изданіе А. де-Біонкуръ, М., 1901 г.

[5]) Замѣтка о текстѣ драмы Пушкина „Скупой рыцарь“ („Литерат. Вѣстникъ“ 1901 г., т. I, стр. 432—436).

корректуры не держалъ", представляется въ значительной степени вѣроятнымъ по всему, что извѣстно объ изданіи имъ „Современника". Конечно, мы должны принимать всѣ измѣненія, внесенныя поэтомъ въ печатную редакцію драмы, но въ одномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: — можно ли считать результатомъ сознательнаго измѣненія печатную редакцію даннаго мѣста, или на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на ошибку либо описку? Вотъ какъ читаются въ рукописи цитированные выше два стиха:

Его червонцы пахнуть будутъ *а*домъ
Какъ сребрянники пращура его.

Ясно, что, хотя мы должны считаться съ разночтеніемъ печатной редакціи, окончательно исправленной поэтомъ, но здѣсь мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ усмотрѣть не поправку, а, напротивъ, ошибку. Въ самомъ дѣлѣ,—Іуда не отравилъ Іисуса, а предалъ его, и сказать, что полученные предателемъ сребренники пахли „ядомъ", значило бы приписать Пушкину слишкомъ натянутый образъ. Иное дѣло—адъ, въ понятіи о которомъ объединяются и предатель, и отравитель; какъ бы ни были различны преступленія, мзда за нихъ дѣйствительно одинаково „пахнетъ адомъ". Въ эсхатологической традиціи христіанства адъ неизмѣнно представляется смраднымъ, тогда какъ рекомендуемыя Жидомъ капли Товія, безвкусныя и безцвѣтныя, конечно, лишены всякаго запаха; къ тому же, Альберъ и не соглашается на предложеніе Жида, у котораго хочетъ взять червонцы подъ долговую расписку, безъ всякаго побочнаго преступнаго обязательства. Пушкинъ не могъ сознательно испортить удачную редакцію, и несомнѣнно въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ дѣло либо съ случайной опиской (едва ли самого поэта, а, вѣрнѣе, переписчика), либо съ ошибкой корректора, не замѣтившаго проскользнувшей опечатки. Весьма характерно, что и г. Петровъ, приводя изъ рукописи занимающій насъ стихъ и сопоставляя его съ печатной редакціей (гдѣ вмѣсто „пахнуть будутъ" сказано: „будутъ пахнуть"), не замѣтилъ очень четко написаннаго слова „*а*домъ" и, слѣдуя привычному, принятому во всѣхъ изданіяхъ начертанію, напечаталъ: „*я*домъ". Недоразумѣніе рѣшается просто, и, конечно, послѣдующіе издатели должны будутъ въ данномъ случаѣ пользоваться указаніемъ подлинной рукописи, которымъ устраняется очевидная ошибка.

Н. Лернеръ.

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Въ одинъ лѣтній жаркій день рано утромъ М. И. Драгомировъ прибылъ въ Кіевъ изъ своего конотопскаго имѣнія, въ которомъ оставилъ семью; онъ намѣтилъ пробыть въ Кіевѣ сутки, а на другой день, рано же утромъ, выѣхать для осмотра войскъ въ Каменецъ-Подольскъ,—куда уже заранѣе направилъ начальника штаба и другихъ чиновъ, обыкновенно сопровождавшихъ его въ предпринимаемыхъ поѣздкахъ по округу.

Принявъ въ день пріѣзда нѣсколько докладовъ, онъ занялся кое-какими дѣлами, когда ординарецъ, унтеръ-офицеръ, находившійся въ видѣ дежурнаго у него на парадномъ подъѣздѣ, доложилъ ему, что прибылъ и желаетъ представиться генералъ-маіоръ N.

— Здравствуйте, ваше новое превосходительство, сказалъ привѣтливо Мих. Ив. вошедшему къ нему въ кабинетъ генералу, очень радъ за васъ; присядемъ.

Генералъ N. человѣкъ вообще скромный, застѣнчивый, высказалъ М. И-чу, какъ умѣлъ, свою благодарность за оказанное лестное отличіе и за громадное довѣріе, а затѣмъ добавилъ о сожалѣніи, которое испытываетъ по поводу того, что пришлось выйдти изъ-подъ прямого непосредственнаго подчиненія его высокопревосходительству.

— Я также очень сожалѣю о томъ, что такъ вышло, но что дѣлать;—признаться, я васъ готовилъ себѣ въ иксную (х) бригаду, засмѣялся Мих. Ив., но въ военномъ министерствѣ, или вѣрнѣе, въ главномъ штабѣ вышла большая заминка изъ-за того, съ какимъ вознагражденіемъ отпустить генерала Z; это рѣдкій по заслугамъ своимъ слуга Царю; его уволить кое-какъ, не набравъ

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1912 г.

ему въ пенсію все возможное и невозможное, было бы грѣшно; поэтому понадобилось задержать его отставку... Да, впрочемъ, вы, какъ мнѣ извѣстно, эту всю сказку знаете твердо, перебилъ Мих. Ив. самъ себя; извѣстно мнѣ и то, что вы ее узнали, не давая себѣ труда ходить для того по задамъ штабныхъ канцелярій, какъ дѣлаютъ это иные охотники до всякихъ искательствъ... Ну, Господь будь съ вами, служите вѣрой, какъ много и долго служили до сихъ поръ, будетъ вамъ вездѣ хорошо; только быть бы живу и здорову; всякое служебное дѣло у васъ всегда склеится... Вы вѣрно уже на отлетѣ? спросилъ М. И., немного помолчавъ.

— Собираюсь уѣхать завтра вечеромъ; уже почти совсѣмъ готовъ къ отъѣзду съ семьей. Хотѣлъ бы я съ вами напослѣдокъ повидаться и поболтать, а потому приходите сегодня въ пять часовъ, совершенно за-просто, малороссійскаго борща похлебать и закусить чѣмъ Богъ послалъ.

М. И. вообще отличался радушіемъ и большимъ хлѣбосольствомъ; каждый день у него обѣдало нѣсколько человѣкъ; онъ любилъ угостить.

Къ назначенному часу генералъ-маіоръ N. прибылъ въ кабинетъ командующаго и засталъ у него нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ между прочимъ находился пожилой, но вполнѣ бодрый генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Н. Г. Столѣтовъ. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ изъ Люблина къ находившимся на излеченіи въ Кіевѣ больнымъ членамъ семьи своей и всегда заѣзжалъ къ старому товарищу своему М. И.,—въ свою очередь М. И. къ нему относился очень хорошо, показывалъ ему много расположенія и подчеркивалъ, какъ его боевыя способности вообще, такъ въ частности обезсмертившую его имя заслугу, которую онъ оказалъ арміи и Россіи въ самую тяжелую минуту защиты шипкинскаго гнѣзда, сдѣлавшагося тогда орлинымъ.

Въ то время генералъ-лейт. Столѣтовъ командовалъ 14-мъ армейскимъ корпусомъ.—Это боевой генералъ, грудь котораго, между прочимъ, украшена знакомъ отличія военнаго ордена и орденомъ Св. Георгія IV-ой степени; первый изъ этихъ крестовъ онъ получилъ въ 1855 году въ Севастополѣ, или въ Инкерманскомъ сраженіи, состоя въ то время юнкеромъ 10-й артиллерійской бригады, а второй—за твердое сопротивленіе, которое онъ во главѣ болгарскаго ополченія оказывалъ на Шипкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней бѣшенымъ атакамъ свѣжихъ войскъ Сулеймана-паши [1]).

---

[1]) Въ самомъ началѣ войны онъ, по приказанію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, сформировалъ болгарское ополченіе изъ добровольцевъ-болгаръ; онъ имъ командовалъ и оно подъ его командой дралось съ врагомъ, не отставая въ бояхъ отъ славныхъ нашихъ войскъ.

Объ этомъ, сказалъ Мих. Ив., видимо, отвѣчая Н. Г. Столѣтову и продолжая свой разговоръ съ нимъ—мы съ тобой уже не разъ говорили и переговорили,—дѣйствительно, когда въ самомъ началѣ августа, я стоялъ съ полками своей дивизіи въ Тырновѣ и въ окрестностяхъ этой древней столицы болгарскаго царства, ты съ Шипки присылалъ ко мнѣ, въ видѣ гонцовъ, нѣсколько разъ своихъ помощниковъ; пріѣзжали по очереди начальники дружинъ, кн. Вяземскій и гр. Толстой и начальникъ штаба болгарскаго ополченія, всѣ они просили присылки подкрѣпленій для тебя...

— Ты спокойно отвѣчалъ, поторопился объяснить Н. Г. Столѣтовъ, что опаснѣе всего, если непріятель полѣзетъ въ незапертыя двери, въ запертыя же ему нѣтъ хода; а мнѣ-то каково было, когда я ясно видѣлъ всю крайне опасную несуразность дѣйствій врага: Сулейманъ-паша со своими свѣжими, нетронутыми боемъ, войсками, ломился ко мнѣ на Шипку именно въ запертыя двери; я видѣлъ, что эти двери вотъ-вотъ должны будутъ раствориться и врагъ, проломившись, пойдетъ все косить головорѣзно...

— Это все такъ, возразилъ М. И., но намъ съ Өед. Өед. Радецкимъ тогда не приходилось произвольно и самостоятельно приниматься за нарушеніе общихъ по арміи распоряженій и начертаній; кромѣ того надо было держаться намѣченнаго нами къ точному исполненію для сохраненія прочности и увѣренности въ дѣйствіяхъ своихъ. Намъ было гораздо яснѣе видно, что ты, будучи обезпеченъ своей неприступной позиціей, могъ стойко держаться съ небольшими силами своего наэлектризованнаго врожденною ненавистью къ домашнему врагу и фанатизированнаго, молодого, хотя наскоро, но прочно обученнаго болгарскаго ополченія, имѣвшаго въ своихъ рядахъ немало „четниковъ“, привыкшихъ съ малолѣтства драться и нерѣдко бить исконнаго своего мучителя турчина.

— Ты держался успѣшно противъ ломившагося къ тебѣ Сулеймана-паши. Это были крѣпко запертыя двери; а въ это время тылу твоего лѣваго фланга и лѣвому флангу передовой линіи, занятой войсками, оставшимися подъ непосредственнымъ начальствомъ Главнокомандующаго, линіи Елена—Тырновъ—Плевна, сильно угрожалъ стоявшій противъ войскъ Цесаревича [1]) Мехмедъ-Али-паша.— Стоило ему, безъ особаго усилія, толкнуть лишь слегка припертую дверь праваго фланга этихъ войскъ, сходившихся угломъ съ той линіей, и вотъ гдѣ онъ пошелъ бы, какъ ты говоришь, косить, но косить съ полнѣйшею серьезностью и съ громадной опасностью для всего нашего расположенія.

---

[1]) Рущукскаго отряда.

— Θед. Θед. Радецкій, пребывая въ увѣренности, что на тебя, т. е. на тебя и на горсть твоихъ храбрецовъ, защищенныхъ крѣпкою позиціей, надежда есть, условился со мной ни въ какомъ случаѣ не допустить врага, предводительствуемаго Мехмедомъ-Али-пашей, пройдти „въ незапертую дверь“ здѣсь.

Нашъ разсчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ.

О томъ, что мы къ тебѣ прибыли двумя-тремя днями позже,— ты забудь, изъ этого и для тебя, и для твоихъ болгарскихъ дружинъ, и для всей арміи и для Россіи, къ счастью, кромѣ самаго хорошаго ничего не вышло, твоею и твоихъ братушекъ стойкостью съ одной стороны, а съ другой вѣрнымъ разсчетомъ дѣйствій, предпринятыхъ Θ. Θ. Радецкимъ,—все дѣло склеилось къ полному спасенію всего дальнѣйшаго въ кампаніи. Посмотри хорошенько на планъ и ты увидишь, какой пагубный оборотъ все дѣло могло бы принять, если бы Мехмету-Али-пашѣ удалось пройти въ незапертую дверь; а это неминуемо произошло бы, если бы мы въ тяжелую минуту подумали только о томъ, чтобы поспѣшить къ тебѣ на Шипку, раньше, чѣмъ намъ удалось замѣнить себя у этой незапертой двери подошедшими къ намъ отъ главнокомандующаго подкрѣпленіями!

— И прославили бы мы себя на вѣки отмѣннымъ легкомысліемъ... Не дай Богъ!

* * *

Только къ половинѣ сѣдьмого, эти интересныя бесѣды окончились и случайные гости разъѣхались; генерала N. немного смутило то обстоятельство, что въ этотъ первый и можетъ быть послѣдній разъ онъ оказался на обѣдѣ лишь вдвоемъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ.—Но манера обращенія М. И-ча заставила его быстро освоиться и онъ почувствовалъ себя безъ стѣсненія.

— Прошу принуки не ожидать [1]) и кушать по-воинскому, безъ церемоніи совершенно просто, сказалъ М. И., наливъ двѣ большія рюмки зеленой, „настоенной на сорока травахъ“ водки и указавъ на загромоздившія столъ разнообразныя закуски. — Генералъ N. водки не употреблялъ, вообще не пилъ; но во 1-хъ счелъ на этотъ разъ неловкимъ отказаться, а во 2-хъ рѣшилъ, что, на радостяхъ, по случаю выпавшаго на его долю назначенія, нельзя было не сдѣ-

[1]) По малороссійскимъ обычаямъ гостепріимства принято вообще усиленно угощать своихъ гостей: вотъ такъ угощеніе! выражаютъ свое удовольствіе гости, какъ много было принуки; если же хозяева не усиливаются угощать, то гости, по возвращеніи домой, нерѣдко выражаютъ между собой претензію: э, что за угощеніе и принуки нэ було...

лать исключенія.—Закусивши гречневой кашей съ бѣлыми грибами, королевской селедкой съ горчичнымъ соусомъ, сосиськами въ пикантной подливкѣ, ушками, рѣдькой, испанскимъ лукомъ, малороссійскимъ саломъ, онъ увидѣлъ, что М. И. налилъ себѣ вторую рюмку и, подмигнувши ему, спросилъ: „а вы какъ, вторую дерзаете? Машинально взявшись за рюмку, онъ выпилъ ее, при чемъ не отвѣтилъ ни слова, а затѣмъ, закусивъ еще немного, отправился, по приглашенію хозяина, къ столу „хлебать борщъ".

Поданные послѣ борща хересъ и мадера, въ смѣси съ перебивавшими ихъ, послѣ другихъ кушаній, разными винами, смѣнившимися подъ конецъ шампанскимъ, котораго, мимоходомъ сказать, М. И. вообще не пилъ, но захотѣлъ въ этотъ разъ выпить бокалъ за здоровье вновь испеченнаго генерала при пожеланіи ему счастливаго пути и хорошей службы, — съ непривычки сильно ударили генералу N. въ голову; послѣднее оставшееся въ его памяти было то, что онъ, взявши изъ рукъ человѣка бутылку шампанскаго и развязно наливъ себѣ и хозяину по большому стакану, сказалъ: нѣтъ, мнѣ позвольте выпить отъ всего сердца за ваше здоровье и за ваше благополучіе, а затѣмъ чокнулся такъ сильно, что въ его рукѣ стаканъ разлетѣлся; крѣпко смутившись, онъ, несмотря на ободренія со стороны М. И-ча, совершенно растерялся—и ни въ чемъ дальнѣйшемъ уже никогда впослѣдствіи не могъ отдать и рѣшительно не отдавалъ себѣ отчета.

* * *

На другой день, пріѣхавъ утромъ въ Кіевъ на почтовыхъ изъ уѣзда В. А. Воиновъ у подъѣзда своей квартиры встрѣтилъ генерала N., на которомъ лица не было.

— Что съ вами? вы больны? спросилъ Воиновъ.

— Хуже, отвѣтилъ N. и, наскоро разсказавъ свой эпизодъ до момента разбитія стакана, добавилъ: я тѣшилъ себя надеждой, что вы, Влад. Алекс., доставили меня домой вчера вечеромъ; почему-то у меня сложилось убѣжденіе, что послѣ обѣда вы должны были пріѣхать къ командующему.—Денщикъ мнѣ просто сказалъ, что пріѣхалъ „какойсь ахвицеръ въ сѣромъ непромокательномъ пальтѣ, сдалъ меня съ рукъ на руки и только"... вы всегда ѣздите въ сѣромъ макинтошѣ, это меня укрѣпило въ той мысли, что домой привезли меня вы.—Теперь я съ отчаяніемъ, теряюсь въ догадкахъ, какъ и кто меня доставилъ домой?

Черезъ недѣлю послѣ этого случая, В. А. Воиновъ написалъ генералу N. въ Саратовъ длинное письмо, въ которомъ разсказалъ со словъ М. И. Драгомирова все то, что произошло послѣ разбитія стакана:

„Видя его полное смущеніе, граничившее съ потерей разсудка, я предложилъ ему прилечь отдохнуть, но никоимъ образомъ нельзя было его къ этому склонить, разсказалъ М. Ив. — Разспросивъ людей, не знаютъ ли они гдѣ генералъ остановился и, узнавъ, что адресъ его неизвѣстенъ, я приказалъ заложить коляску и рѣшилъ, пока что, проѣхаться съ нимъ. Въ воздухѣ повѣяло прохладой и, какъ нельзя болѣе кстати, заморосилъ дождикъ; мой гость болтаетъ разную белиберду, а на мои разспросы объ его адресѣ, отвѣчаетъ совершенной чепухой, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, о чемъ я завожу рѣчь“.

„Выѣхавъ на большой мостъ и проѣхавъ по Остерскому шоссе за Предмостную и Никольскую слободку, я имѣлъ терпѣніе въ теченіе двухъ часовъ слушать безсмысленную болтовню опьянѣвшаго съ непривычки человѣка и, лишь, повернувши экипажъ обратно въ городъ, я услышалъ отъ него безсвязно-произнесенное названіе улицы, на которую и приказалъ кучеру ѣхать.—Уже совершенно смерклось, когда мы въѣхали въ ту улицу; ни номера дома, ни фамиліи владѣльца его я никакъ не могъ добиться отъ своего превосходительнаго гостя-пассажира.—Однако, въѣхавши въ случайно названную имъ улицу, я рѣшилъ попытаться на авось разспросить городовыхъ; эта простая случайность помогла мнѣ распутать узелъ: третій изъ встрѣченныхъ и спрошенныхъ городовыхъ указалъ домъ, въ который дня за три передъ тѣмъ въѣхалъ какой-то военный „съ массой багажа и ребятишекъ“; онъ остановился во второмъ этажѣ.

М. И. приказалъ остановиться возлѣ того дома, а затѣмъ, вручивъ городовому нѣсколько монетъ, велѣлъ ему пойдти наверхъ и вызвать оттуда денщика, а если можно, то двухъ.

Пришелъ денщикъ; генералъ N., свернувшись въ углу коляски, спокойно спалъ богатырскимъ сномъ.

— Ты при комъ состоишь? спросилъ генералъ Драгомировъ.

— При Маріи Васильевнѣ служу.

— При какой Маріи Васильевнѣ?

— При енеральшѣ.

— Какъ ея фамилія?

— N....

— Она дома?

— Дома, ваше благородіе.

— А генерала N. развѣ нѣтъ?

— Есть и генералъ; онъ сегодня съ утра уѣхачи къ командиру.

— Къ какому командиру?

— Ко командиру, не могу знать, сказывалъ поѣду къ командиру являться и приставляться.

— А ну-ка загляни въ коляску, не твой ли это генералъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, осклабился денщикъ.

— Ну разбуди его; онъ боленъ, заснулъ немного, пояснилъ М. И., не зная, что изъ этого выйдетъ.

— Ваше превосходительство, ваше прев., а ваше прев-во, сталъ слуга громко окликать „своего барина".

Городовой догадался не позволять толпѣ собираться и скучиваться: не собирайтесь безъ толку, отходите, господа зрѣнія тутъ никакого нѣтути; расходитеся, пожалуйста.

Денщикъ тѣмъ временемъ продолжалъ стараться разбудить своего барина.

Наконецъ генералъ N. нѣсколько разъ промычалъ что-то, затѣмъ пошевелился, встряхнулся и пошелъ нетвердыми шагами во дворъ.

— Помогите, ребята, его превосходительству, сказалъ М. И. и городовому и денщику, вишь онъ больной, покачивается, доведите его, братцы, бережно до Маріи Васильевны.

* * *

Увидѣвъ всѣхъ ихъ взбиравшимися на лѣстницу, Мих. Ив. спокойно вздохнулъ; съ легкимъ сердцемъ онъ поѣхалъ домой, крайне довольный тѣмъ, что такъ удачно и благополучно доставилъ своего гостя по назначенію.

М. И. все это въ шуточномъ тонѣ разсказалъ В. А. Воинову въ Винницѣ (Подольской губ.), гдѣ они съѣхались; при этомъ, въ отвѣтъ на сообщеніе его о томъ, насколько эта исторія разстроила несчастнаго N., М. И. сказалъ: напишите ему, пожалуйста, чтобы онъ успокоился, не тревожился бы и забылъ бы объ этомъ досадномъ, но совершенно пустомъ эпизодѣ; преступленія онъ не сдѣлалъ, „а такая быль молодцу не укоръ".

„Вотъ кто васъ доставилъ домой, кончаетъ В. А. Воиновъ свое письмо къ N., и кто, вполнѣ по-товарищески пооберегъ васъ отъ какихъ бы то ни было непріятностей, ни одной минуты не подумавъ въ тяжкій моментъ бросить васъ на произволъ судьбы"...

Изъ этого небольшого, невольно вышедшаго шуточнымъ, разсказа можно видѣть, какъ Драгомировъ привыкъ вообще оказывать поддержку и выручку и въ военное и въ мирное время.

А. Е. К.

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи.

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Дѣйствительно, чѣмъ-то сильнымъ, захватывающимъ вѣяло отъ экспедиціи и ея вождя, картинно описывавшаго эпопею словно сказочныхъ странствованій по пустынямъ и нагорью Тибета. Своими блестящими лекціями, страстный, увлекающійся Николай Михайловичъ привлекалъ многолюдныя аудиторіи... Ученыя общества создали повышенную географическую атмосферу, въ которой съ гордостью произносилось имя перваго русскаго изслѣдователя природы Центральной Азіи...

Примѣру столицы послѣдовалъ и родной Пржевальскому городъ—Смоленскъ, поднесшій ему адресъ на званіе почетнаго гражданина; Императорскій Московскій университетъ избралъ его почетнымъ докторомъ зоологіи и затѣмъ, въ томъ же году, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, Уральскаго Общества любителей естествознанія... Вѣнскаго, Италіянскаго и Дрезденскаго географическихъ обществъ и Сѣверо-Китайскаго отдѣленія Королевскаго Азіатскаго Общества въ Шанхаѣ. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль. „Принимая съ благоговѣйнымъ чув-

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

ствомъ, писалъ онъ президенту, столь лестную награду, тѣмъ болѣе для меня цѣнную, что она исходитъ отъ ученаго общества, плодотворная дѣятельность котораго обнимаетъ обширныя страны того же азіатскаго материка, я прошу васъ, милостивый государь, передать членамъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ искреннюю мою признательность за столь высокую оцѣнку моихъ посильныхъ изслѣдованій въ мало-извѣстныхъ странахъ Центральной Азіи".

Въ февралѣ 1881 года въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, академикъ А. А. Штраухъ заявилъ, что Николай Михайловичъ Пржевальскій принесъ въ даръ Зоологическому музею богатую коллекцію позвоночныхъ животныхъ, привезенную имъ изъ его послѣдняго путешествія. При этомъ Штраухъ ходатайствовалъ объ открытіи выставки всей коллекціи, собранной Николаемъ Михайловичемъ. „Знаменитый путешественникъ, — почетный членъ Академіи Наукъ Н. М. Пржевальскій, писалъ Штраухъ президенту Академіи графу Литке, собралъ во время своихъ путешествій въ Центральной Азіи богатѣйшія коллекціи животныхъ, которыя пожертвованы имъ въ Зоологическій Музей Академіи. Со времени основанія музея никто еще не приносилъ ему такого цѣннаго и единственнаго въ своемъ родѣ подарка. Коллекціи Н. М. Пржевальскаго даютъ возможность познакомиться съ фауной до сихъ поръ неизвѣстныхъ частей Центральной Азіи, гдѣ до него не былъ ни одинъ натуралистъ.

„Для ознакомленія публики съ результатами столь плодотворныхъ путешествій г. Пржевальскаго было бы очень полезно выставить три привезенныя имъ коллекціи особо, такъ какъ въ музеѣ выставлена только часть ихъ, которая кромѣ того теряется въ массѣ имѣющихся другихъ предметовъ. Поэтому имѣю честь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ устроить въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи выставку коллекціи г. Пржевальскаго. Входъ на выставку открыть по билетамъ и, если возможно, взимать за входъ небольшую плату. Изъ этого сбора можно бы основать при музеѣ особый капиталъ имени Пржевальскаго, предоставивъ ему лично указать назначеніе процентовъ съ этого капитала на пользу музея".

Выставка привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу главнѣйшіе результаты своихъ путешествій по Средней Азіи. Пржe-

вальскій принялъ это приглашеніе съ глубокою благодарностью и имѣлъ счастье еще до начала лекцій поднести Его Высочеству коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ. Чтеніе августѣйшимъ слушателямъ Наслѣднику Цесаревичу и его покойному брату—великому князю Георгію Александровичу, въ Гатчинѣ, доставляло Николаю Михайловичу нравственное удовлетвореніе, и онъ, впослѣдствіи, объ этомъ нерѣдко вспоминалъ не только у себя на родинѣ, но и въ путешествіи.

Въ концѣ мая Пржевальскій могъ уѣхать въ деревню и тамъ, въ тиши начать трудную работу—описаніе послѣдняго своего путешествія. Жизнь въ деревнѣ шла регулярнымъ образомъ: Николай Михайловичъ вставалъ рано—въ семь часовъ утра, ложился также не поздно—въ десять вечера; по утрамъ, ежедневно, обливался холодною водою; обѣдалъ въ двѣнадцать часовъ, а ужиналъ въ девять... По праздникамъ не занимался, а обыкновенно писалъ письма или уѣзжалъ въ лѣсъ; какъ цѣльный человѣкъ, въ тѣсномъ общеніи съ природой онъ только и могъ найдти душевное успокоеніе. Прислушиваясь къ окружавшей его тишинѣ, изрѣдка нарушаемой голосами птичекъ, онъ мысленно переносился въ лѣса Гань-су, на берегъ Тэтунга, или въ лѣсныя ущелья верховья Желтой рѣки... Лѣто стояло сухое, травы выгорѣли, охота была плохая. Страсть къ охотѣ и сокращеніе лѣсовъ въ окрестности Отраднаго подталкивали Николая Михайловича пріобрѣсти себѣ имѣніе подальше отъ желѣзной дороги. Онъ больше чѣмъ прежде не выносилъ многолюдства, и чаще чѣмъ прежде его душа просила „тихій уголокъ для отдыха среди природы... Дайте мнѣ, говорилъ онъ, такой медвѣжій уголъ, въ который *цивилизація* не скоро дойдетъ“.

Для отысканія подходящаго имѣнія Николай Михайловичъ обратился за содѣйствіемъ къ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ и послалъ довѣренныхъ лицъ по всѣмъ концамъ Смоленской губерніи. Лѣтомъ желанное помѣстье было наконецъ пріискано въ Порѣчскомъ уѣздѣ. „Отличное имѣніе, писалъ Николай Михайловичъ; главное же три озера, изъ которыхъ одно передъ самымъ домомъ, имѣетъ верстъ семь въ окружности. Рыбы, звѣрей, птицъ—гибель. Имѣніе продается очень дешево. Послѣ завтра, третьяго іюня, поѣду самъ осматривать, и если не куплю, то больше уже и не буду хлопотать на этотъ счетъ“.

Поѣздка и личный осмотръ этого уголка окончательно рѣшили дѣло, и имѣніе Слобода, принадлежавшее помѣщику, отставному артиллерійскому поручику, Леониду Алексѣевичу Глинкѣ, было куплено за 26.000 рублей.—Соблазнился я, говорилъ Николай Михай-

ловичъ, на эту покупку не для хозяйства, къ которому душа не лежитъ, а для охоты и рыболовства.

Имѣніе это, подъ названіемъ „Слобода“, находится въ сорока верстахъ отъ Порѣчья, въ шестидесяти верстахъ отъ Духовщины и въ восьмидесяти верстахъ отъ станціи Ярцево, Московско-Брестской желѣзной дороги. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, почти на половину покрытой лѣсомъ, „да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*, писалъ новый владѣлецъ, а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ“... Лучшимъ украшеніемъ Слободы служитъ большое живописное озеро съ высокими островами и нагорными берегами, по которымъ стелется хвойный лѣсъ. Сохранившаяся еще дѣвственность—присутствіе рысей, кабановъ, глухарей, медвѣдя и своеобразная красота озерной дали съ синѣющими островами положительно очаровывали Пржевальскаго. „Кругомъ все лѣсъ, говоритъ онъ, а изъ обрывистаго берега бьетъ ключъ. Мѣстность вообще гористая, сильно напоминающая Уралъ. Озеро *Сопша* въ гористыхъ берегахъ, словно Байкалъ въ миніатюрѣ“...

Вскорѣ, по пріобрѣтеніи Слободы, Николай Михайловичъ развелъ въ ней садъ, въ саду вырылъ прудъ, напустилъ рыбъ, построилъ домъ и приспособилъ старую, расположенную въ саду, хатку для писанія книги о путешествіи. Эта хатка была своего рода святая святыхъ души Пржевальскаго. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей-спутниковъ въ нее никто не допускался. Обыкновенные гости находили пріютъ въ „старомъ“ или „новомъ“ домѣ.

Наблюденіе за полевымъ хозяйствомъ Николай Михайловичъ ввѣрилъ въ высшей степени порядочному и симпатичному человѣку и образцовому сельскому хозяину, землемѣру по профессіи, Ефиму Сергѣевичу Денисову, а домашнее и молочное заведеніе своей нянѣ Ольгѣ Макарьевнѣ, къ которой привязался любящей душой, какъ къ матери... Денисовъ вѣдалъ многочисленнымъ мужскимъ персоналомъ служащихъ, Макарьевна—женскимъ... Перваго за справедливость и покладистость характера подчиненные очень любили, старуха же далеко не пользовалась такою симпатіей, въ особенности со стороны тѣхъ, кто попадалъ подъ ея злую руку и получалъ долго памятные „уроки совершенства“... Эти довѣренныя и близкія къ Николаю Михайловичу лица между собою старались быть корректными, хотя въ душѣ не выносили другъ друга, въ особенности ревнивая Макарьевна, позволявшая себѣ наговаривать на „управляющаго“, какъ всегда за-глаза называла Денисова... Николай Михайловичъ сглаживалъ отношенія полезныхъ ему людей

и уговаривалъ Макарьевну побольше отдыхать и поменьше хлопотать и волноваться по хозяйству.

„Вотъ какимъ, говорилъ Пржевальскій, я сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ. Но это все-таки не исключаетъ желанія, и даже весьма сильнаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь".

Пріятели съ улыбкой замѣчали, что съ покупкою имѣнія ему недостаетъ только хорошей хозяйки и что ему теперь слѣдуетъ жениться. Николай Михайловичъ отвѣчалъ на это категорическимъ „нѣтъ!"—Не измѣню я до гроба, говорилъ онъ, тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написавъ что нужно, снова махну въ пустыню, гдѣ при абсолютной свободѣ и у дѣла по душѣ, конечно, буду стократъ счастливѣе, нежели въ раззолоченныхъ салонахъ, которые можно было бы пріобрѣсти женитьбой.

Зная взглядъ, характеръ Пржевальскаго, его страсть къ наукѣ и путешествію, нельзя было и думать, что имѣніе было пріобрѣтено съ цѣлью „сѣсть на землю"; напротивъ, всѣ знакомые были увѣрены, что онъ не усидитъ ни у себя въ деревнѣ, ни въ Петербургѣ, что природа и свобода увлекутъ его въ новое странствованіе. ....„Грустное, тоскливое чувство, говоритъ Николай Михайловичъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найдти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастія.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять

вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь"...

Мечтая о новомъ путешествіи на болѣе широкихъ началахъ, Николай Михайловичъ пріискивалъ себѣ третьяго спутника. Кандидатовъ на подобную вакансію было огромное количество и ихъ всякаго рода заявленія, просьбы, рекомендаціи и прошенія направлялись къ Пржевальскому со всѣхъ концовъ Россіи.... Одни просились сами, за другихъ ходатайствовали отцы, друзья или начальники. „Осмѣливаюсь заявить вамъ, писалъ одинъ изъ желающихъ путешествовать, о своемъ страстномъ желаніи сопутствовать вамъ и раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, вслѣдствіе чего и дерзаю просить васъ принять меня въ небольшое число вашихъ избранниковъ. Съ своей же стороны прибавлю, господинъ полковникъ, что если понадобится вамъ когда-нибудь *моя голова, мое умѣнье и мои руки — все, все сложу за успѣхъ вашего предпріятія.* Еще разъ прошу васъ, если есть какая возможность, возьмите меня съ собою. Это моя давнишняя и завѣтная мечта, за исполненіе которой я готовъ на все,—буквально на все. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего разрѣшенія и моего: *„быть или не быть"*. При этомъ могу прибавить, что я, какъ казакъ, очень силенъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ. Быть можетъ и это не лишнее".

....Между тѣмъ съ пріобрѣтеніемъ Николаемъ Михайловичемъ Слободы въ собственность, начинается и мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Я жилъ тогда въ Слободѣ... я любилъ и продолжаю еще сильнѣе любить этотъ „далекій, дивный уголокъ"... Съ именемъ „Слобода" во мнѣ всегда просыпается первое самое сильное и самое глубокое воспоминаніе о Пржевальскомъ. Вѣдь такъ недавно еще я только мечталъ, только грезилъ, какъ можетъ мечтать и грезить шестнадцатилѣтній мальчикъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія газетъ и журналовъ о возвращеніи въ Петербургъ славной экспедиціи Пржевальскаго,—мечталъ и грезилъ о далекихъ странахъ, о тѣхъ высокихъ нагорьяхъ Тибета, гдѣ картины дикой животной жизни напоминаютъ первобытный міръ, завидовалъ юнымъ сподвижникамъ Пржевальскаго, завидовалъ даже всѣмъ тѣмъ, кто могъ видѣть и слышать героя путешественника... мечталъ и грезилъ, будучи страшно далекъ отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ... И вдругъ мечты и грезы мои

осуществились: вдругъ, неожиданно, тотъ великій Пржевальскій, къ которому было направлено все мое стремленіе, появился въ Слободѣ, очаровался ея дикой прелестью и поселился въ ней... При видѣ этого человѣка издали, при встрѣчѣ съ нимъ вблизи, со мною одинаково происходило что-то ужасное. Своей фигурой, движеніями, голосомъ, своей оригинальной орлиной головой, онъ не походилъ на остальныхъ людей; глубокимъ же взглядомъ строгихъ, красивыхъ голубыхъ глазъ, казалось, проникалъ въ самую душу... Когда я впервые увидѣлъ Пржевальскаго, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное благородное красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ моимъ внутреннимъ воображеніемъ.

Отъ Николая Михайловича неслась какая-то особенная струя, особенный запахъ, которые опьяняли человѣка и отдавали во власть его несравненной силѣ воли, энергіи и того высокаго обаянія, которое составляло отличительную черту характера Пржевальскаго. Еще ярче встало въ моей памяти его живое описаніе красотъ горной природы, широкихъ пустынныхъ далей, навѣвавшихъ поэтическій просторъ и еще сильнѣе захвачена была вся моя душа, весь я, влеченіемъ къ Пржевальскому... Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, Н. М. Пржевальскій быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣльный человѣкъ подчинилъ силѣ своего обаянія. Въ его неимовѣрно жизненной энергіи мое личное я растворилось и стало частицею его общаго собирательнаго имени. Тотъ день, когда я увидѣлъ первую улыбку, услышалъ первый задушевный голосъ, первый разсказъ о путешествіи, впервые почувствовалъ подлѣ себя „легендарнаго“ Пржевальскаго, когда я съ своей стороны въ первый разъ самъ смѣло и искренне заговорилъ съ нимъ—тотъ день я *никогда, никогда* не забуду; тотъ день для меня изъ знаменательныхъ *знаменательный*; тотъ день рѣшилъ всю мою будущность, и я сталъ жить этою будущностью...

Осенью 1882 года, я уже перешелъ подъ кровъ Николая Михайловича и сталъ жить одною жизнью съ нимъ... Пржевальскій явился моимъ великимъ отцомъ: онъ воспитывалъ, училъ и руководилъ общей и частной подготовкой къ путешествію... Въ теченіе первыхъ дней, даже недѣль, подъ обаяніемъ новой свѣтлой жизни и постояннаго общенія съ Николаемъ Михайловичемъ, подъ обаяніемъ его восторженныхъ разсказовъ о прелестяхъ страннической жизни, о величіи и красотѣ излюбленныхъ имъ горъ восточнаго Нань-Шаня, о райскихъ уголкахъ Тэтунга, его дикой, чарующей и глазъ, и душу природѣ, подъ обаяніемъ всего слышаннаго и въ осо-

бенности видѣннаго мною изъ предметовъ тѣхъ далекихъ странъ—мнѣ казалось, что я переживаю несбыточный сонъ; мнѣ чудилось, что я уже давно покинулъ Слободу какъ какой-то неизвѣстный уголокъ, что Слобода теперь стала своего рода центромъ, что она сдѣлалась извѣстной всѣмъ географамъ міра... Въ Слободѣ съ Пржевальскимъ, съ этимъ свѣточемъ живой науки, я увидѣлъ болѣе широкій горизонтъ.

Къ общему нашему удовольствію и радости въ январѣ 1883 года мнѣ удалось хорошо выдержать повѣрочное испытаніе при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, затѣмъ вскорѣ поступить въ Москву на военную службу, въ званіи вольноопредѣляющагося, прослужить тамъ три мѣсяца и въ апрѣлѣ быть зачисленнымъ по Высочайшему повелѣнію въ составъ новой четвертой экспедиціи Пржевальскаго въ Центральной Азіи—сбылось несбыточное!... Я уже оффиціально состоялъ при начальникѣ экспедиціи, полковникѣ Пржевальскомъ, его спутникомъ... Первой сознательной тихой радости моей не было конца... Въ концѣ апрѣля и началѣ мая—въ лучшій періодъ весны, я уже былъ съ Николаемъ Михайловичемъ снова въ Слободѣ, и счастливый, безконечно счастливый переживалъ мою первую весну настоящей жизни...

Но я уклонился немного въ сторону, въ маленькую частность, вернемся къ главному. Третій спутникъ былъ подысканъ, и Николай Михайловичъ спокойнѣе могъ продолжать писать заключительныя главы своего третьяго путешествія. Свободное же время или время отдыха онъ по-прежнему удѣлялъ улучшенію молодого сада—подсадкѣ плодовыхъ деревъ и ягодныхъ кустовъ, осушкѣ излишнихъ болотъ, наконецъ любимой имъ охотѣ или просто прогулкамъ пѣшкомъ или въ экипажѣ вдоль возвышенныхъ береговъ Сопша, на такъ называемую Чортову гряду, откуда съ одной стороны открывался самый далекій и самый живописный видъ на всю зеркальную площадь озера и усадьбу Слободу,—съ другой же—тянулся дикій дѣвственный высокоствольный лѣсъ могучихъ стройныхъ сосенъ... При видѣ всего этого Николай Михайловичъ каждый разъ приходилъ въ восторгъ и вспоминалъ природу Нань-Шаня, или самое путешествіе, а этого уже было достаточно, чтобы придти въ лучшее состояніе духа и по возвращеніи домой успѣшнѣе продолжать утомительное писаніе книги.

На улучшеніе Слободы, въ смыслѣ удобствъ жизни, расширеніе охоты, рыболовства Николай Михайловичъ не щадилъ средствъ и о доходахъ съ имѣнія не думалъ.—Говорю же я вамъ, повторялъ часто Пржевальскій своему управляющему, что я доходовъ не хочу

имѣть. Я смотрю на имѣніе не какъ на доходную статью, а какъ на дачу, въ которой можно бы было отдохнуть послѣ трудовъ. Для кого мнѣ собирать: дѣтей у меня нѣтъ и не будетъ, а для себя?—мнѣ много не надо.

Въ Слободѣ сѣялся овесъ не столько для продажи, сколько для домашняго обихода, а главное для пріученія медвѣдей ходить въ него и затѣмъ охотиться на нихъ. На охотѣ было сосредоточено все вниманіе владѣльца: лѣтомъ, или еще охотнѣе весной, напримѣръ, покупались маленькіе зайчата и отпускались на одинъ изъ острововъ Сопша—Большой или Погранный—а поздней осенью плавали туда въ лодкахъ поохотиться... Такая экскурсія устраивалась главнымъ образомъ для собственнаго пассивнаго удовольствія. Въ такомъ случаѣ Николай Михайловичъ не бралъ даже съ собою ружья, а лишь наблюдалъ за охотою другихъ, выбирая удобную вершину возвышающагося грядой острова... Лай гончихъ собакъ, мельканіе тамъ и сямъ испуганныхъ зайцевъ, крикъ взбудораженныхъ птицъ, выстрѣлы—все это вносило новую страницу въ охотничій спортъ тихой слободской жизни. Охота и дикость природы въ глазахъ Пржевальскаго имѣли особую прелесть.—Если въ Слободѣ, говорилъ онъ, проведутъ желѣзную дорогу, непремѣнно продамъ ее и не куплю другого имѣнія въ Европейской Ростіи, а поселюсь въ Азіи.

Радушіе и гостепріимство Николая Михайловича, его чистая, дѣвственная натура привлекала многихъ. Въ періодъ отдыховъ, онъ приглашалъ къ себѣ друзей и развертывался передъ ними во всю ширину русскаго радушія и своей могучей натуры. Подъ отдыхомъ онъ разумѣлъ полное отрѣшеніе отъ науки, даже отъ газетъ, и въ это время помимо повседневной обильной ѣды, въ большомъ количествѣ изводились, особенныя, какъ самъ хозяинъ называлъ, *заѣдочки, усладеньки, запивочки* [1]), и въ одинаковой мѣрѣ было ли это дома или же на охотѣ, рыбной ловлѣ, поѣздкѣ въ лѣсъ или на излюбленную Чортову гряду... Съ отъѣздомъ гостей, веселье проходило, и Николай Михайловичъ съ бо̀льшей энергіей отдавался прежнему писанію.

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржe-

---

[1]) Подъ словомъ заѣдочки подразумѣвались всякаго рода „вкусненькія“ закуски, подъ словомъ усладеньки—сласти вообще, а подъ запивочками—не крѣпкія вина, а фруктовыя воды или даже деревенскій квасъ.

вальскій отправился черезъ Москву въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же приступилъ къ печатанію своего труда. „Теперь, писалъ онъ, совѣту Императорскаго русскаго географическаго общества, когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи. Несмотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ—внутри азіатскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще остается огромнѣйшая площадь почти совершенно невѣдомая“...

Желая проникнуть въ Лхасу, Пржевальскій тѣмъ не менѣе не дѣлалъ ее исключительною и конечною цѣлью своего путешествія, наоборотъ онъ смотрѣлъ на свою общую задачу съ болѣе широкой точки зрѣнія, болѣе плодотворной для науки.—Если пустятъ насъ въ Лхасу, говорилъ онъ, то пойдемъ, а если нѣтъ—то и въ сторонѣ оставимъ, но до озера Тенгри-нора добраться постараемся.

Поставивъ себѣ главною задачею изслѣдованіе Сѣвернаго Тибета, Николай Михайловичъ набросалъ въ краткихъ чертахъ планъ будущей экспедиціи и предполагалъ имѣть въ ея составѣ трехъ помощниковъ и пятнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ. Разсчитывая пробыть въ Тибетѣ два года, онъ исчислилъ расходы въ сорокъ три съ половиною тысячи рублей и объ отпускѣ ихъ просилъ ходатайства совѣта географическаго общества. Совѣтъ принялъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, и вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ черезъ посредство министра финансовъ и черезъ Государственный Совѣтъ испросилъ требуемую сумму, на что восемнадцатаго мая того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Пока разрѣшался вопросъ о новой экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки“. Книга была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и заслужила лестныя похвалы какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ. Авторъ получилъ много восторженныхъ писемъ отъ соотечественниковъ и иностранцевъ, успѣвшихъ познакомиться съ увлекательнымъ разсказомъ путешественника.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаніи, подарилъ Николаю Михайловичу зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился, и поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Затѣмъ Николай Михайловичъ направился въ свою родную губернію попрощаться; полюбивъ новое гнѣздо—Слободу, онъ въ то же время помнилъ и старое—Отрадное. Къ сожалѣнію, пребываніе въ послѣднемъ причинило ему и на этотъ разъ большое огорченіе: здѣсь его спутникъ Эклонъ, собираясь жениться, отказался отъ участія въ экспедиціи. Въ грустномъ раздумьи Пржевальскій замѣтилъ—теперь для меня Слобода еще дороже...

... Девятаго августа 1883 года, экспедиція выѣхала изъ Москвы, а четырнадцатаго—уже была въ Перми. „Грустныя минуты, пишетъ Николай Михайловичъ, разставанія съ людьми близкими при отъѣздѣ изъ Москвы скользнули темною тучкою по ясному небу нашего радостнаго настроенія: впереди на цѣлыхъ два года, или даже болѣе, предстояла теперь намъ жизнь, полная тревогъ, новизны, свободы, служенія славному дѣлу... Опять передо мною мелькнула Волга и Кама, по которымъ я направлялся также въ экспедиціи въ 1870 и 1876 годахъ. И какъ недавно, кажется, все это было, а между тѣмъ, сколько было испытано за это время разныхъ передрягъ".

На дальнѣйшемъ пути къ Кяхтѣ, за Ураломъ, путешественники вновь поплыли сначала по Тоболу и Иртышу, а потомъ и по главной вѣтви бассейна—Оби. Новички цѣлыми днями не сходили съ палубы, любуясь оригинальною природою широкой Сибири. Пріятное водное сообщеніе въ Томскѣ смѣнилось длительнымъ, тяжелымъ почтовымъ передвиженіемъ до Байкала и за Байкалъ, самое же славное и священное въ глазахъ инородцевъ озеро это мы счастливо переплыли опять на пароходѣ, при чудной осенней погодѣ, когда прозрачный воздухъ прилежащихъ горъ былъ окрашенъ дивной синевою...

Знавшая и почитавшая Николая Михайловича, Кяхта встрѣтила и пріютила экспедицію самымъ радушнымъ образомъ. Въ Кяхтѣ же Пржевальскій получилъ письмо воспитателя царскихъ сыновей, генералъ-адъютанта Даниловича. „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, писалъ онъ, переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата. Исполняя это черезъ посредство главнаго штаба, желаю отъ души, чтобы эта посылка застала васъ до отправленія въ экспедицію. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ еще разъ и мои искреннѣйшія пожеланія о томъ, чтобы предстоящее путешествіе совершилось съ тѣми же важными результатами *для русской науки и русской славы*, которыми отличались ваши прежнія

путешествія. Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою".

Письмо это доставило Пржевальскому новое удовольствіе, и онъ, принося почтительную благодарность за высочайшій подарокъ, писалъ Г. Г. Даниловичу, что исполнитъ *„въ высшей степени драгоцѣнное"* для него желаніе Государя Наслѣдника Цесаревича относительно сообщенія о ходѣ его путешествія.

Несмотря на огромную опытность и тонкое пониманіе организаціи каравана, экспедиція прожила въ Кяхтѣ около мѣсяца, прежде нежели все было налажено, устроено, сформировано, и Николай Михайловичъ могъ съ улыбкою сказать: „завтра, наконецъ, выступаемъ"! Такимъ днемъ было двадцать первое октября, когда, по желанію казаковъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ и, затѣмъ кяхтинскими купцами предложенъ экспедиціи прощальный обѣдъ. Ровно въ три часа по полудни верблюды были завьючены и выстроились на улицѣ, запруженной родственниками и посторонними зѣваками, собравшимися проводить казаковъ. Караванъ двинулся, и черезъ нѣсколько минутъ путешественники переступили границу и очутились на китайской землѣ. Солдатики, снявъ шапки, перекрестили груди; на душѣ каждаго было легко, радостно, свѣтло— всѣ глубоко вѣрили въ своего великаго начальника...

Началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Передъ нимъ снова лежало неизвѣстное будущее, снова судьба всего дѣла много разъ должна была висѣть на волоскѣ, но онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Радостный, какъ и его спутники, онъ запечатлѣлъ волненіе своей души поэтическимъ восторгомъ:

...„Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ"...

На десятый день слѣдованія къ югу, путешественники достигли Урги, гдѣ остановились въ знакомомъ домѣ русскаго консульства, открыто расположенномъ въ общей долинѣ Толы, противъ священнаго массива Богдо-ула, которымъ справедливо можетъ гордиться

каждый монголъ, каждый лама, съ благоговѣніемъ вспоминающій имя мудраго китайскаго императора, положившаго начало къ сохраненію перваго природнаго памятника сѣверной Монголіи.

Въ Ургѣ было закончено снаряженіе экспедиціи пріобрѣтеніемъ собственныхъ животныхъ—верблюдовъ и лошадей и продовольственныхъ запасовъ, по части дзамбы и кирпичнаго чая... Персоналъ экспедиціи—все молодежь до единаго человѣка—былъ подобранъ счастливо. „Въ удачномъ выборѣ спутниковъ, говоритъ Николай Михайловичъ, заключается залогъ успѣха... Мое здоровье хорошо, расположеніе духа по большей части также хорошее, не то что бываетъ въ Петербургѣ“.

Распредѣливъ между нижними чинами должности, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ исполнять во время экспедиціи, Пржевальскій восьмого ноября выступилъ изъ Урги. Наканунѣ онъ прочелъ своему отряду слѣдующій приказъ: „Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ,—великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу до конца, и сослужить тѣмъ службу какъ для науки, такъ и для славы дорогого отечества“...

Общая картина каравана оставалась прежняя. Впереди всѣхъ слѣдовалъ Пржевальскій съ проводникомъ монголомъ и урядникомъ Телешовымъ, исполнявшимъ обязанность препаратора. Позади и подаль велъ караванъ заслуженный урядникъ Иринчиновъ, назначенный вахмистромъ экспедиціоннаго конвоя. Затѣмъ остальные казаки ѣхали, частью въ серединѣ каравана съ вольноопредѣляющимся Козловымъ, а частью въ арьергадѣ съ подпоручикомъ Роборовскимъ, слѣдившимъ за общимъ порядкомъ. Хвостомъ каравана служило стадо продовольственныхъ барановъ, подгоняемыхъ конным казакомъ или монголомъ.

За Ургой тотчасъ развернулась Гоби, поперекъ которой въ третій разъ шелъ Николай Михайловичъ... Миновавъ степной районъ, экспедиція вступила въ настоящую пустыню, тянувшуюся съ востока на западъ черезъ всю Центральную Азію до окраинъ горъ Нань-Шаня... По мѣрѣ движенія къ югу солнце ощутительнѣе грѣло путешественниковъ. Въ первый день новаго, 1884, года Пржевальскій со своими спутниками пилъ чай на открытомъ воздухѣ и любовался видомъ на Алашаньскій хребетъ... Въ самомъ Алашà было еще теплѣе—въ немъ по незамерзающимъ ключамъ, держались дупеля-

отшельники; но въ сосѣднихъ горахъ еще лежалъ снѣгъ; тѣмъ не менѣе Николай Михайловичъ не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть туда; хотя его теперь больше всего тянулъ къ себѣ Тэтунгъ-голъ, котораго экспедиція достигла въ половинѣ февраля, расположившись противъ монастыря въ самомъ живописномъ мѣстѣ. „Здѣсь, говоритъ Николай Михайловичъ, прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, устланные лѣтомъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, рядомъ съ дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самаго верхняго горнаго пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ каменныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно однообразныя, безжизненныя равнины Гоби...“

Здѣсь же на Тэтунгѣ впервые сознательно пробудилась и моя душа—я позналъ собственное влеченіе къ красотамъ дикой горной природы. Красавецъ Тэтунгъ то грозный и величественный, то тихій и ровный, часами удерживалъ на своемъ берегу Пржевальскаго и меня, и повергалъ моего учителя въ самое лучшее настроеніе, въ самые задушевные разсказы о путешествіи. Любуясь Тэтунгомъ, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь къ голосамъ ушастыхъ фазановъ, зеленыхъ сэрмуновъ и мелодичному пѣнію всевозможныхъ синицъ и завирушекъ, Николай Михайловичъ мечтою уносился еще дальше—въ роскошную Сы-чуань, съ ея бамбуковыми зарослями, обезьянами, лафофорами... Никогда и нигдѣ мы не были такъ высоко счастливы, такъ чисты сердцемъ, такъ воспріимчивы ко всему прекрасному, святому, какъ только въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди лѣсовъ и горъ, среди дикихъ рѣкъ и рѣчекъ, среди живой дѣвственной природы...

Въ самомъ монастырѣ великій путешественникъ былъ встрѣченъ довольно радушно, какъ старый знакомый, и по-прежнему получилъ разрѣшеніе охотиться въ монастырскихъ лѣсахъ, за исключеніемъ лишь ближайшей къ храмамъ святой горы, на которой благородные олени, не боясь человѣка и не зная въ немъ врага своего, держали себя подобно домашнимъ животнымъ.

Въ горахъ Гань-су мы, между прочимъ, поохотились за улларами... Вездѣ въ Центральной Азіи горная индѣйка, или улларъ (Megaloperdix thibetanus) является жителемъ высокихъ дикихъ горъ и при томъ самаго верхняго, альпійскаго ихъ пояса. Мѣстомъ своего ночлега эти птицы выбираютъ, обыкновенно, одинокія скалы на высокихъ, трудно доступныхъ вершинахъ. Подъ этими скалами, на землѣ, въ защитѣ отъ вѣтра, залегаютъ она на ночь плотною кучею. „Сидишь бывало въ засадкѣ, говоритъ Пржевальскій, и съ нетерпѣніемъ смотришь на солнце, которое какъ-то лѣниво прячется на

Улларъ (Megaloperdix thibetanus).

западѣ горизонта. Нижнія долины уже въ тѣни, а между тѣмъ, вершины горъ все еще освѣщены. Наконецъ, солнце заходитъ, и багровая заря разливается на мѣстѣ заката. Нетерпѣніе и охотничья ажитація увеличиваются—прислушиваешься къ каждому звуку, къ каждому шороху... Вотъ стая клушицъ усѣлась ночевать на ближайшей скалѣ; вотъ соколъ-пустельга прилетѣлъ туда же; но улларовъ все еще нѣтъ. Наконецъ, раздается вдали знакомый крикъ желанныхъ птицъ, и большой ихъ табунъ, обогнувъ дальнія скалы, быстро несется вверхъ, затѣмъ опускается за двѣ-три сотни шаговъ отъ мѣста ночлега. Усѣвшись на землю, уллары тотчасъ же бѣгутъ къ своему знакомому уютному уголку. Еще нѣсколько мгновеній—и весь табунъ длинною вереницею подбѣгаетъ къ охотнику въ мѣру

близкаго выстрѣла. Желанная минута! Въ темнотѣ сумерекъ блеснутъ разъ за разомъ два огонька, и загремитъ по ущельямъ эхо двухъ выстрѣловъ. Уллары поражены неожиданностью... однако, не желая разстаться съ ночлегомъ, не улетаютъ, но лишь отбѣгаютъ въ сторону. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ зарядить свое ружье, не показываясь изъ засадки. Проходитъ минутъ шесть—десять, и уллары, не замѣчая никого, снова бѣгутъ къ ночевкѣ, иногда только съ противоположной стороны. Теперь уже довольно темно, и птицъ издали не видно, слышенъ лишь голосъ вожака. Съ замирающимъ сердцемъ всматриваешься въ темноту и, наконецъ, различаешь близко бѣгущее стадо. Опять гремятъ два выстрѣла и опять уллары убѣгаютъ прочь; но спустя немного, снова возвращаются и снова попадаютъ подъ выстрѣлы. Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, вѣрно прицѣлиться невозможно. Тогда охотникъ выходитъ изъ засадки, собираетъ добычу и отправляется къ своему бивуаку, огонекъ котораго, словно маякъ, блеститъ внизу, въ ближайшей долинѣ...“

Изъ Чортэнтана экспедиція перенесла свой лагерь въ монастырь Чойбзэнъ, подлѣ котораго въ первый разъ встрѣтила хурдэ, или молитвенные цилиндры, вращаемые водою и устроенные тамъ и сямъ по горной рѣчкѣ, протекающей вдоль монастырскихъ холмовъ. Здѣсь также Пржевальскій былъ встрѣченъ радушно, и на другой день къ нему явился китайскій чиновникъ изъ Синина привѣтствовать экспедицію и передать ей письма, полученныя изъ Пекина. Воспользовавшись случаемъ, большинство путешественниковъ въ свою очередь также отправили вѣсти на родину. „У насъ все благополучно, писалъ Николай Михайловичъ, солдаты и казаки ведутъ себя отлично и живутъ дружно. Отрядъ совершенно на военномъ положеніи: всѣ мы ѣдемъ съ берданками и револьверами; днемъ и ночью очередныя дежурства, дисциплина неумолимая. Весело намъ и хорошо вдали отъ всѣхъ гадостей европейской жизни. Самъ я здоровъ совершенно; толстота пропала—похудѣлъ я теперь на четыре съ половиною вершка въ окружности.

„Теперь когда я въ своей юртѣ, на ящикѣ вмѣсто стола, пишу это письмо, на дворѣ идетъ небольшой снѣгъ, у насъ горитъ огонекъ. Козловъ и Роборовскій также пишутъ письма. Кончимъ свои писанія—будемъ ѣсть супъ изъ мяса яка съ рисомъ, затѣмъ пойдемъ на охоту. А кругомъ насъ тангуты, которые рады бы были проглотить нашу маленькую кучку, да только не легко это сдѣлать“.

И дѣйствительно, прежнее поведеніе Пржевальскаго такъ напугало китайскія власти, что теперь синиискій амбань уже не пытался противиться движенію на Куку-норъ и далѣе въ Цайдамъ, но отказывался только дать проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, знающихъ эту мѣстность. При этомъ, для наблюденія за путешественниками,

Хурдэ, вращаемое водою.

но подъ видомъ почета, амбань прислалъ нѣсколько десятковъ китайскихъ солдатъ, при двухъ офицерахъ. Сопровождавшій экспедицію китайскій конвой занимался пьянствомъ, дракою и грабежомъ жителей. Пржевальскій послалъ нарочнаго къ синиискому амбаню, съ просьбой убрать своихъ солдатъ, но отвѣта не было. Тогда Николай Михайловичъ объявилъ грабителямъ солдатамъ, что если они не уйдутъ, то будетъ по нимъ стрѣлять. Эта угроза подѣйствовала, и наша экспедиція отдѣлалась отъ китайскихъ соглядатаевъ.

Вскорѣ затѣмъ, караванъ благополучно поднялся на высокую долину озера Куку-нора и на сѣверномъ берегу его провелъ двое сутокъ по случаю праздника Пасхи. „Христосуясь съ казаками, пишетъ Пржевальскій, я далъ каждому, вмѣсто краснаго яйца, по полуимперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ почти нерасходовавшихся, мы полакомились теперь коньякомъ и кое-какими резервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ".

Отсюда не далеко было и до намѣченной станціи, или склада восточнаго Цайдама, котораго экспедиція достигла перваго мая. Мѣстный управитель Цзунъ-цзасакъ, получившій должныя секретныя инструкціи отъ китайцевъ, тормозилъ снаряженіе къ дальнѣйшему движенію въ Тибетъ, отговариваясь отъ знающихъ проводниковъ и продажи вьючныхъ животныхъ и продовольствія. Пржевальскій заявилъ, что если его требованія не будутъ исполнены, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, и далъ Цзунъ-цзасаку четыре дня на размышленіе. Когда все это ни къ чему не привело, „тогда, говоритъ Пржевальскій, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, я посадилъ Цзунъ-цзасака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва ли еще не бо́льшій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе, какъ непосредственно на самого Цзунъ-цзасака, такъ и косвенно на его сосѣда, Барунъ-цзасака. У послѣдняго отыскался для насъ проводникъ, а черезъ два дня намъ были доставлены и проданы четырнадцать хорошихъ верблюдовъ, сорокъ шесть отличныхъ барановъ и часть продовольствія. Тогда арестованные были отпущены во-свояси".

Складъ свой экспедиція устроила въ хырмѣ Барунъ-цзасака. Весь оставляемый багажъ былъ помѣщенъ въ двухъ наиболѣе просторныхъ конурахъ укрѣпленія. Въ составъ караула были назначены шесть казаковъ, подъ начальствомъ Иринчинова. Для развлеченія казакамъ были даны книжки для чтенія и сѣмена кое-какихъ овощей на посѣвъ; однако, огородниками они оказались плохими, но книжки читали охотно. Остальные участники экспедиціи, въ числѣ четырнадцати человѣкъ, отправлялись въ предстоявшую экскурсію, срокъ которой опредѣлялся отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ,

„Снарядились мы налегкѣ, да не совсѣмъ, говоритъ Пржевальскій. Имѣя всѣ данныя разсчитывать на недружелюбную и даже

враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на четырехмѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и проч. представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать шести-семи пудовъ".

Девятаго мая экспедиція выступила въ новый путь, а черезъ недѣлю уже достигла истоковъ Желтой рѣки, переваливъ по номохунской дорогѣ сѣверную грань Тибета—хребетъ Бурханъ-Будда. „Еще не позднимъ утромъ, семнадцатаго мая, пишетъ Пржевальскій, перешли мы въ бродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонь-тала. Такимъ образомъ давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь воочію таинственную колыбель, великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не имѣлось конца"...

Въ цѣляхъ болѣе широкаго обслѣдованія долины Хуанъ-хэ Николай Михайловичъ отправился въ экскурсію, съ двумя казаками, внизъ по теченію рѣки. Черезъ семнадцать верстъ встрѣтилось отличное кормное мѣстечко, и путники расположились на отдыхъ и завтракъ, отпустивъ и лошадей на свѣжую густую траву. Пока кормились лошади, Пржевальскій вздремнулъ, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ замѣтилъ въ сторонѣ двухъ медвѣдей и указалъ на нихъ начальнику. Схвативъ штуцеръ Ланкастера—завѣтный подарокъ офицеровъ генеральнаго штаба—Николай Михайловичъ, вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ, отправились къ звѣрямъ. Вскорѣ выяснилось, что медвѣдей было не два, а четыре, изъ коихъ два были убиты охотниками на мѣстѣ, а третій—казакомъ, охранявшимъ лагерь, куда испуганные мишки набѣжали случайно. Такимъ образомъ, неожиданно были пріобрѣтены прекрасные экземпляры тибетскихъ медвѣдей. Пока возились съ препаровкой звѣрей, на землю спустились сумерки, а затѣмъ и ночь, въ которую разразилась сильнѣйшая снѣжная буря. Къ утру получился полный зимній пейзажъ съ морозомъ въ двадцать три градуса Цельсія—это двадцатаго мая! „Я долго не вылѣзалъ изъ своей берлоги, говорилъ потомъ Николай Михайловичъ, образовавшейся изъ войлоковъ, мѣхового одѣяла и толстаго слоя снѣга, прикрывшаго меня сверху"... Усталые и продрогшіе путники вернулись на главный бивуакъ лишь въ

два часа пополудни, гдѣ за чашкой горячаго чаю съ восторгомъ дѣлились съ нами своими охотничьими впечатлѣніями.

Теперь положеніе экспедиціи было очень трудное; непривычныя къ тибетскимъ невзгодамъ животныя сильно страдали и на первомъ же слѣдующемъ переходѣ пришлось бросить верблюда и лошадь. Огромная высота, холодъ и сырость, а главное утомительные переходы вызывали головную боль; у нѣкоторыхъ казаковъ на лицѣ, преимущественно на губахъ и ушахъ, появилась особая сыпь, которую прижигали растворомъ карболовой кислоты; въ предупрежденіе лихорадокъ давался хининъ.

Только вступивъ въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна, при устьѣ рѣчки Бы-чю, что означаетъ „Козявковая“, отъ обилія всякаго рода жуковъ въ этой долинѣ, путешественники вздохнули свободнѣе, такъ какъ здѣсь абсолютная высота оказалась значительно меньшей, и солнце порою пригрѣвало по-лѣтнему. Лагерь былъ устроенъ въ красивомъ мѣстѣ подъ скалами.

Но тутъ произошла другая непріятность. Николай Михайловичъ вмѣстѣ съ Роборовскимъ отправились полюбоваться Голубою рѣкою, опредѣлили ея ширину, температуру воды и затѣмъ спокойно усѣлись на камень. „Вдругъ, говоритъ Пржевальскій, со скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ, и пуля ударила въ песокъ возлѣ насъ. Сначала мы не знали въ чемъ дѣло, но вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла, и пули опять прилетѣли къ намъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ насъ; сами же разбойники прятались видимо въ скалахъ. Лишь спустя немного показалось нѣсколько человѣкъ, перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой, и я пустилъ въ нихъ съ десятокъ пуль изъ бывшей съ нами берданки. Были ли убитые или нѣтъ—не знаю.

„Случай этотъ ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на-сторожѣ. Поэтому, прежде всего, мы перенесли свой бивуакъ изъ-подъ скалъ, откуда тангуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто; ночной караулъ былъ усиленъ, да при томъ всѣ спали не раздѣваясь и съ оружіемъ наготовѣ; увеличено было число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности“.

Послѣ ознакомленія съ долиною верхняго Ян-цзы-цзяна, Пржевальскій, за невозможностью переправиться черезъ эту рѣку, повернулъ обратно на Хуанъ-хэ, и черезъ нѣсколько дней достигъ зна-

комой, священной у тибетцевъ горы, гдѣ расположился на дневку... „Почти у самаго подножья обѣтованной горы, говоритъ Николай Михайловичъ, разбили мы свой бивуакъ. Громадныя отвѣсныя скалы, вѣнчающія ея вершину и разсыпанныя на западномъ склонѣ,

Снѣжный грифъ (Syps himalayensis).

гордо поднимались въ вышину; широкими полосами сбѣгали отъ нихъ каменныя осыпи; кое-гдѣ небольшими площадками являлись скудныя лужайки; на противоположномъ же скатѣ залегали отличные луга. Далеко по сторонамъ, во всемъ сонмѣ окрестныхъ горъ не было видно подобной каменной вершины, хотя послѣдняя и не выдѣлялась своею высотою. Коренные жители скалъ куку-яманы, грифы и уллары, нашли здѣсь для себя привольное убѣжище, тѣмъ

болѣе, что сама гора, сколько кажется, считается священною у мѣстныхъ тангутовъ.

„Съ самаго прихода осматривали мы въ бинокль заповѣдныя скалы, откуда изрѣдка доносился громкій крикъ улларовъ; громадные грифы [1]) садились по тѣмъ же скаламъ или плавно кружили въ вышинѣ надъ нашей стоянкой; по временамъ прилетала крикливая стайка клушицъ, или одиночный воронъ—и только.

„Но вотъ солнце порядочно уже опустилось къ западу, и словно изъ земли выросло на той же горѣ стадо куку-ямановъ. Они паслись на небольшой лужайкѣ возлѣ скалъ. Простымъ даже глазомъ хорошо было отъ насъ видно, какъ звѣри щипали траву, старые самцы пристально осматривались по сторонамъ, молодые барашки рѣзвились... Трудно было не искуситься подобнымъ соблазномъ—и, уступая общей просьбѣ своихъ спутниковъ, я отпустилъ нѣсколько казаковъ на охоту; самъ отправился съ П. К. Козловымъ на ту же гору, но только за птицами для коллекціи; поэтому мы взяли гладкоствольныя ружья. Казаки пошли нѣсколько раньше, въ обходъ наверхъ скалъ; мы полѣзли къ тѣмъ же скаламъ снизу. Планъ былъ тотъ, что спугнутые нами куку-яманы побѣгутъ вверхъ и наскочатъ на засѣвшихъ тамъ охотниковъ.

„Когда мы разошлись, звѣри, смѣтившіе недоброе, куда-то исчезли.

„Я поднимался вверхъ западнымъ бокомъ горы; Козловъ лѣзъ ея срединою. Условлено было первымъ намъ не стрѣлять, развѣ по какой-нибудь рѣдкой птицѣ, но таковой не отыскалось; мало было даже птицъ вообще. Раскаяніе брало меня, что не пошелъ со штуцеромъ за куку-яманами, но теперь дѣло это было непоправимо. Однако, на всякій случай, я вложилъ въ свое ружье Пёрде пульные патроны и присѣлъ за камень на боковомъ скатѣ горы. Черезъ нѣсколько времени вверху прогремѣли выстрѣлы, немного спустя раздалось эхо сброшенныхъ внизъ камней и, наконецъ, послышался глухой топотъ большого убѣгавшаго стада куку-ямановъ. Опрометью неслись они возлѣ высокихъ верхнихъ скалъ, перебѣжали на моихъ

---

[1]) Снѣжный грифъ (Gyps himalayensis) весьма распространенъ не только въ Гималаяхъ, но по всему Тибету и Тянь-Шаню. Никогда не преслѣдуемая въ Тибетѣ человѣкомъ, наоборотъ, постоянно получающая отъ него подачки въ видѣ мертвыхъ тѣлъ, эта громадная и осторожная птица ведетъ себя крайне довѣрчиво. Странно съ непривычки видѣть, какъ могучая птица, имѣющая около девяти футовъ въ размахѣ крыльевъ, пролетаетъ всего на нѣсколько десятковъ шаговъ надъ палаткою или надъ головою человѣка и тутъ же опускается на землю. Тотъ же грифъ, порою паритъ такъ высоко въ прозрачной синевѣ неба, что бываетъ замѣтенъ въ бинокль въ видѣ маленькой движущейся точки.

глазахъ чуть не по отвѣсной каменной кручѣ, спустились въ небольшое ущелье, а затѣмъ... о, великая радость! прямехонько направились въ мою сторону. Пуще прежняго притаился я въ своей засадкѣ; даже боялся глядѣть черезъ камень и только слушалъ, какъ приближался ко мнѣ топотъ звѣрей. Думалось—подпущу ихъ какъ можно ближе и уложу пару изъ обоихъ стволовъ. Такъ дѣйствительно и случилось, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Предательскій вѣтерокъ выдалъ чуткимъ животнымъ мое присутствіе... Все стадо сразу пріостановилось, а затѣмъ быстро шарахнулось въ сторону и снова остановилось, столпившись плотною кучею шагахъ въ полутораста отъ моей засадки. Тогда разъ за разомъ пустилъ я двѣ пули, разсчитывая, что онѣ найдутъ виноватыхъ. Послѣ этихъ выстрѣловъ куку-яманы бросились на прежнія скалы; двое же остались на мѣстѣ убитыми наповалъ.

„Вскорѣ на верху опять начались выстрѣлы,—то казаки палили по возвратившимся звѣрямъ, но при наступавшихъ уже сумеркахъ сдѣлали много промаховъ. Одинъ изъ казаковъ въ это время даже стрѣлялъ, какъ онъ объяснилъ „большую лисицу съ длиннымъ хвостомъ“, оказавшуюся леопардомъ, пробѣжавшимъ потомъ невдалекѣ отъ Козлова.

„Тѣмъ и закончилась наша вечерняя охота.

„Назавтра утромъ, мы снарядились опять на ту же гору за куку-яманами. Подзадоривала насъ также и надежда встрѣтить видѣннаго наканунѣ леопарда, но отыскать его не удалось. Опять нѣсколько охотниковъ зашли напередъ вверхъ на скалы; другіе полѣзли снизу. Стрѣлять велѣно было лишь крупныхъ самцовъ, самокъ даромъ не бить.

„Я взялъ винтовку Бердана и отправился въ засадку невдалекѣ отъ вчерашняго мѣста. Здѣсь высилась громадная скала конгломерата, и по ея лишь слегка наклоненному боку, тамъ, гдѣ развѣ можно пробраться мыши, вчера пробѣжало благополучно цѣлое стадо куку-ямановъ. Несомнѣнно, звѣри знали эту дорогу, и послѣ выстрѣловъ нашихъ охотниковъ должны были опять здѣсь спасаться. Настороживъ винтовку, я прилегъ за большой камень. Ожидать пришлось довольно долго. Тихо и спокойно было вокругъ; лишь по временамъ накрапывалъ дождикъ изъ пробѣгавшихъ тучъ. Ягнятники и грифы, чуявшіе добычу, то высоко парили въ облакахъ, то спускались ниже скалъ и налетали на меня совершенно близко. Я слѣдилъ за полетомъ этихъ могучихъ птицъ и любовался ими. Наконецъ, отрывисто раздался гулъ одиночнаго выстрѣла... Довольно заниматься грифами, нужно пристально сторожить ближайшія скалы... Высоко на нихъ вскорѣ показалась стройная фигура куку-ямана и

быстро исчезла. Еще напряженнѣе сосредоточилось мое вниманіе, еще сильнѣе забилось сердце страстнаго охотника... Вотъ, вотъ, думалось, явятся желанные звѣри, и руки невольно сжимали приготовленную винтовку... Но куку-ямановъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Видно бросились они на другую сторону горы и не подойдутъ къ засадкѣ... Сомнѣніе начинало брать верхъ надъ надеждою, радостное настроеніе замѣнилось унынiемъ, ажитація проходила... Вдругъ, какъ ошпаренный, выскочилъ впереди меня большой самецъ куку-яманъ, постоялъ нѣсколько секундъ и пустился легкою рысью поперекъ отвѣса конгломератовой стѣны, повыше ея средины. За вожакомъ показалось цѣлое стадо и тѣмъ же невѣроятнымъ путемъ бѣжало въ недальнемъ отъ меня разстояніи. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ совсѣмъ озадаченный на такое необычайное искусство куку-ямановъ; мнѣ казалось, что это двигались тѣни, а не животныя, и только жалобное блеяніе барашковъ разрушило иллюзію. Передовые звѣри миновали уже средину каменной стѣны, когда я наконецъ опомнился и выстрѣлилъ въ рогатаго вожака. Словно оторванный отъ скалы камень, громыхнулся онъ внизъ, сдѣлалъ два-три рикошета по стѣнѣ и кувыркаясь покатился далеко по крутому луговому скату. Стадо на мгновеніе пріостановилось... Я послалъ второй выстрѣлъ—и другой самецъ еще съ большимъ грохотомъ полетѣлъ съ высоты, но, попавши внизу на камни, вскорѣ остановился. Между тѣмъ стадо частью продолжало бѣжать впередъ, частью повернуло по той же стѣнѣ вверхъ и взобралось по такой отвѣсной каменной кручѣ, что у меня, глядя снизу, морозъ дралъ по кожѣ. Я даже не сталъ болѣе стрѣлять, соображая, что упавшій съ подобной высоты звѣрь едва-ли будетъ годенъ для коллекціи. Вернувшіеся назадъ куку-яманы вскорѣ опять попали подъ выстрѣлы нашихъ охотниковъ, пока наконецъ не залегли въ неприступныхъ скалахъ.

„Всего въ этотъ день убито было съ десятокъ звѣрей, но нѣкоторыхъ изъ нихъ достать мы не могли. Шерсть на шкурахъ, несмотря на конецъ іюня, была еще хорошая, зимняя. Мяса взяли немного, остальное пошло въ добычу грифамъ, которые еще во время нашей охоты слетѣлись сюда во множествѣ и устроили пиръ горою, лишь только мы возвратились на свой бивуакъ“.

На слѣдующій день, при переправѣ въ бродъ черезъ горную, вздувшуюся отъ дождя рѣчку, едва не утонулъ въ ней В. И. Роборовскій, спасавшій барановъ и едва не сдѣлавшійся жертвою своего ревниваго отношенія къ интересамъ экспедиціи.

Въ первыхъ числахъ іюля караванъ поднялся вновь на плато Тибета и вновь попалъ въ стужу и сырость. „Сырость,—пишетъ Николай Михайловичъ,—была ужасная. Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло,—собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить, вьюки и войлочныя сѣдла верблюдовъ также почти не переставали мокнуть и черезъ то значительно прибавляли своей тяжести.

„Еще сильнѣе отзывались всѣ эти невзгоды на казакахъ. На бивуакѣ двое изъ нихъ ежедневно пасли караванныхъ животныхъ, нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, или сильною метелью. Дежурный и поваръ на такомъ же дождѣ или снѣгѣ варили чай и обѣдъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, измокшіе, озябшіе и усталые казаки становились по-очередно, обыкновенно также при непогодѣ, на двѣ смѣны ночного караула“. Короче—жизнь экспедиціоннаго отряда была крайне трудная, но всѣ члены его держали себя молодцами и каждый свято исполнялъ возложенную на него обязанность. Эта стойкость въ борьбѣ съ природою и лишеніями побудила Николая Михаиловича увѣковѣчить дѣятельность экспедиціоннаго отряда въ тѣхъ мѣстахъ. Одно изъ озеръ верхней Хуанъ-хэ, а именно восточное Пржевальскій назвалъ *Русскимъ*, а западное—*озеромъ Экспедиціи*. „Пусть,—говоритъ онъ,—первое изъ названій свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человѣкъ, а второе—упрочитъ память нашей здѣсь экспедиціи, которая, какъ будетъ разсказано ниже, оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія тѣхъ же озеръ“.

При слѣдованіи экспедиціи внизъ по долинѣ Джагынъ-гола, дожди не переставали ее донимать, холода также, въ особенности по ночамъ, когда тихая поверхность болотъ покрывалась ледяною коркой. По-прежнему жители отсутствовали, но звѣрей встрѣчалось множество. Только вблизи озера Экспедиціи, впервые послѣ долгаго промежутка, были обнаружены тибетцы, многочисленной конной партіей, расположившейся на ночлегъ верстахъ въ двѣнадцати отъ нашего бивуака. Предполагая, что это былъ проходящій караванъ, Николай Михайловичъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе что въ отрядѣ всегда соблюдалась должная осторожность и экспедиціонныя собаки, „Соловей“ и „Машка“, сторожили отлично.

...„Наступившая теперь ночь, — пишетъ Пржевальскій — была облачная и очень темная, прошла она благополучно, только собаки сильно лаяли, но часовые наши этимъ не тревожились, предполагая, что кругомъ бивуака бродятъ дикіе яки, которыхъ днемъ очень много паслось по окрестнымъ долинамъ. На разсвѣтѣ дежурный казакъ разбудилъ П. К. Козлова, посмотрѣть показаніе термометра и побудилъ также своихъ товарищей, чтобы вставать; самъ же пошелъ къ огню и началъ раздувать его ручнымъ мѣхомъ. Въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ, и тотчасъ же часовой увидѣлъ большую толпу всадниковъ, скакавшихъ прямо на нашъ бивуакъ; другая куча неслась на насъ сзади. „Нападеніе!“ крикнулъ казакъ и выстрѣлилъ. Тангуты громко, но какъ-то пискливо загикали и пришпорили своихъ коней. Въ одинъ мигъ выскочили мы изъ обѣихъ палатокъ и открыли учащенную пальбу по разбойникамъ, до которыхъ въ это время разстояніе было около полутораста шаговъ. Не ожидая подобной встрѣчи и, вѣроятно, разсчитывая застать насъ врасплохъ спящими, тангуты круто повернули въ стороны и назадъ отъ нашего бивуака. Мы провожали негодяевъ частою пальбою. Къ сожалѣнію, утро было сѣрое и еще не разсвѣло, такъ что нельзя было мѣтко прицѣлиться, въ особенности вдаль. Однако возлѣ нашего бивуака валялись двѣ убитыя лошади и одинъ убитый тангутъ. Кромѣ того, видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали съ собою товарищи...

„Выбравшись изъ сферы нашихъ выстрѣловъ, разбойники раздѣлились на нѣсколько кучъ и съ вершинъ ближайшихъ холмовъ стали за нами наблюдать. Мы же прочистили свои винтовки, напились чаю, завьючили верблюдовъ и рѣшили самимъ теперь напасть на тангутскій бивуакъ, перекочевавшій ночью не далѣе какъ верстъ на шесть отъ нашей стоянки. Необходимо было это сдѣлать, чтобы отогнать негодяевъ отъ близкаго сосѣдства и отбить у нихъ охоту къ дальнѣйшимъ на насъ нападеніямъ.

„Лишь только караванъ нашъ двинулся въ направленіи тангутскаго бивуака, всѣ до единаго разбойники мигомъ поскакали на свое стойбище. Мы продолжали медленно туда подвигаться съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховыя лошади шли плотною кучею. Когда такимъ образомъ мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человѣкъ около трехсотъ, выстроилась впереди бивуака верхомъ въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты

рѣшили дать намъ отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать. Но такъ какъ позади тѣхъ же разбойниковъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться наискось мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же намъ ихъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы пустили четырнадцать залповъ. Несмотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-шириковъ не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлъ самаго дальняго полета нашихъ пуль, и мы прекратили стрѣльбу. Всего, какъ теперь, такъ и утромъ, нами было выпущено около пятисотъ патроновъ. Число же убитыхъ и раненыхъ разбойниковъ мы полагали въ десять человѣкъ; убито было также нѣсколько лошадей.

„Раздѣлавшись съ тангутами, мы вскорѣ вышли на сухое мѣсто гдѣ и раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и казаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ-офицеры и урядники. Грозная бѣда миновала удачно. Счастье опять намъ послужило, хотя бы и тѣмъ, что наканунѣ я не могъ переправиться черезъ Джагынъ-голъ и уѣхать втроемъ отъ своего крошечнаго отряда“.

На слѣдующій день караванъ пошелъ далѣе на югъ, переправился черезъ рѣчку, которая впадаетъ въ озеро Русское, и Пржевальскій въ память событія назвалъ ее „Разбойничьей“. Въ караванѣ теперь было всего семь лошадей и двадцать четыре верблюда, изъ которыхъ пять едва передвигали ноги. Для облегченія вьюковъ пришлось бросить часть дзамбы и идти по очереди пѣшкомъ. На случай нападенія тангутовъ, усилены были мѣры предосторожности: разъѣзды не посылались, бивуакъ располагался тыломъ къ болоту или озеру—и по ночамъ выставлялись парные часовые; караванныхъ животныхъ пасли у самаго бивуака, и всѣ ложились спать не раздѣваясь и съ оружіемъ возлѣ себя.

Предосторожность эта была не лишнею, такъ какъ, при изслѣдованіи озера Русскаго, нашъ отрядъ подвергся новому нападенію *н'голоковъ*—разбойниковъ, обитающихъ ниже по долинѣ Желтой рѣки. На этотъ разъ разбойники численностью также до трехсотъ человѣкъ напали на экспедицію днемъ и, казалось, дѣйствовали болѣе рѣшительно, нежели прежде.

...„Вся шайка разбойниковъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—приблизившись къ намъ на разстояніе около версты, съ громкимъ

гиканіемъ бросилась въ атаку. Гулко застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда дикая, кровожадная... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка—четырнадцать человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода, какъ смерть или побѣда...

„Когда разстояніе между нами и разбойниками сократилось до пятисотъ шаговъ, я скомандовалъ „пли“ и, полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако тангуты продолжали скакать, какъ ни въ чемъ не бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ (какъ намъ потомъ переводилъ китаецъ): „бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ (курьезно!), онъ намъ поможетъ“. Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, не доскакавшая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники спѣшились и открыли въ насъ пальбу на разстояніи около трехсотъ шаговъ. Мы же не могли стрѣлять въ закрытыхъ уваломъ тангутовъ. Тогда я рѣшилъ наудалую штурмомъ выбить ихъ изъ этой засады. Все равно—тангуты могли насъ перестрѣлять на совершенно открытой мѣстности, или ободрившись нашею нерѣшительностью, снова броситься въ атаку. Теперь же роли выгодно для насъ перемѣнились—мы сами шли на разбойниковъ и такою дерзостью искупали свою малочисленность.

„Оставивъ для прикрытія бивуака поручика Роборовскаго съ пятью казаками, съ остальными семью я отправился выбивать тангутовъ. Эти послѣдніе, увидавъ, что мы бѣжимъ къ нимъ, открыли по насъ частую пальбу, которая затѣмъ вдругъ стихла. Когда же первый изъ насъ, именно урядникъ Телешовъ взбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть во-время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошла немалая суматоха, пользуясь которою мы открыли съ занятаго теперь увала пальбу въ кучу разбойниковъ и убили нѣсколькихъ. Но, какъ и прежде, тангуты подхватывали на всемъ скаку почти всѣхъ погибшихъ или раненыхъ товарищей и увозили ихъ съ собою.

„Отбитые съ ближайшей къ намъ позиціи разбойники скрылись за слѣдующій увалъ. Тогда, воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, мы живо протерли смоченными тряпками закоптѣлые,

сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ къ намъ на увалъ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который, при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки и долго не выходилъ оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ ведро воды для питья.

„Засѣвшіе на второмъ увалѣ тангуты вскорѣ открыли опять по насъ стрѣльбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятый увалъ, иначе мы могли быть отрѣзанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ вольноопредѣляющагося Козлова съ четырьмя казаками впередъ и нѣсколько въ сторону, на небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады. Между тѣмъ часть шайки, человѣкъ около пятидесяти, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытія, бросились туда, но были встрѣчены пальбою оставленныхъ людей и отбиты. Тогда, видя всюду неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ, останавливаясь гдѣ можно за бугорками и небольшими увалами. Мы провожали негодяевъ пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевязки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партія человѣкъ въ пятьдесятъ, вѣроятно остававшихся на бивуакѣ; они присоединились теперь къ своимъ товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ, ожидая новаго нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступавшія уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около восьмисотъ патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему заключенію, до тридцати человѣкъ“.

Предполагая, что разбойники могутъ атаковать бивуакъ ночью, участники экспедиціи не спали до утра и просидѣли въ двухъ группахъ по флангамъ своего расположенія. Ночь была темная, шелъ дождь и бушевалъ сильный западный вѣтеръ, но къ счастью нападенія не послѣдовало.

„Товарищи! писалъ Пржевальскій въ приказѣ по своему отряду. Вчера было сдѣлано новое на насъ нападеніе разбойничьей тангутской шайки, численностью около трехсотъ человѣкъ. Вы мужественно встрѣтили лютаго врага въ двадцать разъ многочислен-

нѣйшаго, и послѣ двухчасового боя разбили и прогнали его. Этою побѣдою, равно какъ и предшествовавшею, куплено изслѣдованіе большихъ до сихъ поръ невѣдомыхъ озеръ верхняго теченія Желтой рѣки. Вы сослужили славную службу для науки и для славы русскаго имени! За таковой подвигъ я буду ходатайствовать о награжденіи каждаго изъ васъ знакомъ отличія военнаго ордена...“

Вслѣдъ затѣмъ, экспедиція направилась вдоль южной окраины озеръ и самой долины Хуанъ-хэ, къ Цайдаму, котораго успѣшно и достигла въ началѣ августа. На складѣ нашемъ все оказалось благополучнымъ. Отсюда были отправлены письма къ роднымъ и знакомымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пржевальскій просилъ русскаго консула въ Кашгарѣ, Петровскаго, похлопотать у хотанскихъ властей, чтобы они давали проводниковъ и содѣйствовали покупкѣ разныхъ продуктовъ. „Болѣе ничего не требуется, писалъ Николай Михайловичъ; никакихъ конвоевъ и парадныхъ встрѣчъ намъ не нужно, все это только великая помѣха для работъ экспедиціи. — Мы всѣ находимся въ вожделѣнномъ здравіи, живемъ дружно и помаленьку мастеримъ великое дѣло изслѣдованія Тибета. Мои спутники, казаки и солдаты, отличные люди, съ которыми можно пройдти вездѣ и сдѣлать все“.

— Собственно говоря, справедливо замѣчаетъ Н. Ѳ. Дубровинъ, Пржевальскій представлялъ собою имя собирательное—духъ цѣлой горсти людей. При его имени нельзя не вспомнить его спутниковъ: Ягунова, Пыльцова, Эклона, Роборовскаго, Козлова... нельзя не вспомнить замѣчательныхъ участниковъ конвоя: Иринчинова, Нефедова, Телешова, Иванова... Всѣ они подчинялись духу и волѣ Николая Михайловича. Его желанія были ихъ желаніями и другихъ имѣть они не могли. Своихъ спутниковъ онъ любилъ какъ дѣтей и искренно былъ благодаренъ, когда оказывали имъ вниманіе—оно было для него дороже, чѣмъ оказанное ему самому.

.... „Отъ посѣщенія Лхасы отказываюсь, писалъ Пржевальскій одному изъ друзей, въ виду важности намѣченныхъ изслѣдованій и возможности того, что насъ опять не пустятъ въ столицу Далай-Ламы, въ особенности послѣ двукратнаго побитія тангутовъ на Желтой рѣкѣ“.

Во время двухнедѣльнаго отдыха въ Цайдамѣ, караванъ успѣлъ отремонтироваться во многихъ отношеніяхъ и въ самое лучшее время года — осенью направился къ западу вдоль Цайдамской равнины. Невольная продолжительная остановка въ Номохунъ-хото,

по случаю болѣзни верблюдовъ, дала возможность экспедиціи въ лучшемъ уголкѣ Цайдама, при рѣчкѣ и порядочной площади хлѣбныхъ полей, наблюсти осенній пролетъ пернатыхъ и добыть помимо птицъ еще и мѣстныхъ грызуновъ. За растительной полосой Цайдамской равнины потянулась пустыня то глинистая, то каменистая, до отличнаго урочища Гасъ, гдѣ экспедиція сосредоточила вторую свою базу.

Зимняя экскурсія на сѣверное тибетское нагорье исполнена съ большимъ напряженіемъ физическихъ силъ; холода, бури, разрѣженный воздухъ дали себя почувствовать даже нашимъ сильнымъ организмамъ. Только географическія открытія большой важности—открытіе новыхъ колоссальныхъ хребтовъ, озеръ, которымъ по праву перваго изслѣдователя Пржевальскій далъ свои названія, удачныя пополненія зоологическихъ коллекцій крупными формами млекопитающихъ въ родѣ, напримѣръ, каменнаго барана или аргали Дамы-Ламы (Ovis Dalai-Lamae),—только сознаніе важности задачи въ связи съ беззавѣтнымъ стремленіемъ къ общему познанію облегчали всѣ трудности и невзгоды и помогли обслѣдовать значительный районъ, не посѣщенный до насъ никѣмъ изъ европейцевъ. „Далѣе не пошли, говоритъ Николай Михайловичъ, ибо наши лошади въ конецъ устали, да и продовольственные запасы почти совсѣмъ истощились. Но чтобы осмотрѣть, на сколько возможно, мѣстность еще впереди, я отправился съ послѣдняго бивуака въ недалекую окраину Цайдамскаго хребта и, поднявшись здѣсь тысячи на полторы футовъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя засѣчки буссолью. Случайно выпавшая на нѣсколько часовъ хорошая, ясная погода, вполнѣ благопріятствовала этой экскурсіи. Высокія горы вверхъ и внизъ по долинѣ Хатынъ-зана были отлично видны на далекомъ протяженіи. Между ними громадная Джинъ-ри рельефно выдѣлялась на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Ея ледники блестѣли на солнцѣ, словно гигантскія зеркала. Гривою протягивалась отъ названной горы къ западу, верстъ на двадцать пять—тридцать, такая же громадная ледниковая масса, вѣроятно зачатокъ хребта Колумба. Долина наша къ востоко-юго-востоку уходила за горизонтъ. Въ ближайшей ея части замерзшій Хатынъ-занъ тянулся серебряною лентою и, заворачивая круто къ югу, прятался въ горахъ, вблизи своихъ истоковъ. Къ сѣверу совсѣмъ близко высилась западная снѣговая группа Цайдамскаго хребта и заслоняла собою болѣе далекій въ эту сторону горизонтъ.

„Такимъ образомъ, въ связи съ предшествовавшими изысканіями, достаточно выяснилось теперь положеніе какъ ближайшихъ

намъ хребтовъ, такъ и долины Хатынъ-зана. Можно было возвратиться на складъ".

Одиннадцатаго января 1885 года тибетская экскурсія была окончена: путешественники всѣ собрались въ Гасѣ. Погода сдѣлалась теплѣе и, пользуясь этимъ, всѣ стали приводить себя въ порядокъ: стриглись, мылись, чистились, чинились, и на сколько позволяли средства отпраздновали Новый годъ.

Трое сутокъ было употреблено на просушиваніе собранныхъ зоологическихъ коллекцій, перекладку багажа, исправленіе вьюковъ и проч. Затѣмъ, мы покинули свою прекрасную стоянку и направились къ сѣверу на Лобъ-норъ, по пути, отысканному разъѣздомъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

Въ концѣ января экспедиція пришла на Лобъ-норъ и устроилась лагеремъ на старомъ, хорошо знакомомъ Пржевальскому мѣстѣ, возлѣ селенія Абдалъ. Лобнорцы оказались радушными и предупредительными. Продовольствія для чиновъ экспедиціи доставлялось въ изобиліи. Жизнь шла спокойно, ея однообразіе ничѣмъ не нарушалось. Симпатичнѣйшій старичекъ—Кунчиканъ-бекъ былъ нашимъ ежедневнымъ желаннымъ гостемъ...

Только, однажды, вскорѣ съ прихода на Лобъ-норъ, экспедицію побезпокоилъ царственный звѣрь—тигръ, задушившій ея огромнѣйшаго пса, пріобрѣтеннаго въ Цайдамѣ... Въ ту же ночь тигръ умертвилъ возлѣ Абдалъ корову и осла, и безнаказанно ушелъ въ глубь высокихъ камышей.

Между тѣмъ наступилъ февраль, съ которымъ объявилось весеннее тепло и полетѣли птицы. Лобъ-норъ пробудился, ожилъ. Появилось большое оживленіе и среди участниковъ экспедиціи. Больше другихъ охотился самъ Николай Михайловичъ и его ближайшіе сотрудники... Охоты предпринимались компаніей или въ одиночку по утрамъ, вечерамъ или даже во всякіе другіе часы теплаго солнечнаго дня, въ особенности въ періодъ валового пролета, когда въ воздухѣ ни днемъ, ни ночью не смолкали голоса пернатыхъ.

.... „Съ вечера приготовлены, пишетъ Николай Михайловичъ—ружье, патроны и охотничье одѣяніе. Дежурному на послѣдней смѣнѣ казаку приказано разбудить, чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнетъ ночь и живо откликнешься на будящій зовъ дежурнаго. Одѣнешься и тихомолкомъ выйдешь изъ юрты, въ которой крѣпкимъ сномъ спятъ товарищи. Едва замѣтная полоска свѣта начинаетъ отливать на востокѣ, но еще не слышно голосовъ птицъ;

только изрѣдка гогочутъ гуси да гукаетъ выпь. Поспѣшно отправляешься къ своей засадкѣ. Тропинки туда хотя нѣтъ, но мѣстность хорошо знакома, такъ что и въ темнотѣ знаешь, гдѣ перейти поперечную канавку, или пролѣзть сквозь тростникъ. Нѣсколько утокъ и гусей, вспугнутыхъ по пути, шумно захлопали крыльями и отлетѣли въ сторону. Но вотъ и засадка — маленькій клочекъ полусырой земли среди разливовъ и тростника; послѣднимъ заранѣе огорожено то мѣсто, гдѣ нужно спрятаться. Снимешь фуражку, чтобы лучше укрыться, и садишься на тростниковую подстилку. Ждать приходится не долго. На востокѣ побѣлѣла уже порядочная полоска неба, и одна за другой начинаютъ просыпаться птицы. Громче и усерднѣе загоготали гуси, запищали въ тростникѣ лысухи, учащеннѣе раздается гуканье выпи и звонкій голосъ водяного коростеля, свистятъ, крякаютъ и кыркаютъ разныя утки; затѣмъ, когда еще посвѣтлѣетъ, запоютъ жаворонки, камышевыя стренатки и сорокопуты; по временамъ раздается отвратительное карканье вороны и крикъ лѣниво летящей чайки или сѣрой цапли... Не разнообразна и не богата серія лобъ-норскихъ пѣвцовъ, но и такимъ радуешься въ здѣшнихъ пустыняхъ; все-таки же это жизнь, а не могильное молчаніе безплодныхъ равнинъ, гдѣ только завываніе бури нарушаетъ вѣковую тишину...

„Однако наслажденіе природою не совершенно поглощаетъ вниманіе охотника. Онъ прислушивается и напряженно осматривается по сторонамъ, выжидая добычи.

„Нѣсколько разъ утки пролетали черезъ засадку, даже садились возлѣ на чистую воду, но на нихъ не обращается вниманіе. Гуси то парами, то небольшими стайками перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; передовые самцы гогочутъ—въ знакъ успокоенія товарищей. Но ошибся одинъ изъ такихъ вожаковъ и навелъ стадо на роковое мѣсто. Охотникъ издали замѣтилъ добычу и еще болѣе притаился въ своемъ уголкѣ. Когда же птицы налетѣли на голову—быстро вскинуто ружье и выстрѣлъ или два загремѣли въ тишинѣ ранняго утра. Тяжело шлепнулся на воду убитый гусь, съ громкимъ крикомъ начали улепетывать остальные... Грохотъ выстрѣла переполошилъ и другихъ птицъ по-близости. Бросились онѣ, которыя куда, сами не зная, въ чемъ дѣло и гдѣ опасность. По всѣмъ направленіямъ засновали утки; лысуха низко перелетѣла изъ одного тростника въ другой; ближайшіе гуси также поднялись и полетѣли въ стороны... Охотникъ тѣмъ временемъ вложилъ въ свое ружье новый патронъ и ждетъ новой добычи. Въ суматохѣ нерѣдко вновь налетаютъ гуси и опять раздаются по нимъ выстрѣлы. Затѣмъ, понемногу, все успокоивается и начинаетъ веселиться по-прежнему.

„Между тѣмъ восходитъ солнце, но не яркое, какъ у насъ, а какимъ-то мутнымъ дискомъ, сначала чуть замѣтнымъ сквозь нижніе слои пыльной атмосферы; вверху же небо довольно чисто и лишь кое-гдѣ по немъ разсыпаны легкія перистыя облака. Теплота, несмотря на раннее утро, довольно значительная; росы нѣтъ, хотя кругомъ вода и болота. Съ восходомъ солнца начинается летъ утокъ вдоль Лобъ-нора—это запоздавшія пролетныя стаи направляются къ сѣверу, а нѣкоторыя изъ нихъ только что сюда прилетѣли. Такія стаи обыкновенно идутъ внѣ выстрѣла; шумъ ихъ крыльевъ напоминаетъ порывъ сильнаго вѣтра. Мѣстныя же птицы летаютъ низко, не торопясь и не въ одномъ направленіи, но какъ попало. Утокъ по-прежнему не стрѣляешь, развѣ изрѣдка пустишь зарядъ въ стайку красноносокъ—ожидаешь бѣлую цаплю или большую чайку, которыя нужны для коллекціи. Но эти птицы рѣдки на Лобъ-норѣ, такъ что, прождавъ иногда напрасно часовъ до семи утра, выходишь изъ засады и со скудною добычею возвращаешься на бивуакъ“.

Двадцатаго марта Пржевальскій во главѣ экспедиціи оставилъ Лобъ-норъ. Наступилъ послѣдній періодъ экспедиціи, въ который ставился на очередь изслѣдованія Восточный Туркестанъ. Начальный маршрутъ пролегалъ черезъ населенные магометанами пункты: Чаккаликъ, Черченъ и, особенно отрадный послѣ пустыни, оазисъ Ясулгунъ въ древне-историческій городъ Кэрію. „Въ Ясулгунѣ, говоритъ Николай Михайловичъ, была отпразднована нами шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно, по средствамъ, какія имѣлись на лицо, мы устраивали послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

„Тѣ же ясулгунцы сообщили теперь намъ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и секретныхъ козней противъ насъ со стороны китайцевъ. Эти послѣдніе не только всюду запретили туземцамъ входить съ нами въ близкія сношенія и сообщать правду на наши разспросы, но даже приказали увести въ горы мѣстныхъ верблюдовъ, также частью лошадей и вслѣдъ за ними прогнать стада барановъ, чтобы скрыть слѣды. Затѣмъ, узнавъ, что мы намѣрены пройдти въ Тибетъ изъ Кэріи, мѣстный китайскій начальникъ послалъ разрушить въ горахъ мостъ и испортить дорогу. Тотъ же начальникъ или, какъ его здѣсь величаютъ, амбань, приказалъ собрать въ Кэріи отъ жителей запасной хлѣбъ, сложилъ его въ восьми сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ее въ случаѣ возстанія жителей по нашемъ приходѣ.

Самъ амбань нѣсколько ночей сряду выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города и ночевалъ въ палаткѣ, опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ.

Ранѣе того, полицейскіе въ Кэріи отбирали у обывателей небольшіе ножи, носимые на поясахъ, и отламывали у этихъ ножей острые концы, дабы сдѣлать такое невинное оружіе еще болѣе безопаснымъ. Кромѣ того, китайцы, да и туземцы были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ возились собранныя нами коллекціи, спрятаны наши солдаты. Словомъ, какъ теперь, такъ и послѣ не прекращались нелѣпые слухи и выходки, которыми китайцы старались повредить намъ, заявляли лишь свою трусость и дискредитировали себя въ глазахъ мѣстнаго населенія. Для насъ же ясно теперь стало, что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы попасть въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было изъ Кяхты".

Перваго іюня экспедиція выступила изъ Ясулгуна въ Кэрію. „Это огромный оазисъ, пишетъ про Кэрію Николай Михайловичъ, въ которомъ до трехъ тысячъ фермъ. Фруктовые сады сплошь, и мы теперь объѣдаемся абрикосами... Намъ устроенъ былъ парадный пріемъ. Помимо солдатъ, собраны были всѣ власти Кэріи; въ воротахъ помѣщенія китайскаго начальника намъ салютовали тремя выстрѣлами и музыкою; хозяинъ встрѣтилъ насъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ намъ чай". Эти любезности не мѣшали сдѣлать подъ рукою распоряженія иного рода—чтобы туземное населеніе не посѣщало русскихъ и не разсказывало бы имъ объ отношеніяхъ ихъ къ китайской администраціи. Любопытство однако же пересиливало угрозы, и туземцы постоянно приходили на нашъ бивуакъ. Не малою для нихъ приманкою была гармоника, на которой, по вечерамъ, играли казаки. Слухъ объ этомъ удивительномъ инструментѣ шелъ далеко впереди экспедиціи и притягивалъ многихъ. Рядомъ съ этимъ, китайскія власти принимали бо́льшія мѣры къ тому, чтобы затруднить наше путешествіе на югъ; они не стѣснялись портить дороги, уничтожать мосты, горные карнизы и проч.

„Но опять не посчастливилось китайцамъ, говоритъ Пржевальскій, для насъ гораздо интереснѣе идти отъ Кэріи на юго-востокъ, чѣмъ прямо на югъ. При первомъ свиданіи, я объявилъ китайскому амбаню, что мы пойдемъ на юго-востокъ, и что если туземцы—показываю видъ, что китайцы этого не сдѣлаютъ—вздумаютъ испортить дорогу, то для починки ея, я призову русскихъ солдатъ изъ Кашгара. Китайцы даже глаза вытаращили при подобной угрозѣ и тотчасъ же обѣщали принять мѣры къ охраненію пути. Затѣмъ, по

моему требованію, амбань приказалъ отвести въ Кэріи фанзу для склада нашего лишняго багажа, собранныхъ коллекцій и мѣста для пастьбы нашихъ верблюдовъ".

Туземцы очень скоро поняли настоящую суть отношеній китайцевъ и русскихъ и исправляя дороги по приказанію русскихъ, какъ приводили ихъ только недавно въ невозможный видъ по приказанію китайцевъ, еще болѣе возненавидѣли своихъ управителей и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ вырѣзать ихъ.

— Прикажи, говорили они Пржевальскому,—мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ. Мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Бѣлаго Царя. Мы знаемъ, какая теперь справедливость водворилась въ русскомъ Туркестанѣ... А у насъ—каждый китайскій чиновникъ, даже каждый китайскій солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго выносить подобнаго положенія; у многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе—нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хотя простого казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ".

Съ Кэрійской рѣки экспедиція направилась вверхъ по лѣвому ея притоку—Курабу, въ долинѣ котораго встрѣтила колонію Пòлу, гдѣ и провела около недѣли времени. Получивъ отъ китайцевъ самые неодобрительные отзывы о русскихъ, о ихъ якобы грабежахъ и насиліяхъ, полу'сцы вначалѣ старались сторониться экспедиціи, не входили съ ней ни въ какія сношенія и даже спрятали лучшую одежду и лучшія вещи въ горахъ, но, когда увидѣли и убѣдились въ обратномъ тому, что говорили китайцы, то такъ подружились съ нами, что устроили „тамашу"—танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. „Наши казаки, говоритъ Николай Михайловичъ, также принимали участіе въ общемъ веселіи, лихо отплясывали по-своему, подъ звуки гармоники; инструментъ этотъ приводилъ слушающихъ въ восторгъ. Въ антрактахъ танцевъ появлялись скоморохи: одинъ наряженный обезьяною, другой козломъ, третій, изображавшій женщину, верхомъ на лошади, выдѣлывалъ очень искусныя штуки. Сначала наше присутствіе немного стѣсняло туземцевъ, которые даже извинялись, что ихъ женщины не могли хорошо нарядиться, ибо лучшее платье, вслѣдствіе китайскихъ навѣтовъ, далеко спрятано въ горахъ, потомъ всѣ освоились и веселились отъ души. Вообще, наши казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда мы уходили изъ Пòлу, женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: „уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ".

Въ нагорной полосѣ, гдѣ слѣдовала экспедиція, дожди почти не переставали, караванныя животныя—лошади измучились и половина изъ нихъ была не годна для движенія по глинисто-каменистымъ скользкимъ дорогамъ. Между тѣмъ направленіе Кэрійскаго хребта [1]), его топографическій рельефъ, флора и фауна достаточно были обслѣдованы, и Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на

Горный козелъ (Capra sibirica).

Кэрійско-хотанскую дорогу, въ оазисъ Чира, куда, черезъ извѣстный промежутокъ времени, былъ доставленъ и экспедиціонный транспортъ, остававшійся на складѣ въ Кэріи.

---

[1]) Въ скалистыхъ частяхъ означеннаго хребта, вблизи альпійскихъ луговъ, держится очень осторожный звѣрь—горный козелъ (Capra sibirica), за которымъ охота еще болѣе затрудняется мало-доступной, по крутизнѣ, мѣстностью и осыпями скалъ, не дающими возможности подкрасться незамѣченнымъ къ звѣрю. Рисунокъ головы этого крупнаго млекопитающагося представленъ здѣсь вниманію читателя.

Въ оазисѣ же Чира экспедиція получила почту, направленную сюда изъ Кашгара консуломъ Н. Ѳ. Петровскимъ, котораго Пржевальскій очень благодарилъ за это. „Словъ не придумаю, писалъ ему Николай Михайловичъ, какъ благодарить васъ за ваше заботливое вниманіе. Весь вчерашній день и сегодняшній для насъ великіе праздники. Не знаемъ съ чего начать читать; лихорадочно хватаешь то тотъ, то другой номеръ газетъ;—вездѣ новое и новое. Только грустно, что вездѣ одинъ и тотъ же напѣвъ—ссоры, драки, война, будто все это совершается не въ цивилизованномъ мірѣ, а среди кровожадныхъ дикарей...“

Въ концѣ августа экспедиція прибыла уже въ Хотанъ, но и тутъ не обошлось безъ непріятностей со стороны китайцевъ. Въ Хотанѣ всегда имѣется значительное количество русскихъ подданныхъ, мусульманъ, которые издавна ведутъ здѣсь торговлю, наравнѣ съ китайскими и мѣстными торговцами. Вотъ эти-то русско-подданные мусульмане-купцы и вздумали устроить экспедиціи встрѣчу съ „хлѣбомъ-солью“, съ дарами, что въ высшей степени не понравилось китайцамъ, и китайская чернь—солдаты напали на экспедиціоннаго переводчика Абдула и на сопровождавшаго его въ ямынь купца-мусульманина, и обоихъ порядкомъ поколотили.

Разгнѣванный Пржевальскій объявилъ, что оставитъ это дѣло только тогда, когда виновные будутъ наказаны на глазахъ экспедиціи или будутъ просить прощенія у переводчика и аксакаловъ—сѣдобородыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть болѣе обезпеченнымъ отъ нападенія и имѣть болѣе самостоятельности, начальникъ экспедиціи перенесъ свой бивуакъ на болѣе открытое мѣсто, дававшее полный просторъ для дѣятельности берданокъ и револьверовъ. „Отсюда, говоритъ Пржевальскій, были отправлены въ городъ поручикъ Роборовскій, г. Козловъ, переводчикъ и десять казаковъ *прогуляться* передъ китайцами. Посланные были вооружены винтовками, съ примкнутыми штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому поручено было отъ меня пройти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій, отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно; въ случаѣ же нападенія китайскихъ солдатъ—стрѣлять въ нихъ. Страннымъ, невѣроятнымъ можетъ казаться издали, въ особенности по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ, но въ Азіи, тѣмъ болѣе имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ“.

При одобрительныхъ крикахъ толпы, молодцовато, стройно про-

шли казаки въ крѣпость, сдѣлали тамъ привалъ и затѣмъ съ пѣснями возвратились обратно.

На другой день амбань прислалъ чиновника съ просьбою позабыть случившееся. При этомъ чиновникъ говорилъ, что солдаты не подчинены амбаню, не слушаются его и даже дѣлаютъ дерзости ему самому, что амбань писалъ объ этомъ по начальству, и нѣтъ сомнѣнія, что виновные будутъ наказаны. Тѣмъ не менѣе Пржевальскій настоялъ на пріѣздѣ въ лагерь экспедиціи самого амбаня и въ принесеніи имъ извиненій, что было весьма важно для уничтоженія среди туземцевъ тѣхъ толковъ, которые распускали китайцы. Только тогда взаимныя отношенія приняли дружественный характеръ, и о происшествіи болѣе не упоминалось.

Между тѣмъ близился конецъ путешествію, и этого конца экспедиція ждала съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ все китайское надоѣло страшнымъ образомъ; всѣ безконечно были счастливы, подняться на Небесный хребетъ—перевалъ Бедель въ Тянь-Шанѣ,—достигнувъ, такимъ образомъ, отечественной границы. На самой вершинѣ перевала, открывавшаго далекіе виды по сторонамъ, Пржевальскій поздравилъ всѣхъ насъ съ блестящимъ выполненіемъ задачи и подарилъ винтовки, съ которыми мы все время путешествовали. Стоя въ сосѣдствѣ снѣговыхъ, блестящихъ на солнцѣ, вершинъ, на высотѣ 13.700 футовъ надъ моремъ, стоя на грани китайско-русскихъ владѣній, мы сдѣлали залпъ изъ винтовокъ и револьверовъ и тѣмъ распрощались съ чужбиной.

...„Сегодня [1]) для насъ знаменательный день, взволнованнымъ голосомъ сказалъ намъ Пржевальскій, сегодня мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника—отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Алашаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачной высотѣ. Мы жили два года, какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ и переносили то сорокаградусные жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ прибавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая

---

[1]) Двадцать девятаго октября 1885 года.

вражда туземцевъ. Вспомните, какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно относились къ намъ китайцы.

„Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія,—ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ бо̀льшей части которыхъ еще не ступала нога европейца. О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора, насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили, и отъ имени родины, которую мы прославили...“

...Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мое юное сердце трепетало и билось при этихъ живыхъ словахъ незабвеннаго Пржевальскаго, но я ихъ помню какъ вчера, я помню и голосъ, и самое лицо вдохновеннаго учителя... я помню и тотъ горячій поцѣлуй, который объединилъ наши радостныя души...

Угрюмое плато Тянь-Шаня и дикое, красивое ущелье вывело экспедицію въ привѣтливую долину Иссыкъ-куля. Пахнуло чѣмъ-то радостнымъ, дорогимъ, счастливымъ,—пахнуло родиной! Первый человѣкъ, котораго мы здѣсь увидѣли, былъ русскій мужичекъ, везшій возъ сѣна на русской лошадкѣ, запряженной по-русски. Когда мы проходили вблизи него, когда онъ остановился и своимъ добродушнымъ взглядомъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на насъ, и одною рукою гладилъ свою русую бороду, а другою снялъ шапку, и особенно симпатично произнесъ на родномъ языкѣ: „здравствуйте!“—мнѣ хотѣлось подбѣжать къ нему и крѣпко-крѣпко его обнять,—такъ волновался я тогда отъ избытка чистаго восторга...

Вблизи перваго русскаго города Каракола мы были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими намъ, въ заранѣе приготовленной юртѣ, русскую „хлѣбъ-соль“... а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ полученіемъ поздравительной депеши Наслѣдника Цесаревича „съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами“.

„Такъ сегодня—седьмого ноября, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, окончилось четвертое мое путешествіе въ Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго,

если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ...

„Снова бури миновали,
Снова незредимъ пловецъ...
Снова, снова не сказали,
Что для бурь насталъ конецъ“...

П. Козловъ.

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

Обычною темою разговора между Наполеономъ и докторомъ О'Меара были тѣ безцѣльныя и излишнія строгости, какимъ стремился подчинить бывшаго императора Гудсонъ Лоу, назначенный губернаторомъ острова [2]).

На занимаемый имъ важный въ то время постъ нужно было послать человѣка твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливаго и гуманнаго, который съумѣлъ бы облечь всякій отказъ въ мягкую форму, съумѣлъ бы позолотить самую горькую пилюлю; Гудсонъ Лоу былъ далекъ отъ этого идеала.

Крайняя придирчивость и жестокость этого человѣка засвидѣтельствована не только всѣми французами, состоявшими при Наполеонѣ, но и комиссарами иностранныхъ державъ, которые были посланы для наблюденія за Наполеономъ. По ихъ отзыву это былъ человѣкъ холодный, недалекаго ума, котораго угнетала лежавшая на немъ отвѣтственность. Онъ боялся всякой бездѣлицы, которая могла уронить его въ глазахъ правительства. У него была одна мысль—устеречь Наполеона. „Онъ безустанно трудился надъ укрѣпленіемъ острова, ставилъ въ разныхъ мѣстахъ новые телеграфы и батареи, удвоивалъ караулы въ Лонгвудѣ. Его постоянно можно было видѣть верхомъ, окруженнаго инженерами и мчащагося галопомъ то туда, то сюда".

„Стоило ему задать вопросъ о Бонапартѣ, говоритъ русскій комиссаръ гр. Бальменъ, или о комъ-нибудь изъ французовъ, и

---

[1]) См. „Русск. Стар.": янв., февр. 1912 г.

[2]) Complément du Mémorial de Sainte Hélène. Napoléon en exil, par O'Meara. P. 1824 г. и 1897 г.

Napolèon à Sainte Hélène. Souvenir de Betzy Balcombe. Paris 1898 г.

Изъ бумагъ графа де Бальмэна. „Рус. Архивъ" 1868 г. и 1869 г.

онъ начиналъ хмуриться, воображая, что ему разставляютъ сѣти, и отвѣчалъ полусловами. Если ему противорѣчили, онъ горячился, не помнилъ себя, не зналъ что сказать и терялъ окончательно голову. Имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія и оставаться въ мирѣ невозможно".

„Не желаю произносить слишкомъ поспѣшнаго сужденія о мѣрахъ предосторожности", принимаемыхъ губернаторомъ, пишетъ Бальменъ графу Нессельроде вскорѣ по пріѣздѣ на островъ. „Но признаюсь, я не могу признать ихъ дѣйствительной необходимости. Островъ, столь отдаленный отъ материка, доступный кораблямъ только при извѣстномъ вѣтрѣ и только съ одной стороны, загроможденный скалами, которыя на каждомъ шагу образуютъ непроходимыя пропасти, могъ бы, мнѣ кажется, охраняться проще и съ меньшими издержками".

Въ чемъ же состояли мѣры предосторожности, принятыя англійскими властями для предотвращенія всякой возможности побѣга съ этого неприступнаго острова, гдѣ природа сама возвела величайшія и непреодолимыя препятствія къ побѣгу, и который въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ своему назначенію?

Во-первыхъ, на островѣ находилось три пѣхотныхъ полка, пять ротъ артиллеріи, отрядъ драгунъ, которые составляли ядро гарнизона. Затѣмъ два фрегата, изъ коихъ одинъ 50-ти пушечный, нѣсколько бригадъ и вооруженныхъ шлюпокъ охраняли островъ съ моря. Съ 6 часовъ вечера до 6 часовъ утра вооруженныя шлюпки несли караульную службу вдоль берега. Число пушекъ, расположенныхъ по берегамъ и внутри острова, было громадное.

Послѣ 6 часовъ вечера всѣ лодки, принадлежавшія частнымъ лицамъ и судамъ, приказано было вытаскивать на берегъ, и если бы къ берегу подплыла какая-нибудь шлюпка, по ней приказано было стрѣлять. Вообще, даже днемъ,—ни одно постороннее судно не могло безъ особаго разрѣшенія пристать къ берегу. Плыть вдоль берега ночью изъ-за подводныхъ скалъ было чрезвычайно опасно, а буруны съ такой силой разбивались о берегъ, что и днемъ нерѣдко невозможно было причалить даже на большой шлюпкѣ.

При этихъ условіяхъ побѣгъ былъ физически невозможенъ; допустивъ, что самъ губернаторъ захотѣлъ бы способствовать ему, нужно было, чтобы и адмиралъ, командовавшій флотиліей, былъ въ заговорѣ и наоборотъ, если бы адмиралъ, воспользовавшись благопріятной погодой, спустилъ нѣсколько шлюпокъ, то онѣ подвергались бы обстрѣлу съ берега. Трудно себѣ представить, чтобы Наполеону удалось обмануть бдительность своихъ тюремщиковъ и

тѣмъ не менѣе, съ самаго пріѣзда Гудсона Лоу, его свобода была стѣснена во всемъ. Онъ подвергся всевозможнымъ стѣсненіямъ и самому строгому надзору. Это было особенно тяжело императору послѣ того, что вначалѣ надзоръ былъ не такъ строгъ, и исполнявшій обязанность губернатора, до пріѣзда Гудсона Лоу, Джемсъ Кокбернъ предоставлялъ императору извѣстную долю свободы. Наполеонъ, въ то время еще здоровый и сравнительно веселый, чувствовалъ себя сносно въ уютномъ домѣ мѣстнаго жителя Балькомба. Подлѣ дома было много зелени, были тѣнистыя аллеи, гдѣ онъ могъ прогуливаться.

У Балькомба были двѣ дочери, двѣнадцати и пятнадцати лѣтъ, и два мальчика, пяти и шести лѣтъ. Старшая дочь, Бетси, свободно говорила по-французски. Наполеонъ часто заходилъ къ нимъ побесѣдовать, любилъ поболтать съ дѣтьми и разъ, къ великому ихъ удовольствію, игралъ даже съ ними въ жмурки.

Его свита также пользовалась въ то время значительной свободой. Французамъ разрѣшалось ѣздить въ городъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ англійскихъ офицеровъ и посѣщать любое мѣсто на островѣ, за исключеніемъ фортовъ и батарей; никакихъ осложненій изъ этого не происходило. Имъ не возбранялось посылать запечатанныя письма мѣстнымъ жителямъ и другимъ французамъ, жившимъ на островѣ. Время отъ время они устраивали даже вечеринки, на которыя приглашали офицеровъ гарнизона.

Наполеонъ гулялъ въ то время безъ провожатаго, принималъ на лужайкѣ тѣхъ, кто желалъ быть ему представленъ, и разъ въ недѣлю приглашалъ къ обѣду офицеровъ 53 полка. Но все это рѣзко измѣнилось съ пріѣздомъ Гудсона Лоу и съ перемѣщеніемъ Наполеона въ Лонгвудъ—это „скучнѣйшее въ мірѣ и дорогое для жизни мѣсто“, по отзыву гр. Бальмена. По распоряженію вновь прибывшаго губернатора во всѣхъ пунктахъ острова, для прямого и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ, были приняты самыя строгія мѣры.

Несмотря на то, что Лонгвудъ былъ окруженъ пропастями и туда вела всего одна дорога,—на всѣхъ скалахъ были разставлены часовые; куда бы ни упалъ взоръ, вездѣ виднѣлись патрули. При входѣ въ Лонгвудъ, въ ста шагахъ отъ дома стоялъ часовой и разъѣзжали патрули; вокругъ всего Лонгвуда была разставлена цѣпь часовыхъ и пикетовъ. Вдоль единственной дороги были разставлены часовые на такомъ разстояніи, что они видѣли другъ друга. Губернатору доносили ежечасно о томъ, что дѣлалось на островѣ, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, минуты черезъ три—четыре, весь островъ могъ быть подъ ружьемъ.

Съ наступленіемъ ночи никто не могъ выходить изъ дома, въ которомъ жилъ Наполеонъ; онъ оцѣплялся часовыми, которымъ было приказано стрѣлять во всякаго выходящаго.

Какъ только Наполеонъ переѣхалъ въ Лонгвудъ, къ нему былъ назначенъ особый офицеръ, которому было поручено слѣдить за каждымъ его шагомъ внѣ дома. Если императору хотѣлось выйти за черту того пространства, „постоянно охраняемаго войсками и защищаемаго артиллерійскимъ паркомъ“, гдѣ ему было предоставлено право гулять одному, за нимъ всюду долженъ былъ слѣдовать офицеръ, обязанный ни на минуту не терять его изъ вида.

Разсказываютъ, что однажды (это было еще до пріѣзда Гудсона Лоу) Наполеонъ катался верхомъ въ сопровожденіи генераловъ Бертрана, Монтолона, Гурго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; вдругъ онъ неожиданно свернулъ съ большой дороги, пришпорилъ лошадь и что есть духу помчался внизъ, прямо въ пропасть; только было слышно, какъ изъ-подъ копытъ его лошади покатились камни. Капитанъ Папплетонъ, которому была поручена его охрана, смотрѣлъ въ изумленіи, не зная, что дѣлать и не рѣшаясь послѣдовать за нимъ. Когда императоръ скрылся изъ вида, Папплетонъ поскакалъ къ Кокберну. Весь запыхавшись, онъ просилъ принять его по важному дѣлу и, войдя въ комнату, разсказалъ, взволнованнымъ голосомъ, о случившемся. Кокбернъ спокойно выслушалъ его и посовѣтовалъ вернуться въ Лонгвудъ, „гдѣ онъ вѣроятно найдетъ генерала Бонапарта, который посмѣется причиненному ему страху“.

Дѣйствительно, когда онъ вернулся въ Лонгвудъ, Наполеонъ преспокойно обѣдалъ.

Мало того, что за Наполеономъ долженъ былъ слѣдовать по пятамъ англійскій офицеръ, императору было запрещено во время прогулокъ говорить и слушать кого бы то ни было по пути и входить въ какой-либо домъ; если бы это случилось, часовымъ было приказано стрѣлять.

Эти унизительныя требованія и постоянное присутствіе офицера, неустанно слѣдившаго за нимъ, заставляли чрезвычайно страдать его самолюбіе, и были причиною того, что онъ очень скоро отказался отъ своего любимаго удовольствія—верховой ѣзды, не желая ѣздить въ сопровожденіи офицера.

„Это значило бы унизить себя, говорилъ онъ, признать себя плѣнникомъ, а я этого не признаю“. Хотя отсутствіе достаточнаго движенія гибельно отражалось на здоровьи Наполеона, но онъ говорилъ, что „готовъ лучше умереть, нежели подчиняться этому позорному надзору“.

Губернаторъ не только ограничивалъ свободу Наполеона, онъ подвергалъ его безчисленнымъ стѣсненіямъ и мелкимъ нравственнымъ уколамъ, которые его болѣзненно раздражали. Такъ, напр., онъ строжайше запретилъ кому бы то ни было вести съ Наполеономъ малѣйшую переписку или имѣть съ нимъ сношеніе безъ его вѣдома. Въ числѣ жестокихъ и совершенно безцѣльныхъ мѣръ было лишеніе Наполеона газетъ и журналовъ; ему не давали ни французскихъ журналовъ, ни оппозиціонныхъ англійскихъ; но это не дѣлалось явно, такъ какъ въ Лонгвудъ посылались всѣ газеты, но онѣ посылались отдѣльными, разрозненными листами, не имѣвшими ни смысла, ни интереса.

Къ свитѣ императора Гудсонъ Лоу примѣнялъ тѣ же строгія правила, какъ къ самому Наполеону; личная свобода французовъ была также стѣснена, онъ вторгался даже въ область частныхъ отношеній, напр., купцамъ было запрещено продавать французамъ въ кредитъ и сообщаться съ ними подъ страхомъ быть изгнанными съ острова. Отъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Лонгвудъ или гр. Бертрана, требовалось, чтобы они передавали губернатору свои разговоры съ французами; офицерамъ было запрещено посѣщать г-жу Бертранъ; около ея дома были разставлены часовые, которымъ было приказано не допускать посѣтителей и т. д.

Постоянно тревожась о томъ, дома-ли Наполеонъ, губернаторъ не только самъ часто бывалъ въ Лонгвудѣ, но то и дѣло посылалъ туда съ письмами и разными порученіями своихъ довѣренныхъ лицъ, которые должны были „видѣть и слышать“ Наполеона и доносить ему о слышанномъ. Наконецъ, онъ потребовалъ, чтобы одинъ изъ его офицеровъ непремѣнно видѣлъ Наполеона каждый день, такъ какъ императоръ, подъ предлогомъ болѣзни, часто отказывался принять самого Гудсонъ Лоу; послѣ свиданія съ нимъ онъ бывалъ обыкновенно грустенъ и раздраженъ.

Онъ терпѣть не могъ Гудсона Лоу и ненавидѣлъ Лонгвудъ, одинъ видъ котораго нагонялъ на него меланхолію. Губернаторъ предлагалъ построить для него домъ въ другой части острова. На вопросъ, какое мѣсто онъ предпочитаетъ, и не желаетъ ли вообще чего-нибудь, Наполеонъ отвѣчалъ:

„A questa casa, in questo luogo tristo, non voglio niente di lui. (Въ этомъ домѣ, въ этомъ печальномъ мѣстѣ, я ничего не хочу отъ него). Пусть онъ помѣститъ меня тамъ, гдѣ есть зелень, тѣнь, вода. Тутъ дуетъ ужасный вѣтеръ съ дождемъ и туманомъ, отъ котораго у меня захватываетъ духъ, или солнце жжетъ мнѣ мозгъ, когда я выхожу“.

„Но я думаю, что какъ только дѣла во Франціи уладятся, и все

успокоится, англійское правительство разрѣшитъ мнѣ возвратиться въ Европу и закончить жизнь въ Англіи. Я не думаю, чтобы оно было настолько глупо, чтобы тратить 8 милліоновъ въ годъ, для того чтобы держать меня тутъ, когда меня нечего бояться, поэтому вопросъ о домѣ мало интересуетъ меня".

Заговоривъ затѣмъ о возможности побѣга, императоръ замѣтилъ, что хотя бы онъ и захотѣлъ бѣжать, у него на это не было ни малѣйшихъ шансовъ, „и несмотря на это, этотъ тюремщикъ такъ стѣсняетъ меня, какъ будто мнѣ стоитъ сѣсть въ лодку и скрыться. Правда, пока человѣкъ живъ, всегда можно думать, что онъ убѣжитъ, единственное средство помѣшать побѣгу—это покончить съ нимъ. Только мертвымъ нѣтъ возврата.

„Когда меня не будетъ, кончится тревога европейскихъ державъ и лорда Кастлери.. Не будетъ болѣе расходовъ, не надо будетъ флота, чтобы стеречь меня. Тогда бѣдные солдаты не будутъ болѣе уставать до смерти, стоя на часахъ, и не будутъ замучиваться, таская тяжести на эти скалы"

По дневнымъ записямъ доктора О'Меара и другихъ лицъ, ежедневно видавшихъ императора, можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ сложилась домашняя жизнь Наполеона, и чѣмъ наполнялъ въ заточеніи свой досугъ этотъ человѣкъ, привыкшій къ самой разнообразной кипучей дѣятельности.

Наполеонъ вставалъ довольно рано; совершивъ свой туалетъ и почитавъ, онъ завтракалъ иногда у себя за маленькимъ круглымъ столикомъ или со всѣми вмѣстѣ въ 11 часовъ, послѣ чего нѣсколько часовъ подъ рядъ диктовалъ Ласказу или его сыну, читалъ, отмѣчалъ даты и собиралъ матеріалъ для исторіи своей жизни со своего прибытія во Францію и до возвращенія изъ Египта. Окончивъ эти занятія, онъ принималъ посѣтителей, гулялъ пѣшкомъ или катался въ коляскѣ, изрѣдка верхомъ, обѣдалъ въ 8 часовъ, при чемъ сидѣлъ за столомъ недолго. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ и очень скоро, охотнѣе всего баранину и бараньи котлеты; не любилъ острыхъ приправъ и рѣдко выпивалъ за столомъ болѣе полубутылки бѣлаго вина.

Въ послѣобѣденное время, когда не было гостей, императоръ либо игралъ на билліардѣ или въ шашки и шахматы, либо читалъ вслухъ французскихъ классиковъ и декламировалъ что-нибудь изъ Корнеля, подражая Тальмѣ, либо просилъ г-жу Монтолонъ пѣть итальянскія аріи, или наконецъ бесѣдовалъ съ окружающими совершенно просто о своей прошлой жизни и въ своихъ разсказахъ былъ, повидимому, всегда правдивъ. Онъ удивительно хорошо помнилъ всѣ подробности событій. Любопытная черта: когда ему попадались

пасквили на него, онъ читалъ ихъ удивительно равнодушно и не выражалъ ни малѣйшаго озлобленія.

Спалъ Наполеонъ мало; вставая иногда въ 3—4 часа утра для занятій, онъ читалъ часовъ до 6—7, затѣмъ снова ложился отдохнуть. Въ чудныя тропическія лунныя ночи онъ гулялъ взадъ и впередъ по саду. Когда ему не здоровилось, его камердинеръ Маршанъ читалъ ему вслухъ, пока онъ не засыпалъ.

Онъ очень любилъ брать ванну и нерѣдко просиживалъ въ ней часами, бесѣдуя со своимъ докторомъ и даже закусывая. Гудсонъ Лоу, по словамъ Ласказа, не понималъ, что „генералу Бонапарту нужно было *вариться* столько времени въ горячей водѣ и такъ часто повторять эту операцію".

Соблюдать діэту, пить много воды и брать ванну было, по мнѣнію Наполеона, наилучшимъ средствомъ при недомоганіи. „Лекарства, говорилъ онъ, хороши только для людей стараго режима",

Несмотря на неограниченную власть губернатора, Наполеонъ не допускалъ ни малѣйшаго съ его стороны вмѣшательства во внутренній распорядокъ своей жизни, онъ былъ у себя дома не только хозяиномъ, но императоромъ.

Русскаго комиссара поразило громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался на умы окружающихъ. „Всѣми и всѣмъ чувствовалось здѣсь превосходство этого человѣка (окруженнаго скалами, пропастями и стражею), пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Французы дрожатъ при видѣ его и почитаютъ за счастье служить ему. Ласказъ говоритъ во всеуслышаніе, что блаженство его заключается въ ежеминутномъ созерцаніи героя-феномена".

„Англичане также робки въ обращеніи съ нимъ. Самые сторожа его добиваются его взгляда, слова и разговора; онъ съумѣлъ поставить ихъ такъ, что никто не осмѣливается обходиться съ нимъ какъ съ равнымъ; человѣкъ этотъ, рожденный для того, чтобы повелѣвать, съумѣлъ и тутъ поддержать достоинство своего сана и сохранилъ въ своемъ обращеніи пріемы императорскаго достоинства. Онъ достигъ этого тѣмъ, что „заперся въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ никто не имѣлъ права контролировать его дѣйствій", рѣшительно отказался подчиняться унизительнымъ требованіямъ губернатора и поставилъ свой домъ такъ, что въ немъ соблюдался строгій придворный этикетъ, хотя въ немъ было всего шесть—семь царедворцевъ и 12 слугъ, но это импонировало окружающимъ.

„Домъ его, писалъ Бальменъ, настоящій дворецъ, при которомъ Бертранъ исполняетъ должность перваго маршала, Ласказъ—государственнаго секретаря, Монтолонъ—министра двора, Гурго—гене-

ралъ-адъютанта, Понятовскій—главнаго конюшаго, г-жи Бертранъ и Монтолонъ—статсъ-дамъ.

Строжайшій этикетъ соблюдался во всемъ даже тогда, когда императоръ былъ одинъ со своими приближенными, тѣмъ болѣе когда за столомъ былъ кто-нибудь посторонній. Это поражало пріѣзжихъ.

При императорѣ во время обѣда стояли мэтръ-д'отель и офицеръ, которые являлись къ столу въ зеленыхъ сюртукахъ съ серебрянымъ шитьемъ, бѣломъ жилетѣ, черныхъ шелковыхъ штанахъ, башмакахъ съ пряжками; при нихъ для помощи было два камердинера, одѣтыхъ точно также, но съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, и три лакея.

Обѣдъ подавался на серебряной посудѣ; серебра было много: тарелки, миски, блюда, крышки съ орлами были серебряныя. Дессертъ подавался на сервизѣ изъ севрскаго фарфора съ видами городовъ и битвъ, который назывался сервизомъ „des quartiers généraux", къ дессерту подавались серебряныя вызолоченныя ложечки особаго фасона для компота, для сахара, для пудинга. Къ кофею, который наливался въ серебряный позолоченный кофейникъ, подавались чашки съ видами Египта; на блюдцахъ были изображены портреты беевъ и знатныхъ египтянъ по рисункамъ, исполненнымъ въ Египтѣ Денономъ.

Такъ сервировался обѣдъ, когда въ первое время по переѣздѣ въ Лонгвудъ къ столу приглашались ежедневно одинъ или два офицера 53 полка и сэръ Джоржъ Бингамъ, полковой командиръ.

„Это былъ роскошный обѣдъ", пишетъ Бингамъ; особенно поразили его чашки, изъ коихъ каждая, по его словамъ, стоила во Франціи не менѣе двадцати пяти гиней.

Со временемъ эта роскошь уменьшилась, такъ какъ императоръ вскорѣ пересталъ приглашать кого бы то ни было; часть серебра пришлось сломать и продать, и онъ отказался употреблять сервизъ изъ севрскаго фарфора, столь драгоцѣнный по воспоминаніямъ, приберегая его для подарковъ, но до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ былъ здоровъ, этикетъ соблюдался полный, и Наполеонъ требовалъ, чтобы всѣ были одѣты, какъ полагалось по правиламъ, и дамы какъ можно наряднѣе.

Лица, желавшія представиться Наполеону или сообщить ему какое-нибудь дѣло, должны были обратиться къ главному маршалу. Добивавшіеся аудіенціи черезъ губернатора могли быть увѣрены, что получатъ отказъ. Отъ этого правила Наполеонъ никогда не отступалъ ни на іоту, не дѣлая исключенія и для дамъ. „Знатные иностранцы, обращавшіеся къ посредничеству Гудсона Лоу, никогда не могли добиться аудіенціи у императора".

Однажды, проѣздомъ въ Индію, прибыла на островъ Св. Елены лэди Мойра. Гудсонъ Лоу, чтобы легче уладить свиданіе, вздумалъ пригласить къ себѣ на обѣдъ императора и ее; и съ этой цѣлью написалъ пригласительную записку въ Лонгвудъ—именуя по своему обыкновенію Наполеона генераломъ Бонапартомъ, чего бывшій императоръ не выносилъ. Наполеонъ ничего не отвѣтилъ на приглашеніе, какъ вообще никогда не отвѣчалъ на всѣ обращенія, адресованныя „генералу Бонапарту", и только послалъ извиниться передъ лэди Мойра, которая такъ и уѣхала, не видавъ его.

— Нельзя же, однако, обходиться съ вами какъ съ государемъ,—замѣтилъ Наполеону адмиралъ сэръ Малькольмъ, когда зашла однажды рѣчь объ его титулѣ.

— А почему нѣтъ?—возразилъ Наполеонъ,—пусть оставятъ мнѣ почести, какъ забаву. Въ моемъ положеніи, на этомъ утесѣ, какой вредъ это можетъ принести?

— Стало быть, васъ слѣдуетъ именовать императоромъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Наполеонъ послѣ минутнаго размышленія,—я подписалъ отреченіе.

— Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Египта, я болѣе не генералъ. Всякое другое имя идетъ ко мнѣ лучше. Пусть называютъ меня Наполеономъ.

— Я отказался отъ престола, а не отъ императорскаго титула,—сказалъ онъ другой разъ въ разговорѣ съ докторомъ О'Меара.—Я не называю себя императоромъ французовъ, а императоромъ Наполеономъ. Монархи сохраняютъ свой титулъ. Такъ напр. Карлъ испанскій сохранилъ свой титулъ, отрекшись въ пользу сына.

— Съ моей стороны по-истинѣ было бы смѣшно называть себя въ моемъ положеніи императоромъ, если бы ваши министры не вынуждали меня къ этому. Это напоминало бы несчастнаго обитателя Бедлама, мнящаго себя королемъ въ цѣпяхъ.

Чтобы только не называться генераломъ Бонапартомъ, Наполеонъ готовъ былъ даже принять фамилію частнаго лица, напр. Мальмезонъ или де-Мюрронъ (имя одного полковника, котораго онъ любилъ); по прибытіи своемъ на островъ Св. Елены онъ немедленно сообщилъ о томъ Кокберну и сдѣлалъ подобное же заявленіе Гудсону Лоу. И тотъ и другой отвѣчали, что заявленіе должно быть представлено на разсмотрѣніе министровъ. Отвѣта не послѣдовало, но если бы Наполеону было разрѣшено принять частное имя, это значительно упростило бы конечно всѣ вопросы этикета.

Давая аудіенціи пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ, Наполеонъ

съ одними бесѣдовалъ долго съ глаза на глазъ, другихъ отпускалъ тотчасъ по представленіи. „Онъ никогда не приглашалъ посѣтителей садиться, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ лежалъ, и чрезвычайно боялся, чтобы кто-нибудь не позволилъ себѣ этой вольности, какъ это случилось однажды съ Кокберномъ; чтобы предупредить это, онъ принималъ всѣхъ стоя.

Адмиралу сэру Малькольму, съ которымъ Наполеонъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, случалось имѣть съ нимъ разговоры по три и по четыре часа, въ продолженіе которыхъ оба, изнемогая отъ усталости, прислонялись къ столу или къ стѣнѣ, но ничто не могло заставить императора отступить отъ принятаго рѣшенія".

Ходившій вначалѣ въ мундирѣ, Наполеонъ вскорѣ снялъ его и сталъ носить охотничій костюмъ: онъ являлся на аудіенціи въ зеленомъ поношенномъ платьѣ съ серебряными пуговицами, на которыхъ были изображены оленьи, кабаньи и лисьи головы, въ бѣлыхъ штанахъ и чулкахъ съ золотыми овальными пряжками на башмакахъ, со шляпою подъ мышкою, въ орденѣ Почетнаго легіона и съ табакеркою въ рукѣ.

Туалетъ Наполеона совершался очень торжественно; ему помогали Маршанъ, Сенъ-Дени и Наварра. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ держалъ передъ нимъ зеркало, другой—все нужное для бритья, между тѣмъ какъ Маршанъ подавалъ одежду, одеколонъ и пр. Обривъ одну сторону, Наполеонъ спрашивалъ у Сенъ-Дени или Наварра: „хорошо?" Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ начиналъ брить другую сторону. Когда эта операція была окончена, зеркало подносили къ свѣту, и онъ внимательно смотрѣлъ, чисто-ли выбрито лицо. Если замѣчалъ, что остались волосы, то онъ бралъ одного изъ нихъ за ухо или хлопалъ его слегка по щекѣ (обычная привычка Наполеона), приговаривая съ веселымъ видомъ:

„А, негодяй (coquin), зачѣмъ сказалъ, что хорошо?"

Вѣроятно, эта шутка дала поводъ говорить, что императоръ дурно обращался со слугами.

Выбрившись, онъ обмывалъ лицо водою съ небольшой примѣсью одеколона и слегка спрыскивалъ имъ себя. Послѣ этого онъ тщательно чистилъ зубы; часто просилъ растереть ему тѣло щеткой; затѣмъ мѣнялъ бѣлье, снималъ фланелевый жилетъ и надѣвалъ свой обычный костюмъ.

Когда процессъ одѣванія заканчивался, ему подавали его бомбоньерку, табакерку и платокъ, и онъ уходилъ изъ комнаты.

При маленькомъ дворѣ Наполеона происходили интриги и соперничества такъ же точно, какъ при всякомъ иномъ дворѣ.

„Каждый изъ приближенныхъ императора желалъ быть его любимцемъ; это давало поводъ къ весьма комическимъ столкновеніямъ. Монтолонъ, завѣдывавшій внутренней дворцовой частью, завидовалъ положенію Бертрана, министра внѣшнихъ дѣлъ. Гурго, наскучивъ парадировать въ передней, въ качествѣ генералъ-адъютанта, смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на болѣе интересныя занятія Ласказа, которому Наполеонъ диктовалъ свою исторію. Дамы также соперничали другъ съ другомъ".

Какъ ни мало было число приближенныхъ Наполеона, но содержаніе его двора стоило англійскому правительству огромныхъ денегъ. Жизнь европейца на островѣ Св. Елены стоила вообще такія неимовѣрныя суммы, повѣрить которымъ было бы трудно, если бы комиссары союзныхъ державъ не подтверждали ихъ единогласно.

Въ настоящее время, когда обнародованы ихъ донесенія, извѣстно положительно, что стоили на островѣ съѣстные припасы и все необходимое для жизни. Извѣстно, что комиссары находили недостаточнымъ жалованье въ 50.000 франковъ, назначенное имъ первоначально, и что они очень скоро стали получать 60.000 франковъ. Французскій комиссаръ, маркизъ Монтеню, настоятельно требовалъ 75.000 и даже 100.000 фр.

Между тѣмъ его домъ состоялъ всего изъ семи лицъ: его самого, адъютанта, повара, лакея, двухъ негровъ и горничной.

Содержаніе, ассигнованное комиссарамъ ихъ правительствами, составляло треть того, что англійское правительство рѣшило ассигновать на содержаніе императора, а домъ Наполеона въ Лонгвудѣ состоялъ вначалѣ не менѣе чѣмъ изъ 80 человѣкъ. Позднѣе ихъ было 50; и если судить по масштабу, принятому уполномоченными державъ, то императору нужна была сумма вдвое бо́льшая по сравненію съ тѣмъ, что отпускало ему англійское правительство.

Что касается самого Наполеона, то онъ былъ непритязателенъ относительно ѣды; онъ ѣлъ мало и никогда не слылъ любителемъ изысканной кухни. Онъ довольствовался несравненно меньшимъ количествомъ блюдъ, нежели многіе герцоги и графы, но на островѣ Св. Елены; онъ хотѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ жить какъ императоръ, какъ онъ жилъ раньше. Это было его главной заботой, это было дѣломъ личнаго самолюбія и заботы о династіи.

Коль скоро Наполеону не хватало денегъ и приходилось тратить на содержаніе, на жалованье приближеннымъ и слугамъ, раздачу пособій бѣднымъ и на случайные расходы изъ своихъ собственныхъ средствъ до 200.000 франковъ въ годъ, ему нужно было гдѣ-нибудь

найти эти деньги. Это послужило въ свою очередь поводомъ къ частымъ и острымъ столкновеніямъ съ губернаторомъ.

Пока не изсякли деньги, привезенныя изъ Европы, Наполеонъ былъ готовъ платить не только половину, но даже полностью все то, что стоило содержаніе его дома, но деньги уходили, а императоръ не хотѣлъ называть тѣхъ, у кого хранились его капиталы, такъ какъ ихъ не замедлили бы конфисковать, поэтому онъ хотѣлъ вести объ этомъ переписку закрытыми письмами, на что англійское правительство не согласилось.

Тогда императору пришлось прибѣгнуть къ продажѣ своего серебра.

— Комедія,—говорили англичане,—у императора были деньги.

Комедія или нѣтъ, но это возбудило шумъ, и Гудсону Лоу пришлось нарушить данныя имъ инструкціи и не препятствовать болѣе перепискѣ и ежемѣсячной присылкѣ денегъ изъ тайныхъ источниковъ. Съѣстные припасы на островѣ не только были неимовѣрно дороги, но вслѣдствіе несвоевременной ихъ доставки, въ Лонгвудѣ зачастую терпѣли недостатокъ во всемъ: въ винахъ, въ мукѣ, свѣжей говядинѣ; лошади должны были довольствоваться половинною порціей; къ тому же провизія была дурного качества: говядина чрезвычайно жестка, птица худа, овощи водянисты, мука затхлая.

Вотъ что говорилъ по этому поводу русскому комиссару генералъ Монтолонъ.

„Губернаторъ скупъ до невѣроятности. Съѣстные припасы, доставляемые въ Лонгвудъ, очень плохого качества, и отпускаются въ ничтожномъ количествѣ; часто изъ того, что отпущено, половину невозможно ѣсть. Мы можемъ получать наши обѣденныя деньги только по билетамъ Балькомба и К° (поставщика) и то не болѣе 50 ф. въ разъ. Случилось, что я однажды попросилъ 60, мнѣ представили затрудненія.

По дороговизнѣ здѣшнихъ припасовъ, судите сами, можетъ ли быть достаточна сумма въ 8.000 ф. ст., опредѣленная на содержаніе императора“.

„Губернаторъ тираннъ, темничный стражъ, облеченный полною властію, которому пріятно угнетать насъ. Всѣ его выдумки для предотвращенія побѣга отвратительны и смѣшны. Этотъ человѣкъ ниже занимаемаго имъ мѣста и мало понимаетъ своего плѣнника. Здѣсь надобенъ человѣкъ твердый, вѣрный своей обязанности, но человѣколюбивый, деликатный и не до такой степени ограниченный. Такой выборъ дѣлаетъ стыдъ Англіи“.

Съ пріѣздомъ на островъ Св. Елены комиссаровъ европейскихъ державъ подозрительность губернатора увеличилась; хотя ихъ роль

была совершенно пассивная, но такъ какъ они не зависѣли отъ его власти, то онъ имъ не довѣрялъ и боялся, что черезъ нихъ жалобы Наполеона могли дойти до Европы, потому онъ былъ очень доволенъ, когда Наполеонъ отказался принять ихъ.

Миссія комиссаровъ, посланныхъ Франціей, Австріей и Россіей для надзора за Наполеономъ, въ силу конвенціи, заключенной между этими державами 2 августа 1815 г., состояла отнюдь не въ томъ, чтобы контролировать мѣры, которыя Англія сочла бы нужнымъ принять по отношенію къ отданному на ея попеченіе плѣннику, или усилить за нимъ надзоръ. Посылая на островъ Св. Елены своихъ уполномоченныхъ, державы имѣли въ виду лишь „придать дѣлу общеевропейскій характеръ, подтвердить и сдѣлать несомнѣннымъ, что Бонапартъ—плѣнникъ Европы, и успокоить общественное мнѣніе, которое сильно было встревожено во всѣхъ странахъ“.

Роль ихъ слѣдовательно была пассивная, тѣмъ не менѣе она была очень трудная; не имѣя права ни во что вмѣшиваться и высказывать своихъ сужденій о дѣйствіяхъ англійскихъ властей, они должны были наблюдать за всѣмъ происходившимъ и обо всемъ давать отчетъ и въ то же время установить дружелюбныя отношенія съ губернаторомъ, а въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ—въ точности держаться правилъ, которыя „будутъ установлены на этотъ предметъ губернаторомъ“.

Мы уже знаемъ, какія непріязненныя, обостренныя отношенія существовали между Наполеономъ и Гудсономъ Лоу, поэтому само собою ясно, что при этихъ условіяхъ миссія комиссаровъ не могла быть успѣшна: если бы они заслужили, какъ имъ предписывалось, довѣріе губернатора, то они неизбѣжно стали бы въ непріязненныя отношенія къ Наполеону и, слѣдовательно, не могли бы доставлять своимъ правительствамъ тѣхъ драгоцѣнныхъ о немъ свѣдѣній, какихъ отъ нихъ ожидали. Такъ оно и случилось.

Императоръ Александръ живо интересовался донесеніями русскаго комиссара и прочитывалъ ихъ самъ. Къ сожалѣнію, Бальмену приходилось сообщать о Наполеонѣ не по личнымъ наблюденіямъ, а со словъ другихъ лицъ, ибо бывшій императоръ, освѣдомившись о томъ, имѣютъ ли комиссары письма къ нему отъ своихъ монарховъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, рѣшительно отказался принять ихъ. Положеніе получилось крайне затруднительное.

„Какая нелѣпость посылать сюда комиссаровъ, не возложивъ на нихъ никакой обязанности и никакой отвѣтственности, говорилъ онъ. Имъ остается только расхаживать по улицамъ и карабкаться по скаламъ. Прусское правительство поступило умнѣе и сберегло деньги“.

Узнавъ о томъ, что французскій и австрійскій комиссары обратились къ губернатору съ оффиціальною нотой, въ которой просили не только позволенія быть представленными Наполеону, но и содѣйствія къ этому, императоръ замѣтилъ, что „они прибѣгли къ плохому средству, чтобы увидѣть его, что всѣ державы Европы вмѣстѣ взятыя не заставятъ его принять ихъ какъ оффиціальныхъ лицъ, хотя бы они взломали двери къ нему или разрушили его домъ".

Графъ де Бальменъ, которому его инструкціи предписывали „въ сношеніяхъ съ Бонапартомъ соблюдать ту умѣренность и пощаду, которыхъ въ правѣ требовать положеніе столь деликатное и личное уваженіе къ нему", не присоединился къ домогательствамъ своихъ коллегъ силою заставить императора принять ихъ и насильственно вторгнуться въ Лонгвудъ и не подписалъ ноты, поданной ими въ этомъ смыслѣ губернатору.

Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ былъ очень доволенъ поведеніемъ Бальмена и увидѣлъ въ этомъ „великодушныя и возвышенныя чувства русскаго императора". Одинъ изъ французовъ, встрѣтивъ его въ городѣ, подошелъ къ нему и сказалъ:

„Императоръ знаетъ, что вы не подписали ноты комиссаровъ. Онъ тронутъ этимъ благороднымъ поступкомъ и поручилъ мнѣ благодарить васъ".

Когда Гудсонъ Лоу рѣшился, наконецъ, обратиться къ Наполеону и передать ему желаніе комиссаровъ, онъ отвѣчалъ:

„Если эти господа желаютъ быть представлены мнѣ, какъ частные посѣтители, я не вижу препятствія ихъ допустить. Они могутъ отнестись къ моему гофмаршалу; если же они хотятъ видѣть меня въ качествѣ комиссаровъ, пусть покажутъ мнѣ конвенцію 2 августа, и я подумаю".

Другой разъ, когда адмиралъ Малькольмъ завелъ въ Лонгвудѣ рѣчь о комиссарахъ, Наполеонъ воскликнулъ:

„Какъ приму я этихъ людей? отъ кого они присланы сюда? Не отъ Австріи ли, которая двадцать разъ лежала у ногъ моихъ; или, можетъ быть, баронъ Штюрмеръ привезъ мнѣ извѣстія о женѣ моей и о сынѣ? Не отъ Императора ли Александра, которому я не разъ дѣлалъ одолженіе послѣ Тильзитскаго мира? Что сдѣлалъ онъ съ своей стороны, чтобы облегчить несчастное мое положеніе? Принять комиссаровъ значило бы признать себя плѣнникомъ Европы. Я вашъ плѣнникъ на дѣлѣ, потому что вы держите меня, но не по праву".

Узнавъ, что французскимъ комиссаромъ былъ маркизъ Монтеню, императоръ разразился гнѣвомъ:

„Я знаю этого Монтеню, закричалъ онъ, это старый... враль,

каретный генералъ, который въ жизнь свою и не нюхивалъ пороху; я не приму его".

Между тѣмъ Монтеню, съ дѣйствіями котораго австрійскому комиссару Штюрмеру предписано было сообразоваться, главнымъ образомъ испортилъ все дѣло, настаивая на томъ, что онъ не можетъ видѣть Наполеона иначе, какъ въ качествѣ комиссара, ибо въ противномъ случаѣ онъ унизилъ бы достоинство своего двора".

Время шло въ безплодныхъ переговорахъ; насталъ октябрь, а комиссары, пріѣхавъ въ іюнѣ, все еще не видѣли императора.

Въ исходѣ октября докторъ О'Меара встрѣтился съ ними за обѣдомъ у губернатора.

Комиссары выразили свое неудовольствіе по поводу того, что они еще не были приняты въ Лонгвудѣ: графъ Бальменъ въ особенности жаловался на это и замѣтилъ, что если бы онъ предвидѣлъ, какъ съ нимъ будутъ обращаться, то онъ бы не пріѣхалъ. Между прочимъ онъ сказалъ, что Императоръ Александръ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы помѣшать побѣгу Наполеона, но онъ желалъ бы, чтобы съ нимъ обращались съ подобающимъ ему уваженіемъ. „Комиссары станутъ посмѣшищемъ Европы, говорилъ Бальменъ, если узнаютъ, что они провели столько мѣсяцевъ на островѣ, не видавъ того, чье присутствіе они обязаны были засвидѣтельствовать".

Отказываясь принять комиссаровъ, какъ оффиціальныхъ лицъ, Наполеонъ очень желалъ, чтобы они посѣтили его, какъ частныя лица; въ особенности онъ выражалъ желаніе видѣть гр. Бальмена: объ этомъ передавали графу разныя лица, въ томъ числѣ и „маленькая Бетси"; она увѣряла меня, писалъ Бальменъ графу Нессельроде, „что ея другъ Бони (какъ она фамильярно называла Наполеона) съ нетерпѣніемъ ждетъ случая говорить съ мной". Хотя Бальменъ и могъ бы, не отступая отъ своихъ инструкцій, представиться Наполеону частнымъ образомъ, но онъ рѣшилъ дѣйствовать единодушно со своими товарищами.

Въ исходѣ 1816 г. Наполеонъ испыталъ большое огорченіе: его секретарь и помощникъ въ литературныхъ трудахъ, графъ Ласказъ и его сынъ были арестованы по обвиненію въ подкупѣ одного изъ мѣстныхъ жителей, съ цѣлью переправить черезъ него въ Европу письма. Хотя въ нихъ не оказалось ничего преступнаго, и не было намека на какой-нибудь планъ побѣга, тѣмъ не менѣе губернаторъ вскорѣ отправилъ Ласказа на мысъ Доброй Надежды.

Это былъ единственный изъ французовъ, хорошо знавшій англійскій языкъ; безъ него Наполеонъ былъ лишенъ возможности просматривать англійскіе журналы и книги. Большимъ огорченіемъ для

императора было то обстоятельство, что вмѣстѣ съ бумагами Ласказа были задержаны его собственныя бумаги. Онъ замѣтилъ доктору О'Меара, что если бы въ письмахъ Ласказа говорилось о какомъ-нибудь заговорѣ, то это можно было видѣть сразу при бѣгломъ просмотрѣ бумагъ. „Нѣсколько минутъ было достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ моемъ описаніи италіанскихъ походовъ не было ничего предосудительнаго, и губернаторъ не имѣлъ никакого права задержать его бумагъ".

„Могу ли я быть увѣренъ, что когда я окончу свою исторію, онъ не завладѣетъ ею? Правда, я могу хранить рукописи въ своей комнатѣ и защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и пустить пулю въ лобъ тому, кто захотѣлъ бы завладѣть ими; но это не особенно пріятно! Придется сжечь все то, что я написалъ; это было моимъ единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ ужасномъ жилищѣ: быть можетъ, мои сочиненія заинтересовали бы кого-нибудь; но съ этимъ sbirro siciliano нельзя быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Онъ нарушаетъ всѣ законы и попираетъ приличіе, вѣжливость и уваженіе, которое люди должны соблюдать взаимно въ цивилизованномъ обществѣ: когда онъ былъ здѣсь, въ его глазахъ свѣтилась дикая радость потому, что онъ нашелъ случай оскорбить насъ. Въ ту минуту, когда онъ со своимъ штабомъ отдавалъ приказаніе оцѣпить нашъ домъ (чтобы арестовать Ласказа, бывшаго въ тотъ моментъ у Наполеона), онъ напомнилъ мнѣ дикарей съ острововъ южнаго океана, которые танцуютъ вокругъ плѣнныхъ прежде, чѣмъ сожрать ихъ. Передайте ему то, что я сказалъ". И боясь, что я позабуду его слова о дикаряхъ, онъ повторилъ ихъ и заставилъ меня повторить.

„Какъ я былъ глупъ, отдавшись въ ваши руки! продолжалъ Наполеонъ. Я имѣлъ ошибочное представленіе о вашемъ національномъ характерѣ; я имѣлъ какое-то романическое понятіе объ англійской націи. Къ этому примѣшалась гордость: мнѣ было бы совѣстно отдаться въ руки одного изъ монарховъ, владѣнія коихъ были мною завоеваны, и въ чью столицу я вступилъ, какъ побѣдитель; это и побудило меня отдаться въ ваши руки, такъ какъ вы не были побѣждены мною. Я жестоко наказанъ за высокое мнѣніе, которое я составилъ о вашей націи, и за довѣріе, съ какимъ я къ ней отнесся, вмѣсто того, чтобы отдать себя въ руки моего зятя или Императора Александра, которые отнеслись бы ко мнѣ какъ монархи". Я замѣтилъ на это, пишетъ О'Меара, что Императоръ Александръ сослалъ бы его въ Сибирь.

„Ни чуть, отвѣчалъ Наполеонъ. Если бы я былъ во власти Императора Александра, желанія мои предупреждались бы. Это

человѣкъ благородный. Онъ заставилъ бы меня забыть мое несчастье". Помимо всякихъ соображеній интимнаго свойства, Александръ, изъ видовъ политики и изъ желанія быть популярнымъ, обращался бы со мною, какъ съ императоромъ; въ мое распоряженіе были бы предоставлены дворцы. Къ тому же Александръ великодушенъ, ему было бы пріятно обходиться со мною хорошо.

„Мой тесть, хотя человѣкъ не особенно далекій, но также религіозный; онъ не способенъ совершить преступленіе или быть столь жестокимъ, какъ здѣсь жестоки со мною".

Послѣ отъѣзда Ласказа Наполеонъ сталъ печаленъ. „Онъ старался казаться равнодушнымъ, но видимо страдалъ въ душѣ. Однажды у него вырвалось восклицаніе:

„Лучше бы мнѣ умереть разомъ!".

„Пускай отнимутъ у меня всѣхъ моихъ французовъ, я не хочу болѣе имѣть ихъ подлѣ себя, говорилъ онъ. Все равно, ихъ отнимутъ у меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ".

И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за Ласказомъ изъ Лонгвуда были отправлены изъ соображеній экономіи капитанъ Піонтовскій и четверо слугъ.

„Я не могу понять поведенія вашихъ министровъ, говорилъ Наполеонъ доктору О'Меара. Они тратятъ 60—70 тысячъ ф. ст. на то, чтобы послать сюда мебель и строительный матеріалъ для новаго дома, и въ то же время ограничиваютъ меня во всемъ. Они заставляютъ меня отпустить слугъ и дѣлать экономію, которая не совмѣстима съ приличіемъ и благополучіемъ моего дома. Съ нами торгуются изъ-за бутылки вина или двухъ-трехъ фунтовъ мяса съ такимъ серьезнымъ и важнымъ видомъ, какъ будто дѣло идетъ о судьбѣ нѣсколькихъ королевствъ. Я вижу непонятныя противорѣчія: съ одной стороны огромныя и ненужныя траты, съ другой невѣроятное сквалыжничество и мелочность. Почему они не допускаютъ, чтобы я самъ покупалъ все необходимое, это было бы лучше, чѣмъ унижать достоинство націи.

„По правдѣ сказать, надобно большое мужество, чтобы переносить подобную жизнь въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Этотъ нахалъ наноситъ мнѣ каждый день новые удары въ сердце и находитъ наслажденіе дѣлать мнѣ больно. Это повидимому единственное его удовольствіе. Онъ каждый день выдумываетъ новое средство мучить и оскорблять меня и налагать на меня новыя лишенія; онъ хочетъ сократить мою жизнь, раздражая меня каждый день".

„Я увѣренъ, что ни одинъ изъ министровъ не далъ бы своего согласія на то, чтобы со мною обращались такъ, какъ обращается со мною этотъ тиранъ. Его стараніе держать все это втайнѣ пока-

зываетъ, что онъ боится, чтобы его поступки не стали извѣстны. Вмѣсто того, чтобы соблюдать эту тайну и окружать меня шпіонами, онъ лучше бы сдѣлалъ, обращаясь со мною такъ, чтобы не бояться жалобъ съ моей стороны".

„Я не думаю, чтобы онъ поступалъ согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, а если это такъ, то онъ опозорилъ себя, принявъ подобное назначеніе".

В. Тимощукъ.

Яковъ Іоганъ Урсинусъ [1]).

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

До вступленія Урсинуса въ комиссію, Большая комиссія имѣла 56 засѣданій, во время которыхъ читались и обсуждались нѣкоторые изъ депутатскихъ наказовъ и дѣйствующіе законы о дворянствѣ. Затѣмъ комиссія приступила къ чтенію законовъ, „касающихся до купеческаго сословія и до торговли вообще“, и къ обсужденію вопросовъ, возбужденныхъ примѣчаніями, которыя дѣлали къ прочтеннымъ законамъ нѣкоторые изъ депутатовъ. Первый голосъ Урсинусомъ былъ поданъ въ 60-мъ засѣданіи комиссіи въ Москвѣ 13 ноября 1767 г. [VIII, 256]. Поводомъ къ его рѣчи послужило заявленіе князя М. М. Щербатова, сдѣланное въ засѣданіи 7 ноября [VIII, 222], т. е. въ слѣдовавшемъ непосредственно за тѣмъ, въ которомъ Урсинусъ былъ утвержденъ въ званіи депутата—о необходимости, въ интересѣ развитія внутренней торговли, учрежденія торжковъ и составленія для нихъ положенія.

Урсинусъ говорилъ, что по его мнѣнію въ каждой губерніи слѣдуетъ быть ярмаркамъ, но чтобы для установленія мѣста и времени для этихъ ярмарокъ собирались на совѣщаніе депутаты одной и той же губерніи или 2-хъ губерній. Удобнѣйшими мѣстами для ярмарокъ Урсинусъ полагалъ находящіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ городовъ.

Тѣ же совѣщанія депутатовъ должны были по мнѣнію Урсинуса опредѣлять: „гдѣ удобнѣе можно будетъ заложить небольшіе города“. „Города же пространные—говорилъ Урсинусъ—полезно умень-

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

шить, ибо они по разнымъ причинамъ препятствуютъ умноженію народа, а для нашей Имперіи надобно еще 80 милліоновъ жителей". Это мнѣніе замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что имъ проектируется новое учрежденіе,—отчасти напоминающее введенныя въ царствованіе Императора Александра II губернскія земскія собранія—хотя и съ весьма ограниченною компетенціею. Во всякомъ случаѣ здѣсь можно видѣть зародышъ нашихъ земскихъ учрежденій.

Въ засѣданіяхъ 9, 12, 13 и 14 ноября были читаны вексельный уставъ и касающіеся до этого устава указы. Въ засѣданіи 9 ноября депутатъ Харьковскаго дворянства Куликовскій внесъ предложеніе о дозволеніи обязываться векселями дворянамъ и лицамъ другихъ званій. Послѣ этого по вопросу о распространеніи права обязываться векселями высказывались весьма многіе депутаты, въ продолженіе 7-ми засѣданій 12—22 ноября [VIII, 234—327]. Мнѣнія, поданныя депутатами, были весьма разнообразны. Сторонники распространенія права указывали большею частію на то обстоятельство, что существующія запрещенія не соблюдаются, но обходятся: лица, не имѣющія права обязываться векселями, составляютъ векселя на чужое имя, отъ чего происходятъ многіе споры о безденежности векселей, и кредиторы напрасно теряютъ права, несомнѣнно имъ принадлежащія. Другія лица, какъ напр. депутаты отъ дворянъ: Суздальскаго уѣзда гр. Толстой и Верейскаго уѣзда Степановъ, стояли за сохраненіе прежняго ограниченія. Депутатъ Степановъ объяснялъ при этомъ, что „купцы обязываются векселями для прибыли, а дворяне по нуждѣ", и что послѣдствія, происходящія отъ писанія векселей дворянами, часто служатъ къ ихъ разоренію.

Урсинусъ высказался по этому вопросу въ засѣданіи 15 ноября (VIII, 269—273). Указавъ на необходимость векселей въ случаяхъ переводовъ денегъ изъ одной страны въ другую, а равно и въ торговыхъ оборотахъ, при чемъ существенное значеніе получаетъ точность въ исполненіи обязательствъ въ опредѣляемые для нихъ сроки, Урсинусъ выясняетъ справедливость тѣхъ строгихъ постановленій, которыми обезпечивается довѣріе къ векселямъ, и которыми вообще характеризуется вексельное право. Сравнивая съ условіями торговыхъ оборотовъ тѣ условія, при которыхъ совершается заемъ денегъ членами дворянскаго сословія, Урсинусъ усматриваетъ между ними коренное различіе, не допускающее возможности установлять одинаковыя послѣдствія неточнаго выполненія обязательствъ,

заключаемыхъ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ. Въ однихъ случаяхъ обращеніе торговли не пресѣчется, и никто не разорится, если долговыя претензіи заплатятся нѣсколько недѣль позже договорнаго срока; напротивъ, въ другихъ общее обращеніе въ торговлѣ можетъ остановиться, когда по вексельнымъ бумагамъ не будетъ оказываемо скораго правосудія. Невозможно измѣнять столь совершенное вексельное право, какъ наше, въ пользу обязательствъ, носящихъ только имя векселя. Между тѣмъ несправедливо требовать $1^1/_2{}^0/_0$ въ мѣсяцъ ($18^0/_0$ годовыхъ) отъ такого человѣка, который не безъ великаго труда можетъ и самый капиталъ возвратить. „Я ожидаю“—говорилъ Урсинусъ—„отъ благородныхъ чувствъ всѣхъ высокопочтенныхъ г. г. депутатовъ, что они лучше будутъ помышлять о законахъ, которые бы доставили богатому заимодавцу капиталъ съ его указными процентами, а разореніе злосчастнаго должника отвратили, нежели ободрять безпорядки, чрезъ которые заимодавцу капиталъ его возвратится съ такимъ умноженіемъ процентами, что отъ того погибнетъ полезный гражданинъ“.

Урсинусъ предлагалъ, чтобы векселями могли обязываться и брать ихъ могли только дѣйствительные купцы, или когда дѣло касается до перевода денегъ въ иностранныя земли.

Послѣднія засѣданія комиссіи въ Москвѣ въ 1767 году были главнымъ образомъ посвящены слушанію и обсужденію эстляндскихъ и лифляндскихъ привилегій. За ихъ сохраненіе высказывались депутаты остзейскихъ губерній—какъ дворянства, такъ и городовъ. Депутаты коренныхъ русскихъ мѣстностей высказывались за введеніе и въ остзейскія провинціи общаго закона. Урсинусъ въ этихъ спорахъ участія не принималъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, онъ одинъ разъ сослался на привилегіи города Дерпта, котораго былъ представителемъ, но по совершенно особенному поводу: ссылаясь на эти привилегіи, онъ могъ противиться предлагавшемуся исключительному праву дворянъ на владѣніе землею.

Въ 1768 году засѣданія комиссіи возобновились—съ 18 февраля—въ Петербургѣ. Первыя засѣданія этого года были посвящены слушанію и обсужденію дѣйствующихъ законовъ, „касающихся до юстиціи“. По поводу чтенія этихъ законовъ Урсинусъ въ засѣданіи 14 мая подалъ письменное мнѣніе, изложенное въ дневной запискѣ (журналъ комиссіи) весьма кратко, съ пропусками существенно важнаго. Подлинное мнѣніе напечатано въ приложеніи къ XXXII тому

Сборника Имп. Р. И. Общества подъ № 40, гдѣ занимаетъ слишкомъ 11 страницъ: 432—444 (соотвѣтствующее мѣсто дневной записки напечатано въ томъ же томѣ Сборника на стр. 68).

Мнѣніе Урсинуса, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ большой интересъ, какъ сущностью многихъ частей предлагаемаго авторомъ судоустройства—весьма напоминающихъ нѣкоторыя изъ чертъ 100 лѣтъ спустя осуществившейся судебной реформы Императора Александра II—такъ иногда и мотивами, приводимыми въ защиту предлагаемаго. Потому считаю необходимымъ остановиться на этомъ мнѣніи Урсинуса нѣсколько подольше. Въ то время, какъ представители и дворянства и другихъ сословій предлагали учрежденіе особыхъ судовъ для каждаго сословія изъ членовъ, сословіями же избираемыхъ, Урсинусъ предложилъ образованіе судебныхъ мѣстъ, общихъ для всѣхъ подданныхъ Императрицы, назначая судей изъ числа лицъ, свѣдущихъ въ законахъ. „Отъ такого человѣка“—говорилъ Урсинусъ—„который знанія не имѣетъ, уже нельзя требовать исправнаго рѣшенія по труднымъ и сплетеннымъ дѣламъ, а наказывать его за неправильное рѣшеніе столь же неприлично, какъ учинить незнающему медицинской науки наказаніе за то, что онъ, пользуя ближняго своего по лечебнику, принужденъ былъ его уморить. А какое преимущество сіе предложеніе имѣетъ предъ мнѣніемъ тѣхъ, кои утверждаютъ, чтобы нѣкоторые дворяне приставлены были къ воеводамъ для рѣшенія тяжбъ, о томъ упоминать уже излишне, потому что воеводы по большей части были неученые офицеры; а что до живущихъ по деревнямъ дворянъ касается, то цѣлому вѣку пройти надобно, пока они сдѣлаются юристами, тѣмъ меньше прозорливыми и трудолюбивыми судьями“...

Но, предлагая назначеніе судей изъ юридически-образованныхъ лицъ, Урсинусъ понималъ, что такихъ лицъ отыщется немного, а между тѣмъ для большого пространства Имперіи, при условіи близости судей къ населенію, можетъ ихъ потребоваться большое число. Близость же судей къ населенію, по мнѣнію Урсинуса, была дѣломъ огромной важности. „Отъ дальняго отстоянія“ судебныхъ мѣстъ—говорилъ онъ—„въ провинціяхъ дѣлается то, что бѣдный челобитчикъ, начиная свою тяжбу, или больше издержать принужденъ, нежели чего искомое имъ въ судѣ стоитъ, или же не остается ему другаго удовольствія кромѣ грусти и соболѣзнованія, когда онъ по своему недостатку не въ состояніи нести необходимо-нужныя издержки. Но, какъ бѣдный согражданинъ, тратя нѣсколько рублей, больше разоряется, нежели богатый, теряя нѣсколько тысячъ, то въ законоположеніи не должно почитать страданіе бѣднаго человѣка маловажнымъ, ибо отъ жизни и небольшаго имѣнія нѣсколькихъ

милліоновъ бѣдныхъ сыновъ отечества, а не отъ роскошной жизни малаго числа богатыхъ зависитъ богатство и сила нашей Имперіи, какъ нынѣ, такъ и въ будущія времена". Какъ же удовлетворить противоположнымъ другъ другу требованіямъ—приблизить судъ къ населенію и назначать судей изъ лицъ дѣйствительно къ тому способныхъ, число которыхъ не можетъ быть значительно? Урсинусъ предлагаетъ для этого учрежденіе разъѣзжихъ судей. Одинъ судья—„искусный въ правахъ"—по его предложенію былъ бы опредѣляемъ на нѣсколько провинцій. Изъ нѣсколькихъ погостовъ образовался бы судебный округъ, и въ каждомъ округѣ судья держалъ бы судъ 2 или 3 раза въ годъ, оповѣстивъ объ этомъ населеніе за 4 недѣли напередъ. Держа судъ, судья долженъ бы былъ разбирать какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть надзоръ за дѣйствіемъ опредѣленныхъ отъ судебныхъ мѣстъ опекуновъ. Тяжущіеся могли бы дѣйствовать передъ судьею и письменно и устно, только чтобы все производство суда было записано въ протоколъ. При каждой сессіи должны были бы присутствовать 3 или 4 человѣка изъ близъ живущихъ дворянъ, *по выбору жителей тѣхъ мѣстъ*, но тяжущіеся могли бы отводить „нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и другихъ изъ своихъ собратій на ихъ мѣста неподозрительныхъ людей избирать". Выборные товарищи судьи должны „наблюдать, чтобы судья никому не отказывалъ въ судебныхъ преимуществахъ, и чтобы онъ предлагаемаго тяжебнаго дѣла неправильно въ протоколъ не записывалъ, но каждому самыя его слова изъ протокола прочитывалъ, дабы тѣмъ увѣриться въ подтвердительномъ его признаніи". Присутствующіе дворяне „отрицательный голосъ въ томъ случаѣ имѣютъ, когда оные всѣ единодушно въ томъ согласятся". Замѣчу, что послѣднее предложеніе Урсинуса сближаетъ проектируемое учрежденіе товарищей судей съ учрежденіемъ „немдемановъ" въ городскихъ судахъ Финляндіи.

На товарищей судьи Урсинусъ полагалъ также возложить обязанность послѣ публикаціи о времени производства суда въ каждомъ судебномъ округѣ вызывать къ суду отвѣтчиковъ.

„Если судьѣ будетъ назначенъ такой большой округъ, въ которомъ ему чрезъ весь годъ упражнену быть надобно въ произведеніи суда, то жалованье ему по нѣсколько сотъ рублевъ въ годъ производить, которое ни казнѣ, ни обывателямъ тягостно не станетъ тѣмъ, что *губернскія и воеводскія канцеляріи останутся такими, какими имъ быть надлежитъ*, а именно присутственными мѣстами по дѣламъ, до экономіи, полиціи и экзекуціи касающимся, и число членовъ и служителей уменьшится *отлученіемъ судебныхъ дѣлъ изъ сихъ мѣстъ*".

„Въ каждой изъ самыхъ большихъ губерній, а въ 2-хъ и 3-хъ меньшихъ вмѣстѣ“ (при этомъ нужно вспомнить, что губерніи—которыхъ всего было тогда 20—были гораздо обширнѣе нынѣшнихъ) „опредѣлить надобно аппелляціоннаго судью, который бы въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ губерніи или въ каждой провинціи 2 раза въ годъ держалъ аппелляціонный судъ, въ которомъ бы нѣкоторые дворяне могли быть его товарищами на такомъ же основаніи, какъ о первомъ судѣ упомянуто. Въ ономъ аппелляціонномъ судѣ рѣшаемы быть могутъ всѣ изъ перваго суда на аппелляцію взятыя дѣла безъ изъятія, хотя бы оныя были криминальныя или гражданскія; а изъ сихъ аппелляціонныхъ судовъ дѣла переносимы быть имѣютъ въ государственную юстицъ-коллегію, которой департаменты надлежало бы распредѣлить въ разныхъ мѣстахъ Имперіи. Вотчинная коллегія могла бы остаться только крѣпостною архивою“...

Для городовъ Урсинусъ предлагалъ особые городскіе суды, также изъ „людей въ правахъ искусныхъ“, при чемъ „могъ бы каждый меньшій городъ содержать одного ученаго бургомистра, а большіе города, кромѣ бургомистра, еще двухъ право знающихъ ратмановъ. Аппелляціонный судья могъ бы рѣшать и аппелляціонныя дѣла изъ городовъ, только бургомистры или другіе честные граждане, по избранію градскихъ жителей, должны, вмѣсто дворянъ, присутствовать тогда, когда аппелляціонныя дѣла изъ городовъ производятся, выключая бургомистровъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ аппелляціонныя дѣла подлежатъ рѣшенію“.

Въ изложенномъ планѣ судоустройства наше вниманіе останавливается болѣе всего на тѣхъ чертахъ, которыя сближаютъ его съ основными началами судебной реформы Императора Александра II. Это—отдѣленіе суда отъ администраціи, всесословность суда, назначеніе судей изъ юристовъ, опредѣленіе имъ достаточнаго содержанія, уменьшеніе числа судебныхъ инстанцій, образованіе округовъ, приблизительно соотвѣтствующихъ округамъ нынѣшнихъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, выѣздныя сессіи судовъ. Въ подробностяхъ плана Урсинуса, какъ судоустройства, такъ и судопроизводства, можно найти еще многіе другіе признаки сходства съ установленіями 1864 года. Согласно съ высказаннымъ уже нѣсколькими депутатами мнѣніемъ, Урсинусъ предлагалъ „опредѣленіе при всѣхъ судебныхъ мѣстахъ искусныхъ и ученыхъ стряпчихъ, которые бы тяжущимся могли учинить вспоможеніе“.

Для сокращенія времени производства тяжебныхъ дѣлъ Урсинусъ предлагалъ:

1) Ограничить число бумагъ, представляемыхъ тяжущимися,

двумя съ каждой стороны въ аппелляціонныхъ судахъ и *одной* въ Правительствующемъ Сенатѣ;

2) Отмѣнить „худое обыкновеніе, чтобы присутственнымъ мѣстамъ самимъ черезъ справки требовать изъ разныхъ мѣстъ извѣстій и доказательствъ, на которыхъ одна изъ тяжущихся сторонъ ссылается, потому что тяжущійся самъ долженъ доставить себѣ доказательства и оныя во всякой готовности въ судъ предъявить (только никакое присутственное мѣсто не должно отрещися выдать кому то, что къ доказательству служить можетъ, если оное только находится въ дѣлахъ того мѣста)". Урсинусъ предлагалъ также въ интересѣ сокращенія времени производства дѣлъ, чтобы „до перваго начала тяжбы и въ первомъ судѣ представляемы были всѣ доводы, на которыхъ кто утверждается, а *аппелляціонные суды не должны* были *непосредственно принимать новыхъ доводовъ*, когда оные въ первомъ судѣ не представлены, потому что оный уже не преминулъ бы по онымъ доказательствамъ исправно рѣшить дѣло, не подавъ повода къ утружденію вышняго суда".

Извѣстно, что эта послѣдняя мѣра не принята современнымъ русскимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, который (ст. 747 устава для общихъ судебныхъ мѣстъ, для мировыхъ учрежденій—163) воспрещаетъ лишь предъявленіе въ аппелляціи новыхъ требованій, предъявленіе же аппелляціонной инстанціи новыхъ доводовъ тяжущимся разрѣшается на основаніи статей 331 и 777 устава.

Въ остальныхъ частяхъ записки Урсинуса особенное вниманіе обращаютъ на себя его заботы объ уменьшеніи числа случаевъ, въ которыхъ допускается личное задержаніе кого бы то ни было изъ судящихся.

Затѣмъ остановлюсь еще на одномъ мѣстѣ записки, имѣющемъ отношеніе ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, какъ къ судебнымъ, такъ и къ административнымъ. Урсинусъ высказываетъ желаніе, чтобы члены присутствій „сами упражнялись въ дѣлахъ, какъ то въ чужихъ краяхъ бываетъ", т. е. разбирали между собою дѣла, и сами ихъ докладывали, не допуская, чтобы судьба дѣла зависѣла отъ малаго знанія и неискусства канцелярскихъ служителей.

Но Урсинусъ хорошо понималъ, при какихъ условіяхъ подобное желаніе могло осуществиться, и не отказывался отъ указанія средствъ, которыя нужно было употребить для его осуществленія.

„Высокопочтеннымъ г.г. депутатамъ легко будетъ"—говорилъ онъ—„усмотрѣть, что по сему моему предложенію требуется отъ членовъ присутственныхъ мѣстъ больше знанія, нежели то, которое понынѣ въ нихъ почиталось довольнымъ. Полученіе ранга, ученіе

2-хъ языковъ или больше, переводъ какой-либо театральной піесы или сочиненіе стиха еще не можетъ служить доказательствомъ, что такой человѣкъ имѣетъ способность заступить важное мѣсто ассессора, совѣтника или президента, ибо при всемъ томъ можетъ онъ быть ничего не вѣдающій въ законахъ и не имѣетъ довольнаго разсужденія, такъ какъ и одно природное умствованіе не составляетъ искуснаго судью; хорошій танцовщикъ не можетъ представить берейтора, а стихотворецъ не можетъ по причинѣ своихъ стиховъ почитаться домостроителемъ; и потому, какъ можетъ кто черезъ полученіе чина и ранга сдѣлаться въ правахъ, также въ дѣлахъ, до государственныхъ доходовъ, до коммерціи и мануфактуръ касающихся, искуснымъ. И потому не будетъ ли служить къ пользѣ нашего отечества, къ благосостоянію нашихъ согражданъ и позднѣйшихъ нашихъ потомковъ, если мы всеподданнѣйше попросимъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указать, чтобы никто не опредѣленъ былъ въ какое-либо присутственное мѣсто членомъ, пока онъ при нѣкоторыхъ людяхъ, коихъ отличное знаніе и искусство общевѣдомо, не объяснитъ принадлежащаго къ оному присутственному мѣсту труднаго дѣла; при томъ случаѣ скоро откроется его способность къ писанію, искусство въ законахъ, сила его разсужденія и пріобрѣтенное имъ объ интересѣ его отечества знаніе, безъ котораго никто не заслуживаетъ быть членомъ. Чрезъ такое учрежденіе присутственныя наши мѣста освобождены будутъ отъ множества подъячихъ, и мы не принуждены будемъ видѣть благосостояніе наше зависящимъ отъ такихъ людей, кои и въ рукахъ не имѣли тѣхъ книгъ, въ которыхъ законы написаны“.

А. Вороновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?

Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами).

Прошло уже около 8 лѣтъ со времени злополучной вафангоуской операціи, но оцѣнка ея съ точки зрѣнія теоріи, особенно въ стратегическомъ отношеніи, еще далеко не можетъ считаться окончательно установившеюся. Фактическая сторона этого эпизода нашей войны съ Японіей, довольно подробно разработанная въ трудѣ Военно-Исторической комиссіи, тѣмъ не менѣе представляетъ пробѣлы, которые уже вызвали въ литературѣ нѣкоторыя возраженія и дополненія. Въ трудахъ другихъ авторовъ, пытавшихся подвергнуть критическому разбору наступленіе 1. Сиб. корпуса въ маѣ 1904 года, замѣтно стремленіе опорочить его замыселъ подведеніемъ подъ категорію „военныхъ авантюръ“, при чемъ авторы основываютъ свои выводы главнымъ образомъ на неудачѣ финала наступленія—боя 2 іюня 1904 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературныхъ трудахъ по вафангоуской операціи, какъ и въ другихъ изслѣдованіяхъ событій нашей несчастной Маньчжурской кампаніи, ярко проявилось подсказанное оскорбленнымъ національнымъ самолюбіемъ стремленіе искать и находить виновниковъ неудачъ и пораженій. При бѣдности фактическаго матеріала, которымъ могли располагать авторы, неудивительно, что нерѣдко упреки и обвиненія направлялись не по настоящему адресу. Но проходятъ года, страсти утихаютъ, событія разъясняются, и нелицепріятный судъ исторіи вступаетъ наконецъ въ свои права.

Настоящій трудъ является попыткой пролить свѣтъ на событія, разыгравшіяся на Южно-Маньчжурскомъ театрѣ войны отъ начала

мая 1904 года до боя у Вафангоу включительно. Главный источникъ, которымъ авторъ пользовался—трудъ Военно-Исторической комиссіи [1]), краткій же ходъ дѣйствій изложенъ почти буквально по главѣ IX книги подполковника А. Свѣчина „Русско-Японская война 1904—5 гг.“ изд. 1910 г., составленной по тѣмъ же источникамъ, которыми пользовалась комиссія. Стараясь быть объективнымъ въ своемъ изслѣдованіи, авторъ не могъ однако не коснуться тѣхъ взглядовъ, которые высказывались раньше по тому же вопросу, и въ случаѣ разногласія представить на судъ читателей свои возраженія, касающіяся оцѣнки не только событій, но и лицъ, игравшихъ въ нихъ роль главныхъ дѣятелей.

Къ половинѣ мая группировка [2]) нашихъ силъ была нижеслѣдующая:

Южный авангардъ—34 баталіона, 23 эскадр. и сотни и 100 орудій—располагался въ раіонѣ Хайченъ-Инкоу-Гайчжоу-Далинскій перевалъ, наблюдая на 3 фронта: побережье Ляодунскаго залива, горные проходы на юго-востокъ и вдоль желѣзной дороги къ Пуланьдяну.

Восточный отрядъ—28½ баталіоновъ, 13½ сот. и 50 орудій—былъ разбросань на горныхъ позиціяхъ, пересѣкавшихъ пути отъ Фынхуанчена къ Ляояну.

Конница Мищенко—17 сот., 6 оруд.,—выдвинувшись въ окрестности г. Сюяня, являлась связью между обѣими группами, а конница Ренненкампфа, той же силы, прикрывала лѣвый флангъ Восточнаго отряда, имѣя главныя силы у Саймацзы.

Общій резервъ арміи—27 баталіоновъ, 8½ сотенъ, 78 орудій—группировался отъ Ляояна до Хайчена.

Всего, считая и нѣсколько меньшихъ отрядовъ, въ Маньчжурской арміи числилось до 100 баталіоновъ, 84 эскадроновъ, 250 орудій.

Японцы имѣли: три дивизіи Куроки (Гв., 2. и 12.) въ окрестностяхъ Фынхуанчена, 10. дивизія—ядро будущей IV арміи Нодзу—высадилась въ Дагушанѣ, три дивизіи Оку (II армія—3., 4., 5. дивизіи)—близъ Пуланьдяна. Наконецъ двѣ дивизіи—ядро будущей III арміи Ноги—прикрывали устройство въ Дальнемъ промежуточной базы со стороны гарнизона Портъ-Артура [3]).

---

[1]) Въ ссылкахъ на это сочиненіе приводятся только №№ томовъ, частей и страницъ, безъ указанія заглавія труда.

[2]) См. схему № 2.

[3]) А. Свѣчинъ, стр. 116—117. Изъ этого же труда заимствованъ планъ поля сраженія.

Въ этомъ перечисленіи надо отмѣтить неточности: а) 10. дивизія въ половинѣ мая не „высадилась“, а только высаживалась; къ 17 мая на берегу было 9 бат., 1 эск. и 24 гор. орудій, вся же дивизія съ тыловыми учрежденіями была готова только къ 27 мая (Т. II, ч. 1, стр. 373). б) Изъ дивизій, вошедшихъ въ составъ III арміи Ноги, къ 16 мая на Ляодунѣ была только одна 1. дивизія, участвовавшая въ Цзиньчжоускомъ бою; 11. дивизія 16—18 мая только начала высаживаться и кончила высадку 1 іюня (Т. VIII Ч. 1, стр. 339); 6. дивизія, предназначенная въ составъ III арміи, но въ дѣйствительности поступившая впослѣдствіи во II армію, начала высадку въ Таліенванѣ въ концѣ мая (Т. II, Ч. 1, стр. 328).

Приводя это исчисленіе японскихъ силъ, подполк. Свѣчинъ прибавляетъ: „Это развертываніе японскихъ силъ въ общихъ чертахъ было намъ извѣстно“. Это утвержденіе требуетъ серьезной оговорки, а именно было бы правильнѣе сказать: „было намъ извѣстно только въ отношеніи приблизительныхъ раіоновъ сосредоточенія японскихъ войскъ, что же касается силъ противника, то свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были крайне неопредѣленныя и сбивчивыя [1]).

К—ій Маньчжур. арміей еще 3 мая исчислялъ силы двухъ только японскихъ армій, уже высадившихся на материкѣ, въ 100 бат-новъ (стр. 279, Т. II, Ч. 1) и еще ожидалъ высадки третьей арміи. Къ 22 мая въ штабѣ Маньчж. арміи силы японцевъ, по предположенію находившіяся уже на материкѣ, исчислялись въ 162 баталіона пѣхоты (Т. II Ч. 1, стр. 329), между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности къ концу мая у нихъ въ Маньчжуріи и на Ляодунѣ было не болѣе 120 б-новъ (тамъ же, стр. 330). Свѣдѣнія относительно большого превосходства силъ противника, которымъ склонны были вѣрить въ Маньчжурской арміи, встрѣчали, напротивъ, постоянное недовѣріе со стороны Намѣстника—Главнокомандующаго, г.-ад. Алексѣева, какъ видно изъ его переписки съ г.-ад. Куропаткинымъ (напр. Т. II, Ч. I, стр. 285, 342, Т. II, Ч. 2, стр. 363 и приложеніе № 44 стр. 26), но штабъ Намѣстника не располагалъ иными свѣдѣніями, кромѣ тѣхъ, которыя имѣлись въ штабѣ М. арміи.

Успѣхи японцевъ подъ Тюренченомъ и Цзиньчжоу вызвали серьезныя опасенія, выдержитъ ли неготовая крѣпость Портъ-Артуръ первый же натискъ японцевъ. Намѣстникъ признавалъ, что участь Портъ-Артура возбуждаетъ серьезныя опасенія. Ген.-адъют. Куропаткинъ не считалъ, что положеніе крѣпости Артуръ является на-

---

[1]) См. „Сводки свѣдѣній о противникѣ съ 25 марта по 15 сентября 1904 г.“ Изданіе Штаба Главнокомандующаго, 1905 г., стр. 14—50.

столько критическимъ, чтобы требовалась немедленная помощь, и не былъ склоненъ выдвигать значительныя силы къ югу отъ Ташичао, но разногласіе рѣшено было въ пользу мнѣнія Намѣстника, который 24-го мая далъ директиву: выдвинуть на помощь Портъ-Артуру корпусъ въ составѣ не менѣе 48 баталіоновъ.

Еще 17 мая у ст. Вафангоу произошло столкновеніе коннаго отряда ген.-м. Самсонова (12 эск. и сот., 1 кон.-охотн. команд. 6 оруд.) съ отрядомъ ген.-м. Акіяма (8 эск., 2 роты, 8 пулем.). Преслѣдуя наши передовыя части, одинъ японскій эскадронъотдѣлился нѣсколько впередъ и, по приказанію ген.-м. Самсонова, былъ лихо атакованъ и разсѣянъ послѣ рукопашнаго боя двумя сотнями сибирскихъ казаковъ. Далѣе началъ развиваться стрѣлковый бой, и японская пѣхота потѣснила наши спѣшившіяся части.

Мы опредѣлили силу пѣхоты выдвинувшагося японскаго передового отряда въ одинъ полкъ. Явилось предположеніе разбить его въ отдѣльности, для чего рѣшено было сосредоточить къ Вафангоу сначала 2, а потомъ 1 полкъ. Вся 1. Восточно-Сибирская стрѣлк. дивизія была сосредоточена по желѣзной дорогѣ къ Вафангоу къ 25 мая, но уже 22 мая Японскій передовой отрядъ, замѣтивъ угрожавшую ему опасность, отошелъ на главныя силы ген. Оку.

Такимъ образомъ, ко времени полученія директивы Намѣстника одна дивизія уже была выдвинута на югъ, на 3 перехода отъ нашихъ силъ, и всего на 2 перехода отъ арміи Оку. Оставалось только усилить наши войска у Вафангоу и затѣмъ приступить къ дальнѣйшему наступленію на югъ. 1. сибирскій корпусъ, части котораго, охранявшія побережье Инкоу-Гайчжоу, смѣнялись прибывшимъ по желѣзной дорогѣ 4. Сибирскимъ корпусомъ, могъ сосредоточиться къ началу іюня. Онъ усилился бригадой 35. дивизіи, что доводило, однако, его составъ только до 32 баталіоновъ, вмѣсто предположенныхъ 48-ми; это рѣзко измѣняло отношеніе силъ не въ нашу пользу.

Общее начальствованіе надъ войсками, назначенными для наступленія къ Портъ-Артуру, было возложено на командира 1. Сиб. арм. корпуса, ген.-лейт. барона Штакельберга [1]).

По вопросу о силахъ, которыми могъ располагать этотъ генералъ, представляется интереснымъ провѣрить: дѣйствительно ли части 1. Сиб. корпуса, охранявшія побережье Инкоу—Гайчжоу, не могли быть смѣнены раньше, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности?

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 117—119.

Къ 16 мая, 9. В. С. стр. дивизія, была расположена въ Инкоу, въ Гайчжоу и въ Ташичао. Когда явилось предположеніе нанести отдѣльное пораженіе японскому передовому отряду, одинъ изъ полковъ дивизіи (36. В. С.) былъ еще 18 мая перевезенъ по жел. дорогѣ въ Вафангоу (т. II, ч. I, стр. 357); для охраны побережья оставлено $8^1/_4$ бат. 1 сот. 38 орудій (т. II, ч. I, стр. 360).

Въ первой половинѣ мая въ составъ арміи прибыла 2. Сибир. пѣх. дивизія, которая была направлена: 2. бригада въ Восточный отрядъ, 1.—въ Хайченъ (т. II, ч. I, стр. 351). Посылка 2. бригады была вызвана преувеличенно тревожными донесеніями изъ отряда ген. Ренненкампфа, которыя, какъ вскорѣ выяснилось, не имѣли серьезнаго основанія; въ сочиненіи анг. ген. штаба о Русско-Японской войнѣ по этому поводу говорится, что „появленіе японскаго разъѣзда было возвеличено въ угрозу русской линіи сообщенія посредствомъ сильнаго авангарда“ и имѣло въ результатѣ отправленіе къ графу Келлеру 2. бригады 2. Сиб. пѣх. дивизіи, которая могла бы быть „гораздо полезнѣе у Штакельберга“ [1]).

Но допустимъ соотвѣтственность этой мѣры обстановкѣ, какъ послѣдняя рисовалась Командующему маньчжурской арміей, согласимся также, что постановка 1. бригады той же дивизіи въ Хайченѣ была необходима для смѣны въ этомъ пунктѣ 2. бригады 35. пѣх. дивизіи, предназначенной въ составъ отряда ген. Штакельберга, тѣмъ болѣе, что къ половинѣ мая выяснилась высадка въ Дагушанѣ значительныхъ японскихъ силъ и возможность угрозы ихъ въ направленіи къ Хайчену и къ Гайчжоу. Но въ періодъ съ 19 по 28 мая на театръ войны успѣла прибыть и 3. Сибирская дивизія; изъ полковъ ея первые два по времени прибытія (Омскій—21 мая и Барнаульскій—22—23 мая), а также половина артиллеріи (3. дивизіонъ—19 мая), были высажены въ Ляоянѣ, а затѣмъ выступили 24 мая въ Хайченъ и Ташичао походнымъ порядкомъ (т. II, ч. I, Приложенія стр. 18 и 19). Если бы Омскій и Барнаульскій полки съ 3. дивизіономъ были вмѣсто Ляояна отправлены по жел. дорогѣ, хотя бы только до тѣхъ пунктовъ, до которыхъ были перевезены впослѣдствіи остальныя части 3. дивизіи (Хайченъ и Гайчжоу), то очевидно, что уже къ 24—26 мая 9. В. С. дивизія была бы полностью смѣнена на побережьи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это случилось только 31 мая и 1 іюня (т. II, ч. I, стр. 382). По этому поводу напомню, что предписаніе К—щему М. арміей о безотлагательномъ приступѣ къ операціи по выручкѣ Портъ-Артура, съ назначеніемъ для этой цѣли не менѣе 4-хъ ди-

[1]) Русскій переводъ, вып. II, стр. 166 (Примѣчаніе).

визій, было дано Намѣстникомъ 18 мая (т. II, ч. I, стр. 296). Въ періодъ между 16 и 25 мая со стороны противника не было предпринято никакихъ сколько-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій и г. Саймацзы оказался имъ не занятымъ; въ теченіе этого времени Командующій арміей могъ убѣдиться въ неосновательности своихъ опасеній за восточный фронтъ, вызвавшихъ поспѣшную отправку туда 2. бригады 2. Сибир. дивизіи. Развѣдывательное отдѣленіе штаба арміи, на основаніи поступившихъ къ нему за указанный періодъ свѣдѣній, также склонялось къ выводу, что на Ляодунѣ сосредоточена главная масса японскихъ силъ (II и III арміи) въ то время, какъ противъ восточнаго фронта М. арміи находится, преслѣдуя демонстративныя цѣли, I армія, усиленная нѣкоторыми сомнительными частями другихъ дивизій. Связью между южной и восточной группами японскихъ силъ являлся, по предположенію развѣд. отдѣленія, отрядъ высаженный въ Дагушанѣ, сила котораго опредѣлялась отъ одной до двухъ бригадъ 10-й дивизіи и на усиленіе котораго была направлена изъ Фынхуанчена часть I арміи [1]).

Передовыя части восточной группы предполагались къ намъ не ближе линіи Саймацзы-Шаличжай (Салидзайпудза), т. е. по прямому направленію не ближе 100 верстъ отъ жел. дороги; считая же по дорогамъ,—раза въ полтора больше. Правда, что съ 25 мая снова обнаружилось наступленіе противника на фронтѣ Саймацзы—Сюянь, но только у послѣдняго пункта, занятаго японцами 26 мая послѣ боя съ конницей ген. Мищенко, наступленіе это могло вызвать нѣкоторыя опасенія, въ другихъ же направленіяхъ оно носило явно демонстративный характеръ и къ 27 мая прекратилось, съ отходомъ передовыхъ частей японцевъ (т. II, ч. I, ст. 401). Г. Саймацзы, занятый японцами 25 мая съ боя, былъ ими снова очищенъ (тамъ же стр. 411). Къ 29 мая пріостановилось наступленіе и отъ Сюяня (тамъ же стр. 379) и къ этому времени развѣд. отдѣленіе съ большою точностью опредѣлило силы восточной группы японцевъ (сводки къ 29 и 31 мая, стр. 64 и 71), высказавъ предположеніе, что „разброска 4-хъ дивизій на фронтѣ до 200 верстъ ясно показываетъ, что здѣсь японцы не могутъ разсчитывать на нанесеніе намъ рѣшительныхъ ударовъ. Переходъ ихъ въ наступленіе не болѣе, какъ демонстрація“. Заключеніе это въ частности тотчасъ же подтвердилось, т. к. предпринятая вновь противникомъ 31 мая попытка наступленія на Далинскій перевалъ была въ тотъ же день признана за демонстрацію (т. II, ч. II, стр. 12).

При такихъ условіяхъ не только 9. В. С. дивизія къ 27 мая

---

[1]) Сводки свѣдѣній, стр. 53—55. См. схема № 3.

могла бы быть уже вся при своемъ корпусѣ въ Вафангоу (какъ было объяснено выше), но вслѣдъ за нею могли быть направлены и части 3. Сиб. дивизіи, оставшіяся за смѣной 9. В. С. дивизіи въ излишкѣ, т. к. высадка противника въ Ляодунскомъ заливѣ въ это время представлялась мало вѣроятной [1]). Если же резервъ у Ташичао признавался необходимымъ для прикрытія направленія на Сюянь, которое съ занятіемъ этого узла путей японцами казалось опаснымъ, то для замѣны частей 3. Сиб. дивизіи въ Ташичао могли быть привлечены части армейскаго резерва изъ Ляояна, гдѣ въ нихъ никакой надобности не было. Остальная часть того же резерва могла пойти на усиленіе отряда ген. Штакельберга, доведя силу его до намѣченныхъ 48 баталіоновъ. Резервомъ арміи въ концѣ мая можно было считать X арм. корпусъ, прибытіе головныхъ частей котораго въ раіонъ сосредоточенія ожидалось съ 7 іюня (т. II, ч. II, стр. 100). Указанную рокировку силъ къ югу вѣроятно и имѣлъ въ виду адмиралъ Алексѣевъ, когда въ помѣткахъ на депешѣ г.-ад. Куропаткина отъ 25 мая выражалъ мнѣніе о возможности усилить наступающій корпусъ бригадой 3. Сиб. дивизіи (т. II, ч. I, стр. 342); по этому поводу въ трудѣ В.-Ист. комиссіи высказывается какъ будто недоумѣніе, почему эти соображенія не были сообщены ген.-ад. Куропаткину; мнѣ кажется, что указаніе К—щему арміей, какія именно части должны находиться въ числѣ тѣхъ 48 б—новъ, которые Намѣстникъ считалъ необходимымъ сосредоточить въ рукахъ ген. Штакельберга, было бы неумѣстнымъ вторженіемъ Главнокомандующаго въ предѣлы правъ К—щаго арміей,—въ силу Высочайшаго повелѣнія совершенно самостоятельнаго въ своихъ дѣйствіяхъ и лично отвѣтственнаго (т. II, ч. I, стр. 29). Требованіе же о направленіи для выручки Портъ-Артура отряда не менѣе четырехъ дивизій или 48 б—новъ Намѣстникомъ подтверждалось неоднократно, напр. въ телеграммахъ отъ 18 и 22 мая, директивѣ отъ 24 мая и телеграммѣ отъ 28 мая (т. II, ч. I, стр. 296, 337, 340 и 342). Ген.-ад. Алексѣевъ (также, какъ и развѣд. отдѣленіе штаба арміи) далеко не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній К—щаго арміей относительно возможности серьезныхъ активныхъ дѣйствій со стороны восточной группы противника (тамъ же стр. 342) [2]). Самъ бывшій к—ръ 1. Сиб. корпуса, ген. баронъ

---

[1]) Японская морская демонстрація на Сюньюченскомъ побережьи, предпринятая 25—26 мая, не произвела никакого впечатлѣнія (т. II, ч. I, стр. 365).

[2]) Въ частности, по поводу донесенія К—щаго М. арміей отъ 17 мая объ обозначившемся наступленіи противника на Саймацзы, г.-ад. Але-

Штакельбергъ, какъ видно изъ его статьи „Бой подъ Вафангоу", помѣщенной въ № 136 Русск. Инвалида 1911 г., не только считаетъ, что прибытіе въ Вафангоу 34. и 35. В. С. стр. полковъ (9. В. С. дивизіи) и Тобольскаго пѣхотнаго полка (3. Сиб. дивизіи) до полудня 1 іюня было возможно, но утверждаетъ, что онъ разсчитывалъ на прибытіе перечисленныхъ частей именно къ этому времени на основаніи даннаго ему 31 мая обѣщанія. Въ дѣйствительности же названные три полка подошли къ нему только 2 іюня, когда ходъ боя сложился уже непоправимо не въ нашу пользу. Едва-ли вообще Тобольскій полкъ могъ быть особенно полезенъ ген. Штакельбергу, при условіи, что онъ предоставлялся въ распоряженіе к—ра 1. Сиб. корпуса только условно, на однѣ сутки, по истеченіи коихъ долженъ былъ вернуться въ Ташичао, „независимо отъ того, чѣмъ бы ни кончился бой съ японцами" (т. II, ч. 2, стр. 520). Непонятно также, почему не были притянуты къ ген. Штакельбергу два баталіона Воронежскаго полка изъ Сеньючена (т. II, ч. 2, стр. 10), гдѣ они стояли безъ всякой пользы со времени послѣдней морской демонстраціи японцевъ (т. II, ч. 1, стр. 365).

Инструкція, данная ген.-лейт. Штакельбергу К—щимъ М. арміей, гласила:

„Наступленіемъ въ направленіи на Портъ-Артуръ притянуть на себя возможно большія силы противника и тѣмъ ослабить его армію, оперирующую на Квантунскомъ полуостровѣ".

„Для достиженія этого, движеніе противъ выставленнаго на сѣверъ заслона должно быть произведено быстро и рѣшительно, имѣя въ виду скорѣйшее пораженіе передовыхъ частей непріятеля, буде таковыя окажутся слабыми. Съ превосходными же силами не доводить дѣло до рѣшительнаго столкновенія и отнюдь не допускать израсходованія всего вашего резерва въ бою, пока не выяснится обстановка".

„Конечной цѣлью нашего движенія на югъ ставится овладѣніе Цзинчжоуской позиціей и дальнѣйшее наступленіе затѣмъ къ Портъ-Артуру".

Армія Оку не стала однако пассивно выжидать развертыванія и наступленія силъ ген. Штакельберга. По мнѣнію подпол. Свѣчина положеніе арміи Оку послѣ высадки являлось сомнительнымъ. Дѣло въ томъ, что другія группы японскихъ силъ (I армія и Дагушан-

---

ксѣевъ въ своемъ отвѣтѣ высказываетъ предположеніе, что это „вѣроятно передвиженіе лишь небольшого отряда съ цѣлью развѣдки", какъ и оказалось въ дѣйствительности.

скій отрядъ) не были еще готовы къ наступленію. Чтобы задержать *наступленіе русскихъ на югъ, котораго особенно опасались*[1]), особенно пока не удалось овладѣть Цзиньчжоуской позиціей, японцамъ пришлось прибѣгнуть къ демонстраціи крейсерской эскадрой на побережьѣ противъ Гайчжоу—Сеньючена[2]). Въ этой демонстраціи, такъ же какъ и подобной ей, предпринятой въ концѣ мая, отсутствовало то, что единственно могло придать ей вѣсъ: большой транспортный флотъ. Съ другой стороны, изъ сочиненія ген. Гамильтона видно, до какой степени въ первое время послѣ боя у Ялу опасался также и Куроки наступленія русскихъ, особенно въ обходъ его праваго фланга, и какое чувство облегченія испытывали въ I японской арміи, когда угроза, ожидавшаяся со стороны ген. Ренненкампфа, не осуществилась, благодаря чему армія могла спокойно закончить устройство своего тыла[3]).

Въ трудѣ В.-Ист. комиссіи говорится, что въ сочиненіи анг. ген. штаба японцамъ приписывается мнѣніе о „несоотвѣтствіи“ и даже „невѣроятности“ наступленія русскихъ для выручки П.-Артура (т. II, ч. 1, стр. 365). Я лично такого указанія въ имѣющемся русскомъ переводѣ труда Анг. ген. штаба не нашелъ[4]), а у Гамильтона, напротивъ, приводится высказанное ему мнѣніе начальника штаба I арміи, что *бездѣйствіе* Куропаткина признается невѣроятнымъ, *т. к. это было бы слишкомъ выгодно для японцевъ*[5]). Наименѣе же вѣроятной изъ возможныхъ операцій Куропаткина генераломъ Фуджіи (Фучжи) признавалась именно операція къ востоку, *а не къ югу* (стр. 163).

Сопоставляя эти данныя, можно придти къ заключенію, что въ періодъ, предшествующій вафангоускому бою, оба противника (изъ коихъ японцы были еще менѣе готовы къ наступленію, чѣмъ русскіе) внушали другъ другу серьезныя опасенія. Весь вопросъ о выходѣ

---

[1]) Курсивъ мой. В. Ф.

[2]) А. Свѣчинъ, стр. 119.

[3]) Записная книжка штабного офицера, русск. переводъ, т. I, стр. 165, 170.

[4]) Единственное, по смыслу нѣсколько подходящее къ указанному утвержденію, мѣсто въ сочиненіи англ. ген. штаба изложено слѣдующимъ образомъ: „очевидно, что операція, предпринятая при такомъ полномъ непониманіи трудностей, которыя она должна была, навѣрное, встрѣтить, была уже заранѣе обречена на неудачу; и эти трудности были еще увеличены самимъ Командующимъ, недавшимъ въ данное время своему подчиненному разрѣшенія на сосредоточеніе своихъ силъ“ (выпускъ II, стр. 52, русскій переводъ). — Отъ этой оцѣнки до признанія самой идеи операціи „несоотвѣтствующей“ и „невѣроятной“, какъ видно, далеко.

[5]) Курсивъ мой. В. Ф.

изъ этого тягостнаго для обѣихъ сторонъ положенія заключался въ томъ, кто изъ соперниковъ съумѣетъ первый овладѣть охватившимъ его чувствомъ и, взявъ въ свои руки починъ, постарается нанести противнику ударъ, не давая себя поглотить заботамъ о парированіи предполагаемыхъ замысловъ врага. Обстановка, насколько она теперь выяснилась (но въ то время оцѣнивалась вѣрно лишь немногими), показываетъ, что мы были въ состояніи нанести японцамъ такой ударъ. Еще 6 мая, т. е. за недѣлю до паденія Цзиньчжоуской позиціи, въ штабѣ Намѣстника была составлена и представлена ген.-ад. Алексѣеву записка о наступленіи на Квантунъ, въ которой признавалось возможнымъ наступленіе это произвести силами около 60 баталіоновъ (т. II ч. 1, стр. 283), считая въ составѣ М. арміи 2. Сибирскую дивизію, которая въ это время подвозилась къ Ляояну[1]). Для этой цѣли оставлялось въ заслонахъ 29 бат., въ гарнизонахъ Мукдена, Ляояна и на охранѣ жел. дороги 6 бат., остальные 69 бат. предполагалось *немедленно* сосредоточить у Хайчена съ авангардами въ Инкоу, Гайчжоу и Ташичао. Въ это же время произвести энергичные поиски конницей въ направленіяхъ къ Пуланьдяню, Бицзыво и Дачжуанхэ. Въ зависимости отъ свѣдѣній, которыя должна была доставить конница, предполагалось наступленіе на Квантунъ силами около 60 б—новъ, оставивъ остальные 8—9 для наблюденія за побережьемъ Инкоу—Гайчжоу. (Дѣло В.-Ученаго Архива № 39027 стр. 21—22). По мнѣнію автора проекта уже одно сосредоточеніе указанныхъ силъ въ раіонѣ Хайченъ-Гайчжоу въ связи съ дѣйствіями конницы должно было внушить высадившимся на Квантунѣ японцамъ опасенія за ихъ тылъ и заставить ихъ израсходовать часть силъ на выставленіе заслоновъ къ сѣверу. *Въ армейскомъ резервѣ не оставлялось ничего*: таковымъ признавалась 3. Сиб. дивизія, которая ожидалась въ раіонѣ сосредоточенія во второй половинѣ мая, а затѣмъ подвозимыя изъ Евр. Россіи подкрѣпленія съ X корпусомъ во главѣ. Слабость заслоновъ противъ восточной группы противника оправдывалась по мнѣнію автора пассивностью этой группы и ея немногочисленностью (3—4 дивизіи); чтобы еще болѣе приковать ее къ мѣсту, проектировались энергичныя дѣйствія ей въ тылъ отрядомъ ген. Ренненкампфа.

Ген.-ад. Алексѣевъ одобрилъ предположеніе о переходѣ въ наступленіе, но по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, наступленіе въ то время не состоялось. Между тѣмъ, если бы было *только приступлено* къ исполненію изложеннаго плана, то уже это

---

[1]) Пѣхота сосредоточилась къ 8 мая, артиллерія нѣсколько позднѣе (т. II ч. 1, приложеніе стр. 18).

одно могло отдалить паденіе Цзиньчжоуской позиціи, т. к. принудило бы Оку усилить выставленные на сѣверъ заслоны, соотвѣтственно ослабивъ войска, назначенныя для овладѣнія позиціей, или отложивъ атаку до высадки 11. дивизіи. Наступленіе же массы въ 60 баталіоновъ къ югу при необезпеченности базы японцевъ въ Бицзыво и удержаніи въ нашихъ рукахъ Цзиньчжоу, могло поставить Квантунскую группу противника въ самое тяжелое положеніе, т. к. восточная группа въ то время еще совершенно не была въ состояніи не только дѣйствительно угрожать нашимъ сообщеніямъ, но даже двигаться. Такимъ образомъ опасенія ген. Оку были не напрасны...

Овладѣніе Цзиньчжоускимъ перешейкомъ укрѣпило положеніе японцевъ, но оно еще оставалось тяжелымъ, такъ какъ общая обстановка все-таки давала намъ возможность, прикрывшись со стороны восточной группы противника, выставить противъ южной превосходныя силы.

Высадка у Инкоу—Гайчжоу, всегда казавшаяся маловѣроятной, въ виду постояннаго занятія этого побережья нашими войсками, становилась послѣ начавшейся 6 мая высадки японцевъ у Дагушана еще менѣе вѣроятной; если бы она тѣмъ не менѣе состоялась, то значеніе ея ослаблялось бы тѣмъ, что высадившимся съ боя войскамъ требовалось значительное время, чтобы изготовиться къ дальнѣйшему наступленію, какъ то признавалъ самъ К—щій М. арміей (Т. II, Ч. 1, стр. 303). То же самое можно сказать и про высадку у Дагушана, совершавшуюся при неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, въ виду чего для противодѣйствія наступленію высадившихся тамъ войскъ къ Хайчену или Гайчжоу мы всегда успѣли бы привлечь 3. Сибирскую дивизію. Еще меньше опасеній могла внушать Фынхуанченская группа, не выходившая изъ своей пассивности и удаленная отъ Ляояна на десятокъ переходовъ по горнымъ дорогамъ, къ тому же прегражденнымъ отрядами генераловъ гр. Келлера и Ренненкампфа. По отношенію къ этимъ отрядамъ роль резерва могъ безусловно играть X арм. корпусъ, который въ раіонѣ сосредоточенія ожидался въ іюнѣ. Такимъ образомъ еще около половины мая ни что не препятствовало направленію главныхъ силъ М. арміи противъ японцевъ, высадившихся на Квантунѣ.

Возвращаюсь къ прерванному изложенію хода военныхъ дѣйствій въ маѣ 1904 года.

Къ концу мая, когда сформировалось ядро арміи Ноги, и Оку не приходилось болѣе заботиться о прикрытіи со стороны П.-Артура, обстановка измѣнилась для японцевъ къ лучшему. 26 мая Дагу-

шанская группа заняла городъ Сюянь, всего въ 4-хъ переходахъ отъ линіи Гайчжоу—Хайченъ [1]). Къ исчисленію этого разстоянія подпол. Свѣчинымъ надо ввести поправку; разстояніе Сюянь—Гайчжоу и Сюянь—Хайченъ равняются каждое по воздушной линіи 80 верстамъ; принимая во вниманіе извилистость горныхъ дорогъ, а также ихъ качество, разстоянія эти въ дѣйствительности соотвѣтствуютъ для крупныхъ отрядовъ каждое около 6—8 переходовъ, не считая сопротивленія, которое японцы могли встрѣтить съ нашей стороны на каждомъ изъ этихъ путей. Наступленіе Дагушанской группы сильно помогало арміи Оку, т. к. создавало сильную угрозу лѣвому флангу и сообщеніямъ русскихъ; *однако чтобы сохранить эти выгоды, необходимо было и арміи Оку продвинуться на сѣверъ, чтобы сблизиться и войти съ нею въ связь.* (Курсивъ мой). Подчеркиваю эти слова подпол. Свѣчина (стр. 120), которыя идутъ въ разрѣзъ съ ходячимъ мнѣніемъ о крайней опасности выдвиженія отряда ген. Штакельберга въ направленіи къ П.-Артуру; очевидно, японцы были другого мнѣнія объ условіяхъ нашей операціи, т. к. иначе простой здравый смыслъ долженъ бы подсказать имъ не только не мѣшать движенію 1. Сибирскаго корпуса, а напротивъ постараться втянуть его какъ можно глубже по направленію къ Цзиньчжоу, съ тѣмъ, чтобы дѣйствіемъ Дагушанской группы, усиленной частями I арміи, отрѣзать нашъ выдвинувшійся отрядъ отъ ядра Маньчжурской арміи и затѣмъ нанести ему отдѣльное пораженіе всѣми силами арміи Оку. Это должно было казаться тѣмъ заманчивѣе, что во второй половинѣ мая высаживалась на Квантунѣ новая дивизія (6.), которая могла усилить армію Оку, давъ ему превосходство надъ выдвигаемымъ къ югу русскимъ корпусомъ. Если японцы этого не сдѣлали, а напротивъ, поспѣшили выручкѣ навстрѣчу, оставивъ противъ 30 баталіоновъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона только слабый заслонъ, то это служитъ доказательствомъ, что они совершенно не разсчитывали на успѣхъ дѣйствій на наши сообщенія Дагушанской и Фынхуанченской группъ и что *въ наступленіи нашего отряда они усматривали опасность не для насъ, а для себя* [2]). Одинъ фактъ перехода въ наступленіе арміи Оку уже долженъ бы успокоить начальство М. арміи относительно его опасеній за лѣвый флангъ и побудить немедленно усилить ген. Штакельберга изъ оставленныхъ въ тылу резервовъ.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 120.

[2]) Въ японскихъ сочиненіяхъ о войнѣ эта опасность откровенно признается См. Приложеніе.

Какъ повѣствуетъ дальше подпол. Свѣчинъ, причиной быстраго перехода въ наступленіе II японской арміи было между прочимъ имѣвшееся у ген. Оку свѣдѣніе, что у Вафангоу сосредоточены только двѣ русскія дивизіи [1]), которыя и было рѣшено разбить прежде, чѣмъ онѣ могутъ усилиться подкрѣпленіями. Стало быть и нашъ противникъ допускалъ возможность сосредоченія въ отрядѣ ген. Штакельберга болѣе значительныхъ силъ и успѣхъ своей операціи основывалъ не на дѣйствіяхъ на сообщенія, которыя намъ внушали такія преувеличенныя опасенія, а на превосходствѣ силъ въ простомъ фронтальномъ столкновеніи, чему способствовала допущенная нами разброска силъ въ глубину [2]).

Двѣ дивизіи—3. и 5., были направлены вдоль желѣзной дороги для атаки расположенія русскихъ у Вафангоу; кавалерійская бригада ген. Акіяма, усиленная 1 баталіономъ и 6 орудіями, прикрывала правый флангъ. Уступомъ, на отлетѣ къ западу, за лѣвымъ флангомъ, наступалъ общій резервъ—4. дивизія, которому указывалось продвинуться до р. Фучжоухэ и изготовиться къ дѣйствію противъ праваго фланга и тыла противника.

Въ случаѣ перехода противника въ наступленіе ранѣе готовности 1. Сибирскаго армейскаго корпуса къ движенію на выручку Портъ-Артура, ген.-лейт. Штакельбергъ „рѣшилъ завлечь его къ Вафангоу, гдѣ на избранной позиціи дать сильный отпоръ, съ переходомъ, при благопріятной обстановкѣ, въ контръ-атаку“. Позиція была избрана только 26 мая; къ укрѣпленію ея хотя и было приступлено на слѣдующій день, но работы велись вяло, пока наступленіе японцевъ не обозначилось окончательно.

Въ полутора переходахъ передъ фронтомъ, въ соприкосновеніи съ противникомъ, находилась наша конница (15 эскадр. и сот. 1 кон. охотн. ком., 6 оруд.).

Чтобы облегчить условія ея работы, 28 мая къ Вафандяну былъ выдвинутъ авангардъ—бригада пѣхоты съ батареей.

31 мая наступленіе 3. и 5. японскихъ дивизій производилось настолько открыто, и мѣстныя условія представляли такія удоб-

---

[1]) Около 27 мая въ штабѣ ген. Оку считали, что стоящій противъ II арміи русскій отрядъ превосходитъ ее дивизіи на двѣ съ тремя или четырьмя полками конницы (Соч. Анг. ген. штаба вып. II стр. 55). Но позднѣе были вѣроятно получены болѣе точныя свѣдѣнія или стоявшій у Вафангоу корпусъ принимался японцами за далеко выдвинутый авангардъ болѣе сильнаго русскаго отряда.

[2]) „Шашлыкъ изъ кусочковъ на вертелѣ—желѣзной дорогѣ“. (Помѣтка В. Министра г.-ад. Сахарова, на письмѣ г.-ад. Куропаткина Намѣстнику отъ 14 мая № 690 (Т. II Ч. I. Приложенія, стр. 97).

ства для наблюденія, что наша конница безъ особаго труда опредѣлила ихъ силу и группировку. На нашемъ правомъ флангѣ свѣдѣнія о противникѣ не отличались опредѣленностью; одинъ разъѣздъ замѣтилъ движеніе по дорогѣ на г. Фучжоу бригады пѣхоты, но затѣмъ слѣдъ ея былъ потерянъ; повидимому, рѣшили, что эта колонна повернула на востокъ и присоединилась къ главнымъ силамъ, наступавшимъ вдоль желѣзной дороги.

Движеніе 4. японской дивизіи не было открыто и 1 іюня, несмотря на то, что она при своемъ наступленіи разрѣзала расположеніе нашей конницы.

На 1 іюня ген.-лейт. баронъ Штакельбергъ отдалъ приказъ о сосредоточеніи на позиціи у Вафангоу. Выдвинутая впередъ конница должна была отойти на правый флангъ и охранять его; авангардъ—въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ—долженъ былъ пройти мимо с. Вафанвопэнъ въ составъ лѣваго участка.

Сама позиція дѣлилась на три участка; правый участокъ на высотахъ къ сѣверо-западу отъ д. Сандзыиръ занимали 3 баталіона 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи съ 8-ю орудіями; средній, артиллерійскій, участокъ—долину отъ д. Сандзыиръ до желѣзной дороги—занимали 24 орудія, подъ прикрытіемъ 3-хъ ротъ; лѣвый участокъ, къ востоку отъ желѣзной дороги, занимала 1. Восточно-Сибирская стрѣлк. дивизія съ 32 орудіями. Горный массивъ передъ правымъ участкомъ (сѣвернѣе д. Тафаншинъ), съ котораго открывался обширный кругозоръ, занимался, какъ передовой пунктъ, однимъ баталіономъ. Общій резервъ — 2. бригада 35. пѣхотной дивизіи съ 2-мя батареями—располагался за правымъ флангомъ. Въ теченіе ночи по желѣзной дорогѣ должны были прибыть еще два полка 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи и Тобольскій пѣхотный полкъ, которые доводили численность нашихъ войскъ до 36 баталіоновъ—25.000 штыковъ при 96 орудіяхъ [1]).

Цифры эти, совпадающія съ данными, приведенными въ текстѣ труда В.-Ист. комиссіи, оспариваются самимъ ген. Штакельбергомъ (Р. Инвалидъ 1911 г. № 136), который всѣ силы, сосредоточенныя къ Вафангоу до конца боя 2-го іюня включительно, принимаетъ всего въ 32 баталіона; подробно указывая, въ какихъ именно частяхъ отсутствовали роты и баталіоны. Въ таблицѣ нашихъ потерь, помѣщенной въ приложеніи № 39 къ Т. II, ч. 2, при перечисленіи частей войскъ, принимавшихъ участіе въ бою (1. и 9. В.-Сиб. стр. дивизіи, 2. бригада 35. пѣх. дивизіи и Тобольскій пѣхотный полкъ) показаны недостающими всего 10 ротъ, въ примѣчаніяхъ

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 120—122.

60, 62 и 63 показаны отсутствующими еще другія роты. Такимъ образомъ въ бою 2 іюня участвовало, считая и части, подошедшія къ концу боя, всего отъ 32 до 33 баталіоновъ, а не 36, какъ считаетъ подполк. Свѣчинъ, но надо принять во вниманіе, что и у японцевъ не всѣ дивизіи приняли участіе въ бою въ полномъ числѣ баталіоновъ; такъ напр. въ 6. пѣхотн. полку было на лицо только два баталіона (Т. II ч. 2-я стр. 14 и 36). Японскіе б—ны по числу штыковъ были сильнѣе нашихъ (стр. 35).

Протяженіе нашей позиціи—6½ верстъ [1]) соотвѣтствовало имѣвшимся силамъ и допускало возможность сохранить сильные резервы.

Высоты, тѣснившіяся передъ фронтомъ, скрадывали орудійный обстрѣлъ, представляли прекрасные наблюдательные пункты для противника и способствовали скрытному обходу обоихъ фланговъ.

Фронтъ былъ раздѣленъ на двѣ части долиной рѣки Фучжоухэ, совершенно открытой для непріятельскаго обстрѣла, почему сообщеніе между правымъ и лѣвымъ участками крайне затруднялось. Сама рѣка никакого препятствія не представляла.

Позиція образовывалась какъ бы рядомъ уступовъ; лѣвый флангъ былъ выдвинутъ впередъ, правый откинутъ назадъ. Такимъ образомъ, общій фронтъ получалъ направленіе на юго-западъ; противнику, наступавшему съ юга, охватъ лѣваго фланга давался совершенно естественно, въ предвидѣніи чего нашъ лѣвый участокъ былъ болѣе прочно занятъ и имѣлъ сильный частный резервъ (1. и 2. Восточно-Сибирскіе стрѣлк. полки—авангардъ, отходившій отъ Вафандяна).

Установка артиллеріи на высотахъ являлась крайне затруднительной, несмотря на разработку подъемовъ; орудія были поставлены совершенно открыто на гребнѣ высотъ для стрѣльбы по видимой цѣли; на расположеніи артиллеріи сказалось недостаточное знакомство и недовѣріе высшихъ артиллерійскихъ начальниковъ къ пріемамъ закрытой стрѣльбы.

Окопы были незакончены; площадки для орудій были тѣсны; блиндажей и траверсовъ не имѣлось; пѣхотные окопы въ скалистомъ грунтѣ большей частью были доведены только до колѣнной профили; на маскировку вниманіе обращено не было.

Мѣстность въ тылу допускала движеніе даже самыхъ легкихъ повозокъ только вдоль желѣзной дороги, да по пути на Цюйдзятунь, отходившему отъ лѣваго фланга [2]).

---

[1]) См. планъ.

[2]) А. Свѣчинъ, стр. 122—123. Исправлена очевидная ошибка въ наименованіи фланговъ въ строкѣ 3-й снизу на стр. 122.

При всѣхъ недостаткахъ, отмѣченныхъ подполк. Свѣчинымъ, позиція у Вафангоу, представляя типичныя особенности, вообще свойственныя горнымъ позиціямъ—имѣла и свои достоинства. Ген. Гамильтонъ, лично ознакомившись съ нею, призналъ ее даже „почти безукоризненной“ съ узкой тактической точки зрѣнія. Англійскій военный писатель при этомъ отдаетъ должное искусству русскаго генерала, сумѣвшаго выискать „такую хорошую оборонительную позицію въ запутанной горной мѣстности, гдѣ такъ часто ищущему удобнаго поля сраженія трудно бываетъ остановиться и онъ все переходитъ отъ одного кряжа къ другому, т. к. надъ каждымъ изъ нихъ командуетъ другой“. Но съ широкой точки зрѣнія (имѣя въ виду главнымъ образомъ требованія активной обороны), Гамильтонъ находитъ позицію менѣе удовлетворительной. Она была слишкомъ стѣснена для имѣвшагося въ распоряженіи числа войскъ и орудій. Успѣшную контръ-атаку было трудно произвести. Правильный планъ, казалось, непремѣнно долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы защищать узкое ущелье у Вафангоу сравнительно слабыми силами, употребивъ главныя для удара въ лѣвое крыло японцевъ вдоль Фучжоуской дороги. Оку, безъ сомнѣнія, и ожидалъ и страшился подобной попытки“ (Записная книжка и т. д. Т. II изд. 1907 г. стр. 368—369). Направленіе вдоль Фучжоуской дороги цѣлой бригады 4. дивизіи и непринятіе ею участія въ боѣ 2 іюня было вѣроятно результатомъ этихъ опасеній Оку.

Японцы, слѣдуя за нашей отступавшей конницей, начали развертываться передъ нашей позиціей во второмъ часу дня 1 іюня; значительное число батарей открыло огонь, чтобы развѣдать расположеніе нашей артиллеріи, что и было достигнуто; японцамъ удалось выяснить, что передъ ними сгруппировано около 2-хъ дивизій, и что по желѣзной дорогѣ подкрѣпленія подвозятся непрерывно. На фронтѣ пѣхота не вступала въ бой, но лѣвый флангъ русскаго расположенія, у д. Вафанвопенъ, японцамъ удалось незначительными силами охватить и причинить 1. Восточно - Сибирскому стрѣлк. полку, при занятіи имъ новой позиціи фронтомъ на юго-востокъ, довольно значительныя потери. Такимъ образомъ, 1 іюня японцамъ удалось и развѣдать наше расположеніе, и притянуть наше вниманіе на востокъ.

2 іюня генералъ Оку рѣшилъ насъ атаковать по слѣдующему плану: 5. дивизія атакуетъ высоту сѣвернѣе Тафаншина; 4. дивизія одной бригадой атакуетъ съ запада правый флангъ русскихъ, а другой бригадой продолжаетъ обходное движеніе; 3. дивизія, сохраняя связь съ 5. дивизіей, продвигается впередъ, лишь когда послѣдняя, выяснивъ вступленіе въ бой 4. дивизіи, начнетъ даль-

нѣйшее наступленіе. Въ центрѣ дивизіонная артиллерія усиливалась батареями 1. отдѣльной артиллерійской бригады.

Въ резервѣ, въ непосредственномъ распоряженіи командующаго арміей, сохранялось только 2 баталіона.

Командиру 1. Сибирскаго корпуса обстановка рисовалась также довольно выясненной: конница, отошедшая къ Лункоо и которой указывалось связаться съ наблюдательной заставой у г. Фучжоу, повидимому, надежно обезпечивала правый флангъ; передъ фронтомъ находились 24 японскихъ баталіона, которые начали охватывать наше расположеніе съ востока [1]).

„Мы располагали, говоритъ далѣе подполковникъ Свѣчинъ, 36 баталіонами — полуторнымъ перевѣсомъ въ силахъ, который лучше всего было использовать, обрушившись на выдвинутое впередъ охватывающее крыло японцевъ, тѣмъ болѣе, что у Вафанвопена оно подставляло свой флангъ удару со стороны Цюйдзятуня". По этому поводу считаю необходимымъ повторить сказанное выше, что къ началу боя 2 іюня ген. Штакельбергъ ни въ какомъ случаѣ не располагалъ 36 баталіонами и что поэтому планъ его дѣйствій не могъ основываться на предполагаемомъ перевѣсѣ въ силахъ. Въ запискѣ, посланной имъ ген. Гернгроссу въ ночь на 2 іюня, имѣвшей цѣлью ободрить этого генерала, озабоченнаго понизившейся боеспособностью ввѣренныхъ ему войскъ, к—ръ 1. Сиб. корпуса, успокаивая своего подчиненнаго, говоритъ, что противникъ только „равносиленъ" намъ.

Соотвѣтственно этому, т. е. принятому плану дѣйствій, еще засвѣтло 1 іюня общій резервъ былъ передвинутъ въ раіонъ къ югу отъ Цюйдзятуня; командовалъ образовавшимся новымъ участкомъ ген.-маіоръ Гласко; силы его доходили до 8½ батал. пѣх. съ 32 орудіями. Задача была формулирована такъ: сговорившись съ генераломъ Гернгроссомъ, атаковать во флангъ японцевъ, дѣйствующихъ у Вафанвопена противъ стрѣлковъ.

Въ связи съ этимъ фланговымъ ударомъ, съ фронта на правое крыло японцевъ долженъ былъ обрушиться ген. Гернгроссъ; подчиненныя ему силы уменьшились до 8½ батал. и 4 слабыхъ конногорныхъ орудій пограничной стражи; одинъ его полкъ (4.) съ двумя его батареями входилъ въ правый участокъ, который долженъ былъ обороняться, а двѣ батареи съ прикрытіемъ въ 2 роты были переданы въ отрядъ г.-м. Гласко.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 123—124. По поводу боя 1 іюня, для сравненія, см. Приложеніе.

Командованіе неподвижной частью боевого порядка—правымъ крыломъ, тянувшимся на 5 верстъ—было объединено въ лицѣ г.-м. Мрозовскаго (потомъ. г.-м. Кондратовича); здѣсь имѣлось всего 8 баталіоновъ и 40 орудій; артиллерія осталась въ тѣхъ же окопахъ, къ которымъ японцы уже пристрѣлялись, такъ какъ на постройку новыхъ окоповъ времени не имѣлось. По недоразумѣнію, передовой пунктъ—горный массивъ къ сѣверу отъ Тафаншина на ночь былъ нами очищенъ.

Конница наша, вмѣсто того, чтобы все время висѣть на лѣвомъ флангѣ японцевъ и вести широкую развѣдку, отошла, согласно буквѣ диспозиціи, слишкомъ скоро на сѣверъ и сама замкнула себя въ котловинѣ Лункоо. Вечеромъ, 1 іюня, конница получила приказаніе сдѣлать поискъ на флангъ и тылъ противника, но исполненіе отложила до утра 2 іюня и отошла на ночлегъ на 2 версты къ сѣверу отъ Лункоо.

Вмѣсто ушедшей бригады г.-м. Гласко къ утру 2 іюня у станціи Вафангоу были собраны 5 батал. и 8 ор.—новый резервъ, образованный подвезенными за ночь полками 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи [1]), одинъ изъ нихъ собрался полностью только къ 8 ч. утра (т. II ч. 2 стр. 34).

Еще вечеромъ г.-м. Гернгроссъ обратился къ г.-м. Гласко съ просьбой—выдвинуться на одну высоту съ 1. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіей, чтобы на разсвѣтѣ можно было съ успѣхомъ атаковать японцевъ. Съ разсвѣтомъ, однако, отрядъ ген. Гласко не появлялся, время уходило; моментъ для атаки, задуманной на разсвѣтѣ, былъ упущенъ; въ седьмомъ часу утра г.-м. Гернгроссъ, не дождавшись отряда ген. Гласко, приказалъ 2. и 3. полкамъ начать наступленіе, которое, за отсутствіемъ полевой артиллеріи, было лишено надлежащей огневой подготовки.

Около полудня въ наступленіе перешла и половина 1. полка. 1. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи удалось отбросить передовыя части японцевъ и продвинуться черезъ долину къ западу отъ Вафанвопена на дѣйствительный ружейный выстрѣлъ отъ японскаго боевого порядка; наши стрѣлки вошли въ мертвое для японской артиллеріи пространство, и вся 3. японская дивизія была прикована къ атакованнымъ нами высотамъ; правый флангъ ея еле держался, къ начальнику дивизіи одно за другимъ приходили донесенія о тяжеломъ положеніи войскъ; въ резервѣ дивизіи оставался только 1. баталіонъ, и командующій арміей въ 11 часовъ утра принужденъ былъ послать на подкрѣпленіе одинъ баталіонъ—половину своего резерва.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 124—126.

Задержка наступленія г.-м. Гласко произошла отъ того, что онъ не уяснилъ свою задачу, считая цѣлью своихъ дѣйствій только обезпеченіе лѣваго фланга г.-м. Гернгросса. Лишь послѣ долгихъ совѣщаній со своими подчиненными, въ исходѣ седьмого часа утра рѣшился онъ наступать, но въ 8-мъ часу утра получилъ записку изъ штаба корпуса, съ указаніемъ, какъ отступать въ случаѣ неудачи. Это условное распоряженіе было принято за полную отмѣну наступленія; авангарды были задержаны, а главныя силы оттянуты на тыловую позицію, на высоты къ сѣверо-западу отъ Цюйдзятуня. Въ 10 часовъ утра, съ полученіемъ категорическаго приказанія командира корпуса—немедленно наступать для поддержки г.-м. Гернгросса—попятное движеніе было остановлено и авангарды усилены. Но дорогое время было потеряно въ безцѣльномъ утомительномъ передвиженіи впередъ и назадъ.

Только послѣ полудня батареи были выставлены; наступленіе обозначилось лишь во второмъ часу дня, когда на правомъ флангѣ бой былъ уже проигранъ, и ген. Гернгроссъ отдалъ приказаніе объ отступленіи: ген. Гласко могъ его только обезпечить.

Помимо недоразумѣній, наступленіе г.-м. Гласко велось чрезвычайно медленно потому, что сразу не было обращено должное вниманіе на занятіе массива между дер. Вафанвопенъ и Чендзятунь. Дѣйствуя двумя авангардами по долинамъ у подошвы этого массива, мы давали малымъ силамъ японцевъ возможность задержать насъ и нанести потери.

Въ центрѣ бой сложился, главнымъ образомъ, въ видѣ артиллерійской дуэли. Японскія батареи, всего до 100 полевыхъ орудій, въ 5 часовъ утра вступили въ бой противъ 40 нашихъ; по техникѣ пристрѣлки мы отнюдь не уступали противнику; но въ тактическомъ отношеніи несомнѣнное превосходство было на сторонѣ японцевъ: ихъ батареи стояли укрыто и настолько низко за гребнями, что блеска выстрѣловъ не было видно, и батареи обозначались только пылью, вздымаемой выстрѣлами; онѣ очень хорошо сосредоточивали свой огонь въ важнѣйшія минуты боя.

Положеніе на позиціи 4. Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка было чрезвычайно серьезно; но объ этомъ въ штабѣ корпуса извѣстій не было, такъ какъ этимъ полкомъ, выдѣленнымъ изъ состава 1. дивизіи, въ сущности никто не распоряжался; у начальства 9. дивизіи имѣлось достаточно дѣла на правомъ крылѣ. Около полудня мы начали уводить батареи. Между артиллеріей и пѣхотой никакой связи не было, и при начавшемся отступательномъ движеніи отходъ батарей не былъ прикрытъ; японцы захватили 13 полевыхъ и 4 кон. горн. орудія.

На своемъ лѣвомъ флангѣ японцы перешли въ наступленіе съ разсвѣтомъ. Къ 7 час. утра вся 5. японская дивизія со всей своей горной артиллеріей была уже на правомъ берегу р. Фучжоухэ и развертывалась на высотахъ праваго берега Лункооскаго ручья, къ югу отъ Лункоо. Противъ нихъ, на высотахъ между Лункоо и Сандзыиромъ, развернулся 2. бат. 36. Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, высланный для занятія передового пункта—высоты непосредственно къ сѣверу отъ Тафаншина, но не попавшій туда; тутъ же находилась и конница, которая въ 9 час. 30 мин. замѣтила, что у Лункоо и сѣвернѣе появилась еще свѣжая бригада, вышедшая со стороны Фучжоу. Въ 10 ч. дня объ этой бригадѣ узналъ и штабъ корпуса; такимъ образомъ, 4. японской дивизіи удалось совершить свой путь отъ Пуланьдяна до Лункоо совершенно скрытно.

Конница не стала ввязываться въ огневой бой съ японцами и около 9½ час. утра начала отходить въ направленіи на Лунтайху.

Для того, чтобы задержать охватъ японцами нашего праваго фланга, еще до полудня послѣдній баталіонъ частнаго резерва и пять баталіоновъ 9. Восточно-Сибирской стрѣлков. дивизіи, находившіеся у ст. Вафангоу въ общемъ резервѣ, были выдвинуты въ боевую часть и продолжили нашъ фронтъ на западъ, до параллели станціи Вафангоу.

Наступленіе японцевъ было задержано; но съ крайняго лѣваго фланга, куда выѣхалъ г.-л. Штакельбергъ, было ясно видно, что противникъ продолжаетъ свое обходное движеніе на сѣверъ и переходитъ въ долину Лунтайху. Въ 11 ч. 45 м. г.-м. Самсоновъ доносилъ, что „пѣхота японцевъ выходитъ на желѣзную дорогу между Цзяхосинъ и станціей".

Около 12 ч. 30 м. дня г.-л. Штакельбергъ отдалъ приказъ о постепенномъ отходѣ войскъ.

Еще до полученія этого приказанія, отступленіемъ уже распорядились по своей иниціативѣ: въ центрѣ г.-м. Мрозовскій, на лѣвомъ флангѣ г.-м. Гернгроссъ.

За исключеніемъ недоразумѣній въ центрѣ, отступленіе было выполнено въ порядкѣ, двумя группами: одна отступала вдоль желѣзной дороги, другая—на Цюйцзятунь. Ген.-м. Самсоновъ высадилъ два баталіона Тобольцевъ изъ вагоновъ и прикрылъ ими опасное направленіе на Лунтайху. Около трехъ часовъ дня пошелъ

проливной дождь, остановившій преслѣдованіе японцевъ. Въ два форсированныхъ ночныхъ перехода 1. корпусъ отошелъ благополучно къ Сеньючену.

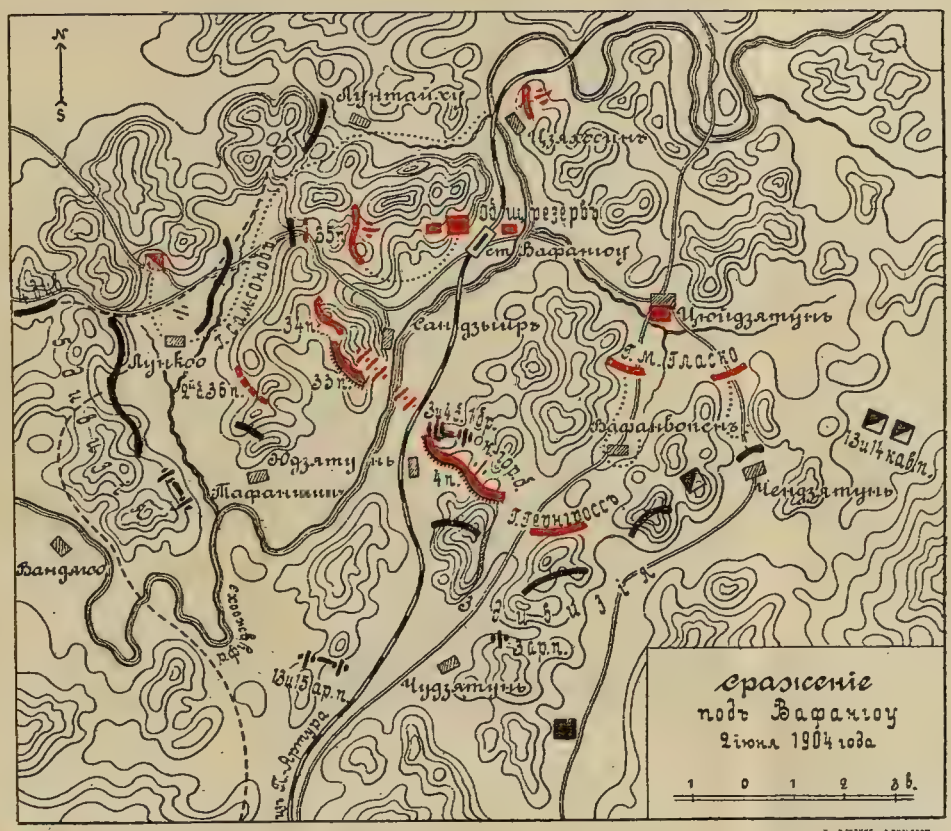
Нашъ уронъ достигалъ 128 офицер. и 3.435 нижнихъ чиновъ; японцы потеряли 53 офицер. и 1.137 нижнихъ чиновъ [1]).

В. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

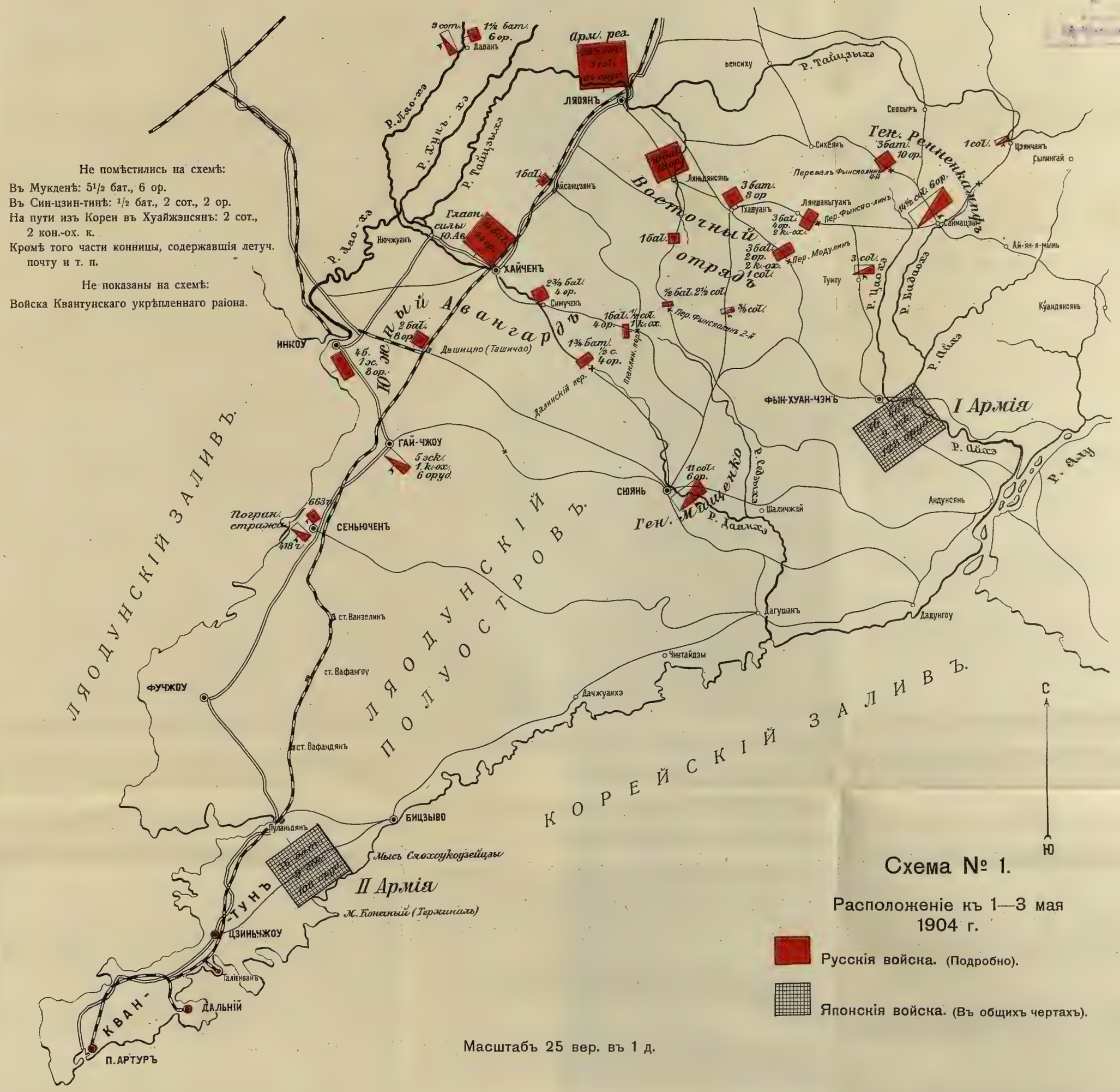
[1]) А. Свѣчинъ, стр. 127—132. См. приложеніе.

Планъ.



Русскія войска.

Японскія „


Не помѣстились на схемѣ:
Въ Мукденѣ: 5½ бат., 6 ор.
Въ Син-цзин-тинѣ: ½ бат., 2 сот., 2 ор.
На пути изъ Кореи въ Хуайжэнсянъ: 2 сот., 2 кон.-ох. к.
Кромѣ того части конницы, содержавшія летуч. почту и т. п.
Не показаны на схемѣ:
Войска Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.
Арм. рез.
ЛЯОЯНЪ
Р. Тайцзыхэ
Р. Ляо-хэ
Р. Хунь-хэ
Р. Лао-хэ
Р. Цаохэ
Р. Бадаохэ
Р. Айхэ
Р. Ялу
Р. Содзыхэ
Р. Даянхэ
Ген. Ренненкампфъ
Восточный отрядъ
Южный Авангардъ
Ген. Мищенко
I Армія
II Армія
ЛЯОДУНСКІЙ ЗАЛИВЪ.
ЛЯОДУНСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.
КОРЕЙСКІЙ ЗАЛИВЪ.
КВАН-ТУНЪ
ИНКОУ
ХАЙЧЕНЪ
ГАЙ-ЧЖОУ
СЕНЬЮЧЕНЪ
СЮЯНЬ
ФЫН-ХУАН-ЧЭНЪ
ФУЧЖОУ
БИЦЗЫВО
ЦЗИНЬЧЖОУ
ДАЛЬНІЙ
П. АРТУРЪ
Мысъ Сяохоукоузейцзы
М. Конечный (Терминаль)
Погран. стража
Даванъ
Айсанцзянъ
Нючжуанъ
Симученъ
Дашицяо (Ташичао)
Далинскій пер.
Ляньдянсянь
Тхавуанъ
Ляншаньгуанъ
Пер. Фынсяо-линъ
Пер. Модулинъ
Пер. Фынсяолинъ 2-й
Перевалъ Фынсяолинъ 4-й
Сихеянъ
Сяосыръ
Цзянчанъ
Сыпингай
Саймацзы
Ай-ян-я-мынь
Куандянсянь
Тунпу
Андунсянь
Шаличжай
Дагушанъ
Дадунгоу
Чинтайдзы
Дачжуанхэ
ст. Ванзелинъ
ст. Вафангоу
ст. Вафандянъ
Пуланьдянъ
Таліенванъ
С
Ю
Схема № 1.
Расположеніе къ 1—3 мая 1904 г.
Русскія войска. (Подробно).
Японскія войска. (Въ общихъ чертахъ).
Масштабъ 25 вер. въ 1 д.

МУКДЕНЪ
ЛЯОЯНЪ
ХАЙЧЕНЪ
ИНКОУ
КАЙЧЖОУ
СЮЯНЬ
ФЫН-ХУАН-ЧЭНЪ
ШАЛИЧЖАЙ
ФУЧЖОУ
БИЦЗЫВО
ЦЗИНЬЖОУ
ДАЛЬНІЙ
П. АРТУРЪ
Ген. Косагговскій
Ген. Самсоновъ
Ген. Мищенко
Подполк. Кушелевскій
Подполк. Мадритовъ
Ген. Ренненкампфъ
Передовой отрядъ
Главныя силы
I Армія
II Армія
10 дивія.
ЛЯОДУНСКІЙ ЗАЛИВЪ.
КОРЕЙСКІЙ ЗАЛИВЪ.
Р. Ялу
Р. Ляохэ
Р. Тай-цзы-хэ
Р. Хунь-хэ
Р. Да-лю-хэ
Р. Ай-хэ
Р. Ичжу
Р. Сыдзя
Р. Ша-хэ
Р. Во-бо-хэ
Р. Ляохэ
Р. Ялу
Архг. резервъ
Арм. резервъ (2 бр. 35 д.)
Передовой отрядъ
Главныя силы
Ген. Ренненкампфъ
Подполк. Кушелевскій
Подполк. Мадритовъ
Ген. Самсоновъ
Ген. Мищенко
Ген. Косагговскій
Читинск. полкъ
Ичжу
Ай-дун-сань
Куандянсянь
Сыпингай
Ай-ян-я-мынь
Ляоцзяньгуань
Ляньдянсянь
Ихэчжуанъ
Сихеченъ
Беньсиху
Ничуанъ
Цзиньчжоу
Дашицяо (Ташичао)
Синьчэнь
Ст. Ванзелинъ
Ст. Вафангоу
Ст. Вафандянъ
Ст. Пуландянъ
Та-ліенванъ
Дагушанъ
Дадунгоу
Чинтайцзы
Данцзяхэ
Схема № 2.
Расположеніе къ 16 мая 1904 г.
Русскія войска. (Не показаны войска Квантунскаго укр. раіона).
Японскія войска.
С
Ю
Масштабъ 20 вер. въ 1 д.

Журнальный фонд
Московской об[illegible]

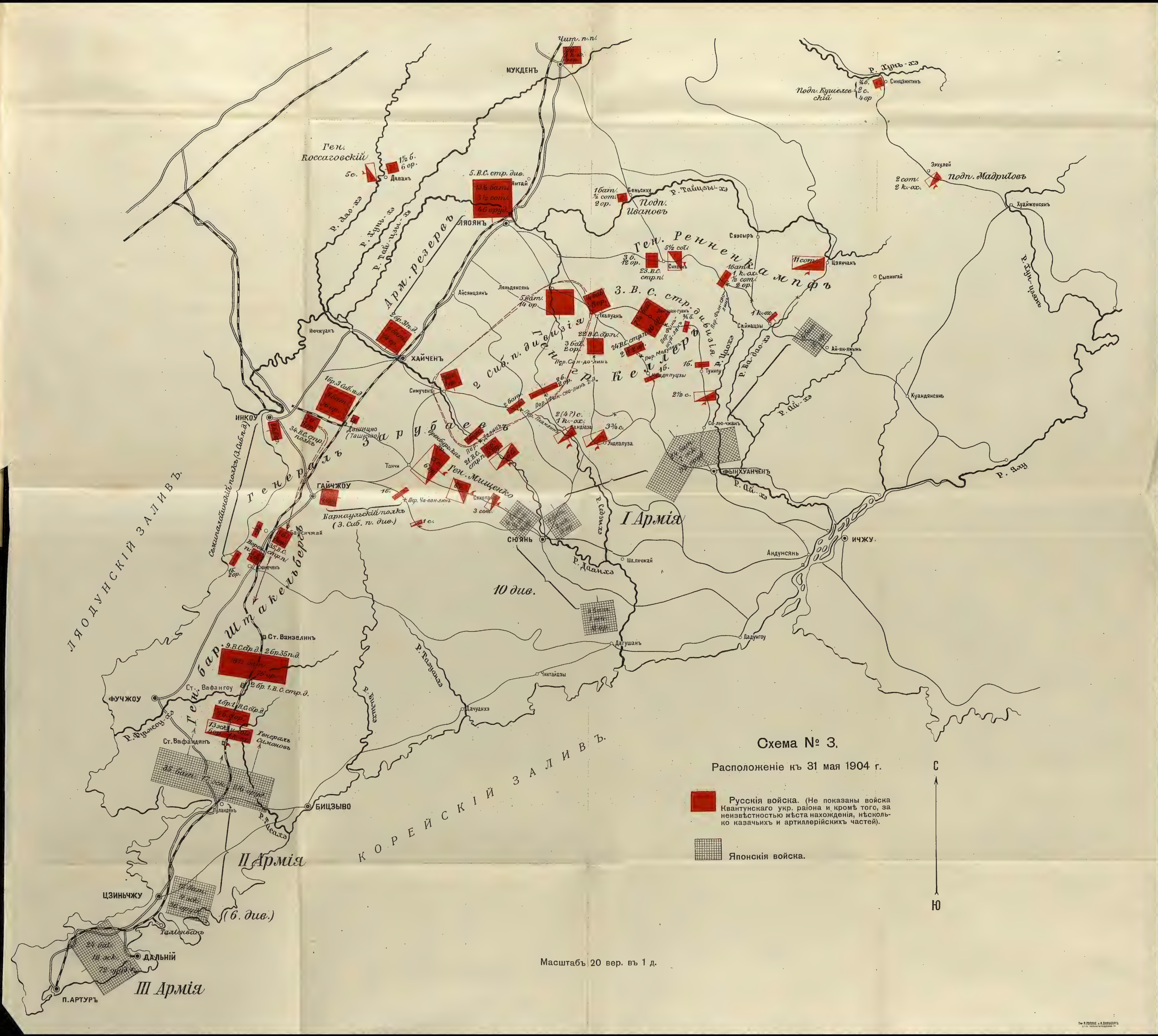


Схема № 3.
Расположеніе къ 31 мая 1904 г.
Русскія войска. (Не показаны войска Квантунскаго укр. раіона и кромѣ того, за неизвѣстностью мѣста нахожденія, нѣсколько казачьихъ и артиллерійскихъ частей).
Японскія войска.
Масштабъ 20 вер. въ 1 д.
С
Ю
МУКДЕНЪ
ЛЯОЯНЪ
ХАЙЧЕНЪ
ИНКОУ
ГАЙЧЖОУ
ФУЧЖОУ
БИЦЗЫВО
ЦЗИНЬЧЖУ
ДАЛЬНІЙ
П. АРТУРЪ
СЮЯНЬ
ФЫНХУАНЧЕНЪ
ИЧЖУ
ЛЯОДУНСКІЙ ЗАЛИВЪ
КОРЕЙСКІЙ ЗАЛИВЪ
I Армія
II Армія
III Армія
10 див.
(6. див.)
Ген. Коссаговскій
Подп. Ивановъ
Подп. Кушелевскій
Подп. Мадритовъ
Ген. Ренненкампфъ
3. В. С. стр. дивизія
Ген. Келлеръ
2 сиб. п. дивизія
Генералъ Зарубаевъ
Ген. Мищенко
Ген. бар. Штакельбергъ
Генералъ Симоновъ
Арм. резервъ
5. В. С. стр. див.
Барнаульскій полкъ (3. Сиб. п. див.)
9. В. С. стр. д.
2 бр. 35 п. д.
2 бр. 1. В. С. стр. д.
Ст. Вафангоу
Ст. Вафандянъ
Ст. Ванзелинъ
Р. Тайцзы-хэ
Р. Хунь-хэ
Р. Ляо-хэ
Р. Ай-хэ
Р. Ялу
Р. Даянхэ
Р. Фучжоу-хэ
Р. Бицзхэ
Дашицяо (Ташичао)
Сюянь
Сяосыръ
Цзянчанъ
Сайманцзы
Ай-ян-ямынь
Куандянсянь
Хуайжэнсянь
Синцзинтинъ
Давань
Янтай
Беньсиху
Айсяцзянъ
Ляндянсянь
Нючжуанъ
Симученъ
Тхавуанъ
Сихэянь
Сюючень
Дагушань
Чжитайдзы
Дачуанхэ
Андунсянь
Шалиджай
Пуландянъ
Таличвань
Эрхулей
Сыпингай
Тинчи
Пер. Ча-ван-линь
Пер. Сан-до-линь
Пер. Мотьянь-линъ
Тайдзыхэ
Ундзалуза
Ляндяза

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Въ апрѣлѣ 1812 года.

Нашимъ Военно-Ученымъ Архивомъ Генеральнаго штаба издаются крайне поучительные документы, относящіяся до Отечественной войны.

Приводимъ здѣсь въ подлинникахъ наиболѣе интересные изъ нихъ. (Томъ XI, — подготовка къ войнѣ въ 1812 г., апрѣль мѣсяцъ).

По прочтеніи этихъ документовъ можно составить понятіе о положеніи нашихъ войскъ и французскихъ, о свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись въ Россіи о непріятелѣ, о намѣреніяхъ Барклая-де-Толли и Багратіона и т. д. *Т.*

Военный министръ Государю Императору, 1 апрѣля 1812 г. изъ Вильны, № 25. Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 1881, л. 172.

Его Императорскому Величеству военнаго министра рапортъ.

Имѣю счастіе поднести Вашему Императорскому Величеству приложенныя при семъ письма, мною полученныя отъ полковника Аренштильда на имя принца Голштейнъ-Ольденбургскаго, мое и ген.-лейт. барона Фуля и донесеніе полковника Турскаго.

Всѣ полученныя извѣстія изъ Пруссіи отъ 29 марта подтверждаютъ, что французы на четырехъ назначенныхъ мѣстахъ строятъ мосты у Маріенвердера, Маріенбурга, Торна и Диршау и имѣли намѣреніе переходить 28 числа марта черезъ Вислу.

Корпусу Даву назначено идти въ Кенигсбергъ. Полагаютъ, что главное намѣреніе французовъ состоитъ въ стремительномъ нападеніи на Курляндію, чтобы овладѣть Либавою, гдѣ полагаютъ найти самый большой запасъ провіанта и фуража.

Въ французской арміи недостатокъ въ фуражѣ чрезвычайно великъ. Множество лошадей падаетъ, потому что самое большое число довольствуется соломой. Главный ихъ запасъ находится въ Эльбингѣ.

Прусскія войска выступаютъ изъ Мемеля въ самоскорѣйшемъ времени.

Дивизія Компана сего числа, то есть 29 марта, на лодкахъ у Нейенбурга и у Маріенвердера на обыкновенномъ мѣстѣ переходитъ чрезъ Вислу и около города будетъ ожидать повелѣнія о дальнѣйшемъ слѣдованіи. Вслѣдъ за оною дивизіею слѣдуютъ 3.000 кавалеріи.

У Диршау, Старгарда и Реве слѣдуютъ большія отдѣленія войскъ чрезу Вислу и далѣе на Маріенбургъ и Эльбингъ въ Кенигсбергъ и безъ сомнѣнія до Мемеля и Тильзита.

Главная квартира маршала Даву находится въ Вольценбургѣ, и корпусъ его слѣдуетъ по большой части чрезъ Познань.

Весьма благоразумно оставили странный планъ, чтобы построить на противной сторонѣ около Габра, въ Мемелѣ находящагося, окопы и блокгаузъ. Напротивъ того мемельскій гарнизонъ 31 марта начинаетъ выступать ежедневно по одной ротѣ чрезъ Нерунгъ въ Кенигсбергъ, а тамъ остается только команда, состоящая изъ 40 человѣкъ.

Корреспонденты полагаютъ, что если теперь Мемель не будетъ занятъ нашими войсками, то французы, конечно, постараются взять тамошніе провіантскіе запасы. Въ Мемелѣ уже находится французскій консулъ, и корабли нагружаются. Принцъ Гогенцоллернъ, командующій Мемельскимъ гарнизономъ, не имѣетъ еще повелѣнія собственной своей персоной оставить Мемель.

Всѣ сіи обстоятельства побуждаютъ насъ поспѣшить сколь возможно скорѣе, чтобы хотя нѣсколько предупредить непріятеля, дабы онъ небезпрепятственно могъ приступить къ нашимъ границамъ; я хотя и стараюсь приводить все къ сей цѣли, но многіе недостатки не позволяютъ мнѣ выполнить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, о конхъ долгомъ себѣ поставляю Вашему Величеству донести.

1-е. Необходимо нужно начальникамъ армій и корпусовъ имѣть начерченные планы ихъ операцій, которыхъ они по сіе время не имѣютъ.

2-е. Генеральные штабы не совершенно еще устроены, и во ввѣренной мнѣ 1-й западной арміи начальника генеральнаго штаба по сіе время нѣтъ, но, дабы не могло произойти какой-либо остановки по сей части, я имѣю счастье представить на сіе мѣсто, впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержде-

нія, ген.-лейт. Лаврова, котораго нахожу достойнымъ къ исправленію сей должности.

3-е. Необходимо нужно имѣть въ арміи хотя малые подвижные магазины, и я полагаю на сіе употребить палаточные ящики, съ принадлежащими къ нимъ полковыми лошадьми, ибо въ палаткахъ на первый случай надобности настоять не будетъ.

4-е. Ни генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ, ни корпусные начальники центра и лѣваго фланга арміи по сію пору къ арміи еще не прибыли.

5-е. *Не имѣю при арміи ни копѣйки денегъ* [1]), а потому вынужденнымъ нашелся требовать изъ Виленской казенной палаты, дабы выдала она въ мое распоряженіе всѣ имѣющіяся у нея деньги; имѣю то же самое намѣреніе сдѣлать съ деньгами, въ Бѣлостокѣ имѣющимися.

Несмотря на всѣ сіи затрудненія, войска могутъ однако жъ тотчасъ двинуться, если только получу я на то Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, но дабы операціи сіи производились генерально изъ всѣхъ пунктовъ, необходимо нужно назначить день, въ который всѣ колонны обѣихъ армій и корпусовъ должны перейти границу; сіе неожиданное движеніе нашихъ войскъ непріятеля можетъ ни мало обезпокоить.

При выступленіи нашемъ изъ Вильно нужнымъ считаю непремѣнно занять сей городъ запасными войсками и назначить сюда благоразумнѣйшаго и расторопнѣйшаго начальника.

Не имѣя достовѣрнаго свѣдѣнія, по какой дорогѣ Ваше Императорское Величество располагаете отправиться изъ С.-Петербурга въ Вильно, я рѣшился послать съ симъ донесеніемъ къ Вашему Величеству курьеровъ по двумъ дорогамъ, по Псковской и Рижской.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Изъ письма сенатора Ланского ген. Барклаю-де-Толли, 4 апрѣля 1812 г., № 102 секретно. Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 219.

Сверхъ того увѣдомляютъ изъ Бреста по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Варшавы, что тамъ на все страшная дороговизна и во всемъ недостатокъ, — войскъ весьма много, каждый жилецъ (не токмо хозяинъ дома), занимающій двѣ комнаты, обязанъ кормить офицера или рядового. Наполеона ожидаютъ туда непремѣнно и говорятъ, что онъ уже въ Дрезденѣ.

Оттоль же, что будто онъ имѣлъ свиданіе съ Императоромъ австрійскимъ и уже выѣхалъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ. *Т.*

Военный министръ Государю Императору, 4 апрѣля 1812 г. изъ Вильно, № 26 [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1881, л. 176.

Его Императорскому Величеству отъ военнаго министра рапортъ.

Счастіе имѣю представить Вашему Величеству нѣкоторыя заграничныя извѣстія, мною сейчасъ полученныя. Французы приближаются къ Кенигсбергу и можетъ быть теперь уже заняли сей городъ. Пруссаки берутъ позицію надъ Прегелемъ, и полагать можно, что маршалъ Д'Авустъ нынѣ уже переправился черезъ Вислу. Всѣ сіи обстоятельства даютъ видъ серьезный, и едва-ли можно будетъ намъ правымъ корпусомъ и первою арміею предпринять ни что другое, какъ только опустошенія нѣкотораго пространства непріятельской земли.

Мнѣ кажется, что корпусъ графа Витгенштейна, противъ котораго собирается значительное число войскъ, не довольно силенъ, и потому приказалъ я 17-й дивизіи быть готовою къ выступленію, а если Вашему Величеству угодно приказать, то оная дивизія можетъ тотчасъ слѣдовать къ Шавлѣ. Между тѣмъ предупредилъ я графа Витгенштейна, чтобы онъ на правомъ своемъ флангѣ имѣлъ въ готовности 6 батальоновъ пѣхоты, одну батарейную и одну легкую роты къ занятію Мемеля, буде получитъ на то повелѣніе Вашего Величества.

Изъ второй арміи 24-я дивизія уже подходитъ къ Пружанамъ; вслѣдствіе чего предписалъ я генералъ-лейтенанту Эссену 1-му, чтобы онъ отправилъ 23-ю дивизію къ 1-й арміи, а князя Багратіона увѣдомилъ, чтобы онъ съ своею арміей былъ во всей готовности къ начатію дѣйствій.

Иррегулярныя войска первой арміи расположилъ всѣ въ Бѣлостокской области. Нѣкоторые полки, какъ-то: Калмыкскій, Башкирскій и полкъ Донской, который предполагается взять изъ обсерваціоннаго корпуса, и на замѣнъ котораго идетъ Донской же полкъ изъ второй арміи, еще къ нимъ не соединились.

Всѣ войска, сколько я имѣлъ случай ихъ видѣть, наполнены духомъ, приличнымъ Россійскимъ воинамъ; но Всемилостивѣйшій Государь! нужно подкрѣпить ихъ физическія силы мясною и винною порціями. При всемъ моемъ усердіи я однако же по сему предмету ничѣмъ помогать не въ состояніи: *денегъ совсѣмъ нѣтъ* [2]); реквизиціею недостатокъ сей замѣнить не могу, ибо губерніи еще не объ-

---

[1]) Помѣтка ген. Барклая: „Государю читано и возвращено назадъ 13 апрѣля".

[2]) Курсивъ нашъ. *Т.*

явлены въ военномъ состояніи; недостатокъ въ фуражѣ при войскахъ, въ Виленской губерніи расположенныхъ, начинаетъ уже быть чрезвычайно ощутителенъ, и я принужденъ былъ приказать довольствовать подъемныхъ лошадей рожью и сѣчкою, а строевымъ лошадямъ замѣнить пять фунтовъ сѣна соломою и мукою, сберегая овесъ въ запасныхъ магазинахъ на случай дѣйствій. Между тѣмъ закупаютъ сѣно и овесъ у Вилейкахъ и въ Столбцахъ, откуда изъ перваго мѣста сплавлено будетъ по Виліи къ Вильно, а изъ втораго мѣста по Нѣману въ Мосты, но все сіе такъ скоро поспѣть не можетъ.

Въ Гродно приказалъ я приготовить нѣкоторое количество фуража для сплавливанія оттуда къ Меречу и Олитѣ, яко къ пунктамъ для переправы предполагаемымъ, куда приказалъ также и свозить 10-ти дневный провіантъ въ сухаряхъ; но перевозка сія чрезвычайно затруднительна, ибо лошади обывательскія до крайности изнурены, и дорога почти непроходима.

Во всѣхъ полкахъ близъ Вильно умножается число больныхъ, и въ здѣшнемъ госпиталѣ имѣется ихъ уже до двухъ тысячъ. Болѣзни однако же не опасны и по большей части лихорадочныя.

Въ корпусѣ графа Витгенштейна и въ обсерваціонномъ корпусѣ больныхъ гораздо менѣе. Причина тому то, что они гораздо просторнѣе расположены.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Сенаторъ Тейльсъ Государю Императору, 8 апрѣля 1812 г. изъ Тарнополя [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 308.

Его Императорскому Величеству отъ сенатора Тейльса всеподданнѣйшее донесеніе.

При семъ имѣю счастіе препроводить Вашему Величеству нѣкоторыя заграничныя свѣдѣнія, дошедшія до меня сего апрѣля въ 7 день, которыя кажутся довольно важными и заключаютъ въ себѣ много правдоподобнаго, я осмѣлился представить ихъ къ Вашему Величеству прямо, а не чрезъ г-на Мин. полиціи по той причинѣ, что здѣсь разнесся слухъ о Высочайшемъ отбытіи Вашемъ изъ С.-Петербурга.

Подпись: Игнатій Тейльсъ.

---

[1]) Помѣтка: „Получено 18 апрѣля“.

Извѣстія изъ Герцогства Варшавскаго.

Новостей у насъ много; но я извѣщаю только о самыхъ важныхъ и вѣрнѣйшихъ, какъ-то:

Легіоны польскіе перевозятся на подводахъ поспѣшно въ ихъ отечество—двѣ дивизіи саксонскаго войска, составляющія 25.000 человѣкъ, пришли въ Калишъ 1 апрѣля (н. ш.), о чемъ нашъ министръ увѣдомилъ по эстафетѣ, равномѣрно 30.000 баварцевъ въ тотъ день вступили въ Познанскій департаментъ, а провіантскіе комиссіонеры, хлѣбники и пекарня французскіе прибыли въ Торунь; 5 же апрѣля (н. ш.) придетъ въ Познань авангардъ французскій, состоящій изъ одного полка конныхъ стрѣлковъ и 5.000 человѣкъ пѣхоты.

28 марта (н. ш.) полученъ здѣсь отъ Наполеона приказъ, который въ самый день Свѣтлаго Воскресенія и отданъ при вахтъ-парадѣ, и въ которомъ значится, что польскія войска отнынѣ имѣютъ составлять великой французской арміи 5-й корпусъ, подъ командой князя Іосифа Понятовскаго, у коего подъ начальствомъ быть еще 20.000 человѣкъ прусскаго войска, присоединяемаго къ одному польскихъ войскъ 5 корпусу и которое прибудетъ сюда 10 апрѣля (н. ш.): сего же дня пріѣхали уже ихъ комиссары и квартирмистры.

Вчера прислано сюда объявленіе войны французовъ съ Россіею и при ономъ воззваніе къ арміямъ французской, польской и нѣмецкой. Оное воззваніе печатное и очень пространное; почему только важнѣйшее содержаніе онаго сообщаю: въ немъ Наполеонъ говоритъ къ французамъ, что будетъ вести войну съ Россіею, которая препятствуетъ ему въ постановленіи всеобщаго на твердой землѣ мира, а что въ іюлѣ мѣсяцѣ придетъ со своимъ войскомъ въ С.-Петербургъ, что король прусскій его другъ и все свое храброе войско отдаетъ въ полное его распоряженіе,—полякамъ же говоритъ: „что край ихъ увеличитъ онъ такъ, что обширность онаго будетъ гораздо болѣе, нежели каковая была при королѣ Станиславѣ; что между югомъ и сѣверомъ поставитъ крѣпкую переграду, а на польскій престолъ посадитъ своего дядю князя Вюрцбургскаго; что войска прусскія будутъ вмѣстѣ съ ними дѣйствовать, для чего и надобно полякамъ существующую въ нихъ издавна ненависть къ пруссакамъ прекратить.

Сверхъ того имѣемъ здѣсь подлинное извѣстіе, что въ Глоговѣ (въ Силезіи) отведено 80 домовъ, кои великолѣпно убираются для Императоровъ, королей и принцевъ, которые тамъ пробудутъ нѣсколько времени и потомъ отправятся въ Варшаву, да и здѣсь поспѣшно починиваютъ королевскій замокъ и много другихъ лучшихъ

домовъ для пребыванія императора и принцевъ, даже въ Старомъ Городѣ, около замка, велѣно всѣмъ, по найму живущимъ уступить свои квартиры для двора императорскаго.

Польское войско въ готовности, раздѣлено на пять дивизій, и около Варшавы расположено онаго до 30.000 человѣкъ, которые по первому приказу перейдутъ черезъ Вислу поздороваться съ москалями.

Корпусъ маршала Даву, состоящій изъ 60.000 человѣкъ, идетъ съ поспѣшностью и къ 15 числу апрѣля (н. ш.) вступитъ въ Польшу.

Корпусъ маршала Удино прибылъ уже въ Берлинъ; оный составленъ изъ лучшихъ французскихъ войскъ, числомъ изъ 50.000 чел.

Корпусъ маршала Нея около Данцига состоитъ изъ 40.000 чел.

Вообще вся французская армія противъ Россіи заключаетъ въ себѣ 9 корпусовъ разнаго войска.

Всѣ сіи новости суть достовѣрнѣйшія, потому что обнародованы въ приказахъ при вахтъ-парадахъ.

Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ Военному министру, 10 апрѣля 1812 г. изъ Луцка, № 121. Секретно [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 268—267.

Михаилъ Богдановичъ!

Я задержалъ дня два посланнаго отъ вашего высоко-ства ожидая къ себѣ пріѣзда человѣка, возвратившагося изъ княжества Варшавскаго, отобранныя отъ него свѣдѣнія у сего включаю, которыя и другими, разными лицами подтверждаются. По сіе время нѣтъ почти никакихъ войскъ на сей сторонѣ Вислы, и всѣ запасы стягиваются къ оной, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ слухи, открывающіе обстоятельно какія-либо предпріятія и начертанные планы распускаются нарочно для сокрытія настоящихъ пунктовъ; должно ожидать, что для удостовѣренія въ оныхъ вышлются и нѣкоторыя части войскъ сообразно сдѣланному оглашенію; но усилія, кои употребляютъ они къ очищенію края между Буга и Вислы отъ жизненныхъ, и упраздненіе магазейновъ весьма кажутся быть противны предполагаемымъ намѣреніямъ къ дѣйствію на лѣвый нашъ флангъ.

Не оставляя дѣлать безпрестанныя развѣдыванія въ день границы нашей и внутрь княжества, я бы тотъ часъ извѣщенъ былъ о умноженіи войскъ на сей сторонѣ рѣки и о мѣстахъ ихъ расположеній; но по сіе время остается край ихъ въ прежнемъ откры-

[1]) Резолюція ген. Барклая де-Толли: „къ свѣдѣнію“. Помѣтка: „Получено 13 апрѣля“.

томъ положеніи, и граница ихъ охраняется малымъ числомъ поселянъ.

Какъ скоро получу какія-либо свѣдѣнія достойныя особеннаго уваженія, каковыя ожидаю теперь въ непродолжительномъ времени, то поспѣшу съ нарочнымъ сообщить ихъ вашему высокоп-ству.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь . . . . . слуга.

Подпись: Кн. Багратіонъ.

Приложеніе къ письму ген.-отъ-инф. кн. Багратіона.

Маршалъ Даву по письму изъ Варшавы, которое читано было въ Люблинѣ, дѣйствительно уже прибылъ назадъ тому 12 дней и командуетъ всею арміей.

Войско подѣлено на 5 корпусовъ: первыхъ командуетъ вице-король Италіанскій, 2-мъ—Ней, 3-мъ Даву, 4-мъ одинъ изъ французскихъ генераловъ, а 5-мъ—Понятовскій.

Всѣ сіи войска расположены по ту сторону Вислы, на сей же сторонѣ полкъ Тарновскаго расположенъ по-эскадронно въ разныхъ мѣстахъ.

Рекрутъ набирали три раза въ каждой по 12 тыс., а теперь дѣлается наборъ по жеребью со всей шляхты, но позволяется каждому вмѣсто себя поставить на службу другого, за вѣрность котораго обязывается отвѣтственностью.

Во всемъ краѣ сдѣлано извѣщеніе обывателямъ, что, по причинѣ ожидаемаго прибытія войскъ австрійскихъ, французскихъ и прусскихъ, доставляли бы въ Варшаву продукты свои на продажу.

Недостатокъ въ хлѣбѣ между Бугомъ и Вислою весьма ощутителенъ, во многихъ мѣстахъ отъ голоду люди пухнутъ и умираютъ, и даже не имѣютъ надежды, чтобы могли что-нибудь засѣять.

Сенаторъ Ланской Военному министру, 11 апрѣля 1812 г., № 108. Секретно [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 284.

Г-ну Воен. мин. главнокоманд. 1-ю западною арміею.

Имѣю честь препроводить вашему высокопр-ству выписку изъ письма мною полученнаго.

Сверхъ того извѣстія изъ Варшавы по слухамъ, будто и Н. намѣренъ короновать вице-короля италійскаго Богарне, королемъ италійскимъ, возвращаетъ папѣ Римъ со всею принадлежностью

[1]) Помѣтка: „Получено 15 апрѣля“.

церковнаго владѣнія и водворяетъ его въ столицѣ оной, австрійскому имп. уступаетъ обратно титулъ короля римскаго, а теперешняго короля римскаго, сына своего, дѣлаетъ королемъ польскимъ. Прусскому королю назначаетъ шведскую Померанію; извѣстіи сіи ничто иное суть какъ слухи; за всѣмъ тѣмъ я поставляю обязанностію и объ нихъ донести вашему высокопр-ству.

Влагаемое у сего таковое жъ донесеніе на имя господина министра полиціи покорнѣйше прошу передать посредствомъ вашимъ по адресу.

Подпись: Сенаторъ Ланской.

Гр. Ливенъ ген. Барклаю-де-Толли, 16 (28) апрѣля 1812 г. изъ Берлина [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 378—379.

М. г. Михаилъ Богдановичъ!

Генералы и чиновники, составляющіе главную квартиру большой французской арміи. отправляются сего числа въ Познань, пробывъ здѣсь четыре недѣли.

Корпусъ маршала Удино такъ же отправляется къ Вислѣ. Вчера выступилъ отсюда 8-й легкоконный полкъ, а сего дня часть пѣхоты, которой завтра послѣдуютъ остальные полки первой дивизіи, которая здѣсь мѣсяцъ квартировала.

Сія дивизія пойдетъ прямо чрезъ Кюстринъ, на Маріенвердеръ; вторая и третья дивизіи сего корпуса, которыя стояли донынѣ на Одерѣ, отъ Кюстрина до Штетина, выступаютъ также сего числа и слѣдуютъ равномѣрно къ Вислѣ.

Корпусъ маршала Даву, какъ навѣрно полагаютъ, двинется отъ Торуны къ Элбингу, гдѣ уже прибыла дивизія генерала Гранжана, которая къ сему корпусу принадлежитъ.

Корпусъ маршала Нея, бывшій донынѣ еще на Одерѣ, слѣдуетъ къ Познани, но навѣрно полагаютъ, что онъ безъ отлагательства пойдетъ до Вислы и что самъ маршалъ будетъ имѣть главную квартиру въ Торунѣ.

Полагать должно, что маршалъ Жюно, который съ корпусомъ своимъ находится понынѣ около Глогау, также впередъ подвинется, но я о семъ еще не имѣю достовѣрнаго свѣдѣнія.

Дивизія генерала Легранъ, то есть первая Удинова корпуса, прибудетъ въ Маріенвердеръ около 3/15 мая.

---

[1]) Помѣтка: „Получено 26 апрѣля“.

Весь сей корпусъ имѣетъ предписаніе везти съ собою пятьдесятъ тысячъ раціоновъ и безъ необходимой надобности сей запасъ не употреблять. Самъ маршалъ Удино имѣетъ приказаніе дождаться здѣсь прибытія маршала Виктора, котораго ежечасно ожидаютъ. Сей будетъ имѣть здѣсь главную квартиру и, какъ увѣряютъ, командовать резервною арміею, простирающеюся до 70.000 человѣкъ. Изъ сего числа 12.000 имѣютъ быть расположены на правомъ берегу Эльбы, а прочія на лѣвомъ берегу сей рѣки: Сія армія составлена будетъ изъ депо конфедератскихъ войскъ, изъ 10.000 датчанъ, которые нынѣ въ Голштиніи собираются изъ присылаемыхъ сюда конскриптовъ для обмундированія, обученія и отсылки къ полкамъ.

Здѣсь на первый случай остается только одинъ баталіонъ вюрцбургскихъ войскъ, вступившій сюда 11-го числа сего мѣсяца.

Генералъ Дюрютъ, который теперь командуетъ въ побережныхъ городахъ Мекленбургіи, прибудетъ сюда для принятія должности здѣшняго военнаго губернатора.

Число чиновниковъ, принадлежащихъ къ большой арміи, часъ отъ часу умножается. Здѣсь между прочимъ прибыло множество почталіоновъ для расположенія по всѣмъ станціямъ большого военнаго тракта, что отъ Парижа до сего мѣста уже и приведено въ дѣйствіе. Они возятъ сами полевую почту въ своихъ повозкахъ и на своихъ почтовыхъ лошадяхъ. Сверхъ того отправляется и пріѣзжаетъ ежедневно поспѣшная эстафета, къ которой употребляются французскіе почталіоны.

Каждый день приходитъ по одиночкѣ множество ремесленниковъ всякаго рода, которые совершенно походятъ на выходцевъ, голодомъ изъ отечества своего вытѣсненныхъ. Здѣсь получаютъ они единообразную одежду и отправляются вслѣдъ за арміей; но никому не извѣстно съ какимъ намѣреніемъ.

Извѣстіе объ устроеніи тетъ-де-понтъ во Франкфуртѣ на Одерѣ не утвердилось.

Французская гвардія начала выступать въ Дрезденъ съ 11/23 сего мѣсяца.

Я имѣю честь доставить при семъ вашему высокопр-ству именной списокъ генераламъ, состоящимъ при большой главной квартирѣ [1]).

Съ отличнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть . . . . . слуга.

Подпись: Графъ Ливенъ.

---

[1]) Настоящаго документа въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива не оказалось. Ред.

Кн. Багратіонъ Военному министру, 17 апрѣля 1812 г. изъ Луцка, № 132. Секретно [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1874, л. 161.

Г-ну военному министру ген.-отъ-инф. кн. Багратіона.

Спѣшу благодарить ваше высокопр-ство за увѣдомленія, полученныя мною въ отношеніи отъ 10 сего мѣсяца, за № 74; предметъ ихъ слишкомъ важенъ, чтобъ не заставить меня сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній о положеніи, въ которомъ находится командуемая мною армія.

Движеніе наступательное или оборонительное оной зависитъ точно отъ количества войскъ ей противупоставленныхъ. Полагаю, что при начатіи военныхъ дѣйствій, получу я на сей счетъ подробнѣйшія замѣчанія отъ вашего высокопр-ства, ибо вамъ болѣе извѣстны политическія дѣла и пункты, на которые непріятель устремитъ свои силы. До сихъ поръ кажется, что собираются оныя въ окружность Данцига, противъ же себя вижу я армію, изъ 70.000 человѣкъ баварцевъ, саксонцевъ, виртембергцевъ и баденцовъ состоящую. Письмо, при семъ оригиналѣ прилагаемое, извѣщаетъ о семъ, согласно съ слухами, до насъ изъ Галиціи доходящими. По сему предположенію движеніе мое должно быть наступательное, тѣмъ болѣе, что ваше высокопр-ство увѣдомляете меня въ прежнихъ письмахъ, что обсерваціонная армія, собранная между Житоміромъ и Тарнополемъ, будетъ надзирать движеніе австрійцевъ, въ окрестностяхъ Лемберга находящихся.

Я не могу скрыть отъ вашего высокопр-ства желаніе мое, чтобы наши арміи даже въ движеніяхъ оборонительныхъ, дѣлали непріятелю сильное сопротивленіе, удаляя его отъ границъ нашихъ въ продолженіи всей кампаніи. Его единственная надежда въ выигрышѣ сраженія, и хотя осторожность требуетъ, чтобъ мы сколь возможно отъ сего удалялись, но и въ случаѣ потери съ нашей стороны лишь въ самой крайности должно помышлять объ отступленіи, толико во всѣхъ отношеніяхъ вредоносномъ.

Впрочемъ всѣ предосторожности взяты будутъ въ подобномъ несчастіи. Наши магазейны простираются до Житоміра, въ одномъ Новоградѣ Волынскомъ ихъ не состоитъ, но я уже принялъ мѣры къ учрежденію и тамъ запасовъ, дороги осмотрѣны; что же принадлежитъ до праваго моего фланга, я предполагаю, что ваше высокопр-ство предписали, чтобы пункты: Брестъ-Литовскій, Пинскъ и Мозырь были довольно укрѣплены, дабы могли быть защищаемы ре-

[1]) Помѣтка: „Къ свѣдѣнію“.

зервными баталіонами, къ сему уже назначенными. Пункты сіи чрезвычайной важности, равно какъ и теченіе рѣки Припеть.

Что жъ принадлежитъ до позиціи Кіева, для рѣшительнаго сраженія, долгомъ поставляю донести вашему высокопр-ству, что я считаю оную совершенно невыгодной и по мѣстоположенію и по текущей въ тылу арміи рѣкѣ, переправа чрезъ которую, бывъ трудна во всякое время, еще болѣе невозможна въ случаѣ неудачи. Мнѣ кажется, что позиція на лѣвомъ берегу Днѣпра и подъ прикрытіемъ города была бы гораздо выгоднѣе для послѣдственныхъ операцій. Но должно полагать, что мы не будемъ никогда въ сей крайности, и помнить, что въ послѣднюю войну семьдесятъ тысячъ человѣкъ безъ запасовъ, въ открытыхъ мѣстахъ, шесть мѣсяцевъ противоборствовали побѣдоносной арміи Наполеона, и что силы, имъ нынѣ противъ насъ собираемыя, ежели и сравнятся съ нами числомъ, то вѣрно уступятъ въ усердіи и достоинствѣ.

Я послалъ нарочнаго въ Каменецъ-Подольской и Хотинъ, въ разсужденіи перевоза артиллеріи и укрѣпленія послѣдняго, и о полученныхъ оттолѣ извѣщеніяхъ не премину донести вашему высокопр-ству.

Прежде окончанія моихъ замѣчаній я обращаюсь вновь къ обсерваціонной арміи и полагаю, что весьма полезно бы было, когда бъ генералъ Тормасовъ занялъ уже важнѣйшіе пункты между Житоміромъ и Тарнополемъ прежде начатія движеній, ибо по всѣмъ слухамъ, до насъ доходящимъ, Австрія хотя сіе казалось бы невѣроятнымъ, беретъ дѣятельное участіе въ сей войнѣ, держась стороны нашего непріятеля; равномѣрно полезно бъ было, когда бъ находящіеся въ Мозырѣ резервные батальоны приступили къ укрѣпленію Пинска и позицій, которыя имѣемъ мы въ виду для отпора непріятеля.

Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать, ваше высокопр-ство, что я крайне сожалѣю о начатіи нами движеній ранѣе, чѣмъ обстоятельства того требовали. Дожди и дурное время умножили число больныхъ въ арміи, надѣюсь однако же, что съ хорошей погодой уменьшится число оныхъ, чего я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Подпись: Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ.

Собственноручное письмо Императора Александра I къ князю Николаю Ивановичу Салтыкову [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 459.

---

[1]) Орѳографія подлинника сохранена. Ред.

Имелъ я удовольствіе получить два письма вашего сіятельства отъ 11-го и 13-го апрѣля. Искренне васъ благодарю за чувства въ нихъ неизъясненныя; надеюсь что вы не сумнѣваетесь во всей моей привязанности къ вамъ. У насъ [1]) слава Богу все еще смирно и спокойно. Армія въ самомъ лутчемъ духѣ. Артилерія которую я успелъ осмотреть въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все упованіе мое на всевышняго спокойно ожидаю дальнейшихъ событій. Прилагаю при семъ выписку изъ письма Сперанскаго, и пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ.

Александръ.

Въ главной квартирѣ
въ Вильнѣ, 19-го апрѣля
1812 года.

Приложеніе къ письму Императора Александра I. Собственноручно написанная Его Величествомъ „выписка изъ письма Сперанскаго“.

Между бумагами въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящимся ваше Императорское Величество изволилъ найтить разшифрованныя перлюстраціи. Они мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бѣка, всемъ проступкѣ сознаю себя виновнымъ, и не ища оправданій, предаюсь милосердію Вашего Величества и протчая.

Т.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

[1]) Императоръ Александръ I прибылъ въ Вильну въ Вербное Воскресеніе 12 апрѣля 1812 г. *Т.*

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“

Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

„ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ и ГОЛОДЪ“

Сборникъ подъ редакціей **Ч. Вѣтринскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Нѣсколько словъ о неурожаѣ въ Нижегор. губ. **Г. И. Сергѣева.**—Левъ Толстой и голодъ. **Ч. Вѣтринскаго.**—1. **Л. Н. Толстой.** Статьи о голодѣ 1873, 1891—2 и 1898 гг. 2. Письма **Л. Н. Толстого.** Воспоминанія и др. матеріалы: 1873 г.—**А. С. Пругавина, С. С. Кондурушкина,** 1891—2 г.—**А. И. Эртеля,** американца **Стадлинга, К. К. Арсеньева, Д. Н. Анучина, В. И. Скороходова, С. Т. Семенова, П. Н. Гастева;** 1898 г.—**гр. И. Л. Толстого;** 1907 г.—**Г. С. Рябова.**

Съ 2-мя портретами Л. Н. ТОЛСТОГО и 5-ю иллюстраціями.

Чистый сборъ отъ этого изданія будетъ полностью переданъ въ распоряженіе Нижегородскаго отдѣла Русскаго общества охраненія народнаго здравія на устройство столовыхъ для голодающихъ.

ЦѢНА 1 руб., съ пересылкой 1 р. 25 к.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Н.-Новгородъ, Новобазарная пл., д. Васильевой, у В. Е. Чешихина.

При выпискѣ изъ главнаго склада не менѣе 10 экземпляровъ пересылка за счетъ книгоиздательства.

СКЛАДЪ ВЪ МОСКВѢ:

Б. Никитская, 10. Книжный магазинъ „НАУКА“.

Загоскинъ, М. Н. Вечеръ на Хопрѣ. Отрывокъ изъ манускрипта подъ заглавіемъ „Мое отдохновеніе, или современные разсказы и были прошедшихъ двухъ столѣтій". Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина № 10. М. 1911. Изд. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9). Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч., св. д.). 16° (14×18). 111 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга VI, т. XXVI—XXIX. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. Общ. Польза (Б. Подъяч., 39). 8° (20×23). 1178 стр. (въ 2 ст.) Складъ: Б. Подъяческая, 39. Ц. 29 т. 25 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 3.500 экз.

Становскій, И. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г. Вильна. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. А. Дворжеца. 16° (11 × 17). 32 стр. Съ портр. Вѣсъ 2 л. 1 500 экз.

Толстой, А. К. Полное собраніе сочиненій. Томъ III. Драматическая трилогія. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 1911. Изд. Луковникова, П. В., 25-е. (Спб., Лештуковъ пер., 2). Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×26). 559 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 6.200 экз.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга III. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (17×25). VII+387 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 400 экз.

Булгаковъ, С. Д. Святитель Іоасафъ (Горленко), епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (род. 1705 г., сконч. 1757 г.). (Къ торжеству церковнаго прославленія Святителя Іоасафа въ 4-й день сентября 1911 г.). Курскъ. 1911. Изд. губ. Статистич. Комитета Тип. Губ. Правл. 8° (18×26). 26 стр.+2 листа рис. Вѣсъ 4 л.

Вилинскій, С. Г. Личность В. Г. Бѣлинскаго. (Рѣчь). Одесса. 1911. Тип. Техникъ (Успенская, 56). 8° (17×24). 15 стр. Вѣсъ 2 л.100 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Т. VI. С.-Петербургъ. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 4° (19×28). 161—318+8 лист. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 10.000 экз.

Жураковскій, Евгеній. Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX вѣка. Индивидуализмъ въ новой русской живописи. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15 × 21). 108 + 1 нен. стр. Съ рис. + 4 табл. Ц. 85 к. Вѣсъ 14 л. 3.000 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1911 г. Книжка 1-я тома XVI. Спб. 1911. Тип. Имп. Академіи Наукъ. (В. Ост., 9 л., д. 12). 8° (17 × 25). 350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 830 экз.

Содержаніе: Соболевскій, А. И. Русскій Паломникъ. Соболевскій, А. И. Былина. Петровъ, А. Л. Когда возникли русск. поселенія. Рожнецкій, С. Изъ исторіи Кіева. Грушевскій, А. С. Работы Костомарова. Полонская, Н. IV археолог. съѣздъ въ Костромѣ. Розановъ, С. П. Источники Ѳеодосіев. редакціи Житія Саввы. Спитко, А. К. Описаніе рукописей въ Слуцкомъ монастырѣ. Венешевичъ, В. Н. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Корыкъ, Г. Энциклопедія сочиненій для учащихъ и учащихся. Вып. 7-й А. С. Грибоѣдовъ. Комедія „Горе отъ ума": подлинный текстъ и разборъ въ пересказахъ, планахъ и образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на конкурсныхъ испытаніяхъ съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1911. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатерин., 8). 8° (17×25). 116+16 стр. Складъ: Кн. маг. Одесскихъ Новостей (Дерибасовская, 20). Ц. 65 к. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Крыловъ, И. А. Басни. Съ біографіею и отзывомъ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (15 × 23). 270+II стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 22 л. 6.000 экз.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Ничипоръ Бородай. Изъ украинскихъ преданій. Съ рис. А. А. Кучеренко и др. М. 1911. Изд. Д. П. Ефимова, 2-е. Тип. Вильде (Малая Кисловка, соб. д.). 8° (15×22). 48 стр. Съ рис. Складъ: (Моховая, д. Бенкендорфа) кн. маг. А. Д. Друтманъ. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Майковъ, В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18 × 22). XLVIII + 307 стр. + 4 таб. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 200 экз.

Масловскій, С. Д. Лѣтопись военной печати 1910 (годъ первый). Извѣстія Императорской Николаевской Военной Академіи. Указатели. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (17 × 25). VIII + 113 стр. 1.000 экз.

Никольскій, Николай, свящ. Матеріалы по описанію Троице-Пятницкаго женскаго монастыря, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи. Весьегонскъ. 1911. Тип. А. П. Виноградова. 8° (17 × 22). 64 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Семеновъ, М. Исторія и теорія русской словесности. Для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ, торговыхъ школъ и низшихъ техническихъ училищъ. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 4-е (Пятницкая, соб. д.). 8° (15×23). 336 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 28 л. 5.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія литературы какъ наука. Свободное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціей Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, пр.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича. Спб. 1911. Изд. 2-е и тип. т-ва М. О. Вольфа (Вас. О., 16 лин., соб. д.). 8° (16 × 23). 60 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Шведеръ, Е. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. Образцовая Библіотека. № 28. Біографическіе очерки. Кн. 1-я. Вильна. 1911. Изд. Книгоизд. Едиторъ. Тип. І. Завадзкаго. 16° (10 × 14). 77 + 2 нен. стр. + 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой“. Спб. Знаменская, 27.

1113-10/III
1308-6/XV

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Всероссийского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~596~~ 20/VII				
~~1455~~ 6, XI				
26/2 27/XI				